

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Нам 50!

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

5/2008

Москва
Гуманитарий

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года

Редакционный совет журнала “Философские науки”

Алексеев П.В., Апресян Р.Г., Губин В.Д., Гусейнов А.А.,
Доброхотов А.Л., Журавлев А.Л., Кристиан Д., Кузнецова Т.Ф.,
архимандрит Макарий, Мариносян Х.Э. (председатель),
Мионов В.В., Павлов А.Т., Пивоваров Ю.С., Розин В.М.,
Рыбаков Р.Б., Рябов В.В., Солонин Ю.Н., Степанянц М.Т.,
Степин В.С., Толстых В.И., Турбовской Я.С., Фельдштейн Д.И.

Редакция журнала:

Аршинов В.И., Водолазов Г.Г., Ермишин О.Т., Пантин В.И.,
Розин В.М., Северикова Н.М., Федоров В.М.

Ответственный секретарь: Пружинина А.А.

Верстка: Русак И.Ф.

Шеф-редактор: Мариносян Х.Э.

<http://www.academyRH.info>

E-mail: academyRH@list.ru

Журнал включен в «Реферативный журнал» и
в базы данных ВИНТИ РАН.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся
изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписные индексы журнала:

– в Объединенном каталоге “Пресса России” 45490

– в Каталоге российской прессы “Почта России” 79007

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.
Изд. лиц. ИД № 03821 от 25.01.2001 г.

Подписано в печать 30.05.2008 г. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП

«Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

© Философские науки, 2008

© Академия гуманитарных исследований, 2008

© Издательский дом «Гуманитарий», 2008

ISSN 0235-1188

ОГЛАВЛЕНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Доминанта ■

<i>Х.Э. МАРИНОСЯН</i>	Антиподы культуры	5
-----------------------	-------------------	---

Философия конфликта ■

<i>Я.С. ТУРБОВСКОЙ</i>	Преступность. Необходимые извлечения из прошлого	12
<i>В.М. РОЗИН</i>	Проблемы преступности на фоне кризиса права и социальности	36
<i>Ю.М. АНТОНЯН</i>	Человеческая природа и преступление	58
<i>Е.Б. КУРГУЗКИНА</i>	Понимание преступного	77
<i>В.Е. ЭМИНОВ</i>	Причинные комплексы преступности: криминологический анализ	93

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Из истории русской философии ■

<i>Н.М. СЕВЕРИКОВА</i>	Ипостаси духовности П.А. Флоренского	108
------------------------	---	-----

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Неизвестное прошлое ■

<i>Ф.Х. КЕССИДИ</i> (Греция)	Разгром генетики	121
---------------------------------	------------------	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации, отзывы ■

<i>А.Ю. ШЕЛКОВНИКОВ</i>	Телесность мысли и мыслимость тела	134
-------------------------	---------------------------------------	-----

Обзоры, объявления, сообщения ■

<i>П.А. ЖУРАВЕЛЬ</i>	Философия – Детям	157
----------------------	-------------------	-----

Наши авторы	159
-------------	-----

Contents	160
----------	-----

От редакции

Редакция принимает для рассмотрения материалы, отправленные только по адресу электронной почты журнала (формат MS Word 2,6/7, для архивирования использовать формат ZIP) с обязательным указанием Ф.И.О. автора, места его работы, ученой степени и звания, домашнего адреса, телефона, e-mail. Объем принимаемых материалов – до 40 тыс. знаков (вместе с пропусками).

Цитируемая литература должна быть приведена в конце текста и оформлена в соответствии с ГОСТ 7. 1-2003. В тексте приводится лишь надстрочная сплошная нумерация ссылок, в соответствии с которой в конце текста нумеруется цитируемая литература с указанием соответствующих страниц издания или примечания.

Материалы, полученные редакцией, не рецензируются и не возвращаются.

Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий, прочих сведений и соответствие ссылок оригиналу. Редакция при подготовке материалов к публикации имеет право их сокращать, разумеется, без искажения идей автора и с условием сохранения его основных мыслей и стиля. Позиции редакции и авторов не всегда совпадают.

Журнал является безгонорарным.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Доминанта

АНТИПОДЫ КУЛЬТУРЫ

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о... преступлениях человечества, что, собственно говоря, к сожалению, во многом и является историей человечества.

В целом, вспоминая **и** бесконечные войны, в том числе и гражданские, братоубийственные, будь то во имя «единственно правильной идеологии» или «лучшего Бога» – но во всех случаях, естественно, «во имя справедливости», дважды возгоревшиеся до мировых, **и** революции «ради светлого будущего», **и**, имея в виду совершаемые в каждое мгновение «обычные преступления», можно с уверенностью сказать – это гигантская трагедия человечества, сопровождающая его на протяжении всей известной нам истории. При всех очевидных отличиях между разного рода войнами и «рядовыми» преступлениями их объединяют причинные истоки и итоговая картина, а именно одинаковые глубинно психологические корни (присущая от природы агрессивность – не будем здесь углубляться в извечные вопросы о соотношении природного и культурного, биологического и социального) и социокультурные последствия – да, разные по форме, по масштабам и силе воздействия, но в принципе, в сути своей являющиеся бедственными, а зачастую трагическими для каждой человеческой судьбы.

Конечно, о преступлениях и преступниках немало писали и в далеком прошлом – список авторов и посвященных этим вопросам сочинений был бы достаточно длинен, – однако с такой остротой ни проблема преступника одинокого, ни тем более преступника «коллективного» еще не обозначалась и не анализировалась так, как это было сделано в художественной и научной литературе XIX столетия, в частности, в романах Ф.М. Достоевского «Преступление

и наказание» (1866) и «Бесы» (1871 – 1872), книги Ч. Ломброзо «Преступный человек» (1875), в которой автор сформулировал вызвавшее противоречивую реакцию общественности понятие «прирожденный преступник», наконец, работы С. Сигеле с еще более пугающим названием – «Преступная толпа» (1892).

XX столетие не только поставило перед человечеством новые, никогда не виданные и не слыханные проблемы, но и привлекло гораздо большее, чем ранее, внимание к тем, которые, будучи уже достаточно широко известными и прежде, теперь увиденные сквозь призму новых фактов и событий, предстали перед всем миром в совершенно ином свете, в ином облике, обнаружили себя в иных формах, ином контексте и, к сожалению, в совершенно иных масштабах.

Среди подобного рода проблем, пожалуй, одно из ведущих мест принадлежит той, которая сумела придать всему минувшему веку особую, глубоко трагичную окраску, – это проблема преступности. *Преступности – именно как социокультурного явления.*

В результате феномен преступности прочно вошел в число изучаемых, обсуждаемых и освещаемых, причем не только специалистами в этой области – криминологами и криминалистами, но и философами, социологами, психологами, политическими деятелями, богословами и, конечно же, писателями и журналистами.

Начало XXI в. не только не внесло улучшений в сложившуюся ситуацию, но и ознаменовалось «очередным» – чудовищным, неслыханным, групповым, массовым – преступлением, совершенным 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Этот предельно мрачный эпиграф к новому тысячелетию однозначно указал на то, что история преступлений и преступности еще очень далека от своего завершения...

Более того, возникают новые виды преступности, новые формы организации преступных сообществ, новые механизмы в соотношении и сращивании преступного и пока еще *не* преступного (в таком случае последнее, естественно, сразу же становится преступным), новые социокультурные феномены, которые, в свою очередь, порождают новые образования внутри самой культуры. Таким образом возни-

кают различные напластования, наросты, «социальные нарывы», которые, хотя и зарождаются в недрах культуры, питаются ее соками, но, будучи изначально маргинальными и деформируясь далее, превращаются в итоге в различные субкультуры, в данном случае – **антиподы культуры**.

Субкультуры, отличаясь своей изначальной закрытостью, определенной камерностью, своими «кодексами», вместе с тем обладают активной пронизательной способностью, а во многих случаях всепроникающей агрессивностью и, поэтому, безусловно, со временем методично просачиваются во все сферы общества, в целом пронизывая его собственной, присущей только каждой из них, спецификой. Называя вещи своими именами, мы вынуждены будем признать, что происходит процесс массового обескультуривания, а попросту говоря, маргинализация общества в целом.

А это, в свою очередь, к великому сожалению, означает, что основной отличительной особенностью нашей эпохи является то обстоятельство, что современная преступность стала самостоятельным, в известном смысле, социокультурным феноменом с собственной философией – **философией преступности!**

Преступность как явление, естественно, нуждается в специальном междисциплинарном изучении, социально-философской, культурологической, психологической рефлексии. Тема настолько обширная, что в отдельных статьях можно затрагивать лишь отдельно взятые проблемы этого сложного, поликомпонентного явления. Объявляя тему преступности предметом постоянного внимания нашего журнала, мы, естественно, не раз еще будем к ней возвращаться в последующих номерах. Сейчас же укажем лишь на то обстоятельство, что современная преступность в качестве субкультурного явления имеет, безусловно, и особо характеризующие ее параметры, выделяющие ее среди состояния преступности в иных исторических периодах.

В первую очередь, как наиболее отличительные, к ним относятся, с одной стороны, масштабность, не виданная ранее в истории, и всепронизанность, присутствие ее во всех сферах общества, включая сами органы, призванные охранять право. А с другой стороны, современную преступность

характеризуют процессы уже не простого, а расширенного ее воспроизводства как «успешно развивающегося» и качественно преобразующегося продукта субкультуры с постоянным генерированием все новых ее видов и новых, более изощренных форм проявления именно как бурно прогрессирующего социокультурного феномена.

Таким образом, учитывая не только сохраняющийся повышенный интерес к преступности, но и объективно возникшую необходимость всестороннего изучения ее как комплексной многоуровневой проблемы, редколлегия журнала «Философские науки» сочла крайне актуальным предложить ведущим отечественным криминологам, психологам, социологам, культурологам, педагогам и, конечно же, в первую очередь, философам, высказаться о том, что представляет собой это явление, откуда произрастают его корни, где пребывают питающие их источники, каковы наиболее важные его характеристики? Почему преступность как явление не искореняется из общества, даже если законы предельно ужесточаются вплоть до высшей меры наказания? Какие следует принять меры на высшем государственном уровне, помимо (или вместо) традиционных, то есть разработки новых статей и «усиления старых», укрепления правопорядка через силовые структуры и т.д., чтобы организовать такие формы общественного развития, где бы изначально отсутствовали условия, способствующие нарушению законов, правил общежития и совершению преступлений? Какие задачи необходимо поставить перед различными государственными и правительственными институтами, творческими союзами и общественными организациями, в первую очередь, Министерством образования и науки, Министерством по делам молодежи, Министерством культуры, Министерством связи и массовых коммуникаций, Министерством здравоохранения и социального развития, Прокуратурой, Министерством юстиции, Министерством внутренних дел и другими заинтересованными структурами для формирования у нового поколения правовой культуры, воспитания в духе уважения закона, толерантности, человеколюбия? (Естественно, что должны быть подняты и множество других вопросов, что

также само по себе может быть только результатом научной разработки.)

От содержательности и обоснованности ответов, полученных на эти вопросы, зависит возможность более успешного, чем в настоящее время, противостояния и противодействия этому злу, обретшему глобальные масштабы. Именно в связи с этим обстоятельством преступность правомерно признается не только предметом исследования, так сказать, профильной науки – криминологии, но и масштабным социальным явлением, требующим особого внимания ученых самых разных специальностей, задачей которых становится объединение усилий в осуществлении разносторонних междисциплинарных исследований по соответствующей проблематике. На основании этого соображения принципиальная позиция журнала заключается в том, что преступность необходимо рассматривать как социальный феномен в его историческом, политическом, идеологическом, нравственном (или, точнее безнравственном), культурном контексте, что со всей очевидностью требует комплексного и системного подхода к его изучению.

В связи с такой постановкой вопроса основная задача, которую ставит перед собой журнал, рассматривая открытие в настоящем номере нового раздела как начало реализации *исследовательского и просветительского проекта*, по своей сути состоит в предоставлении самым разным наукам, исследующим преступность и взаимодействующим в этом вопросе друг с другом, «полигон» для апробации полученных в этих исследованиях результатов и последующего философского осмысления их с целью выработки содержательного разъяснения этого явления и формулировки конкретных предложений, которые можно было бы использовать для разработки программ по принятию эффективных мер, направленных на борьбу с преступностью и самое главное, в чем мы уверены, на ее предупреждение.

Очень важное как теоретическое, так и практическое значение имеет изучение природы и причин преступности в отдельных странах, в специфических социальных условиях, в определенных исторических ситуациях, что требует в том числе и использования культурологического подхода к

исследованию всей соответствующей проблемы, а это, в свою очередь, должно способствовать разработке конкретных мер по профилактике преступлений, которые учитывали бы социокультурные особенности той или иной страны, специфику определенной культурной среды. Представленные в данном номере журнала статьи как раз и содержат размышления как о происхождении и сущности преступности вообще, так и о причинах ее значительного роста за последние десятилетия в России.

В соответствии с социологическим взглядом на проблематику преступности, исследовательское внимание обычно акцентируется на том обстоятельстве, что находящийся в ее центре феномен представляет собой следствие разнообразных общественных конфликтов. Такая позиция в целом не вызывает возражений: действительно, преступления совершаются тогда, когда обостряются отношения между индивидуальными и социальными интересами, между человеком и обществом, между целями и планами различных социальных групп, когда происходит накопление и углубление экономических, политических, идеологических и иных противоречий. Однако такого рода констатация порождает новый вопрос: почему и откуда возникли эти противоречия, какие общезначимые явления привели к тем изменениям, деформациям, извращениям в сознании, следствием которых стали бесконечные вереницы разнообразных преступлений? Понимая, что далеко не все конфликты можно предотвратить, что многие из них, по большому счету, неустранимы, следует все же признать, что покорно мириться с подобным положением дел далее невозможно.

Совершенно очевидно, что для фундаментального и разностороннего изучения проблемы преступности явно недостаточны усилия только социологических наук, что необходимо проведение специальных и углубленных социально-психологических изысканий, изучение психологии личности, в том числе, ее патологии. Но здесь самое важное, чтобы все социологические и психологические исследования криминологической направленности должны осуществляться не изолированно друг от друга, а только во взаимодействии, что предполагает достижение нового уровня

в этой исследовательской деятельности. Иными словами, к изучению феномена преступности необходимо подходить с целью выявления наиболее общих закономерностей и существенных признаков этого явления, независимо от того, в какие эпохи, у каких народов, на каких стадиях развития общества он себя обнаруживал. Исходным здесь является предположение, что подобные закономерности и признаки, несомненно, существуют, что их необходимо установить, описать, подвергнуть всестороннему изучению и осмыслению.

И только таким образом мы как раз и обозначаем тот уровень, на котором только и появляется возможность увидеть всю проблему в ее полноте и многоаспектности, т.е. *уровень философский*, что и представляется нам достижимым именно в рамках журнального раздела «Философия конфликта», жизнь которого началась еще в 2005 г. и который, таким образом, уже имеет свою историю, включающую целый ряд интересных и проблемных публикаций. В частности, одна из журнальных статей прошлого года (см.: Акопян К.З. Насильственное окультуривание насилия...» //Философские науки. 2007. № 1) также была посвящена теме, родственной с заявленной в названии данного раздела.

Имея такой задел, мы вправе надеяться на дальнейшее результативное продвижение в том же направлении, что будет возможно, в чем мы не сомневаемся, только при условии вашего активного включения в уже начатую работу, дорогие читатели.

К чему мы вас и приглашаем!

*Шеф-редактор журнала «Философские науки»,
Президент Академии гуманитарных исследований
Х.Э. Мариносян*

**ПРЕСТУПНОСТЬ.
НЕОБХОДИМЫЕ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ПРОШЛОГО**

Я.С. ТУРБОВСКОЙ

Введение в проблему

Во все времена проблема преступности не могла не волновать общественное сознание. Ее трагичная неизбывность не могла не вызывать справедливого гнева, жажды справедливости наказания, стремления понять причины, ее порождающие, и, конечно, вековую бесконечность устремленности к ответу на вопрос «Что делать?». В разные времена она о себе заявляла то отдельными трагичными эпизодами, вызывавшими всеобщее негодование, а то – тотальной в своей бесчеловечной жестокости распространенностью. При этом преступность с неопровержимой убедительностью доказала и продолжает доказывать, что она, как и любое социальное явление, способна к развитию, разнообразным видоизменениям, не только стремясь приспособиться и адаптироваться к изменяющим социальным условиям, но и оказывая, порой существенное, преобразующее влияние на эти условия. Естественно, негативное, в прямом соответствии со своей разрушающей сущностью.

И ее буквально «победоносное шествие» по земному шару, проявляемое и в изощренности, и в невиданной активности, и в масштабности, и в использовании самых последних научных и технических достижений, и в удивительной способности к международной, межнациональной интеграции, преодолевающей любые барьеры, включая государственные границы и вековую этническую изолированность, похоже, достигает в современных условиях своего апогея, выливаясь не только в мафиозно-групповые, преимущественно региональные образования, но и приобретая характер государственной и межнациональной структурно-иерархизированной коррумпированности.

Естественно, что у каждой страны и в каждой стране

своя история борьбы и поощрения преступности. И в каждой стране проблемы, ею порождаемые, решаются по-разному. И мы – СССР в недалеком прошлом, а теперь Российская Федерация-Россия – не составляем исключения. И та криминально-коррупцированная ситуация, которая сложилась после развала СССР как наивысшая опасность, требует осмысления нашего же опыта.

И именно осознание нависшей над нами угрозы провала в пропасть, из которой, по сути нет возврата ни к ценностям, ради которых создавалась человеческая культура, ни к образу жизни, достойному человека, ни ко всему тому, что составляет и оправдывает историческое существование нашего общества настоятельно требует выявления путей и возможностей торможения усиливающихся тенденций, приближающих нас, образно говоря, к «точке возврата», когда изменить что-либо будет невозможно.

Именно осознание губительной опасности метастазно разрастающейся преступности ставит нас перед одной единственной проблемой – во что бы то ни стало найти ответ на вопрос: что нужно сделать – *сделать?* – в качестве первого шага, направленного на удаление от пропасти, перед которой мы оказались. Ведь, как известно, сколь угодно дальняя дорога начинается с первого шага. А он – этот судьбоносный первый шаг находится в прямой зависимости от четко названного и указанного направления, по которому нам необходимо начать двигаться. И, следовательно, от выбора того основания, с позиции которого можно выбрать и определить требуемое направление.

И, может быть, я ошибаюсь и в самой постановке проблемы, и в гиперболизации ее опасности, и в предлагаемом пути решения, но единственно необходимой основы, с позиции которой можно определить требуемые направления развития, может стать только критическое осмысление борьбы с преступностью осуществлявшейся в нашем недавнем прошлом, в СССР. Именно такой анализ способен помочь нам выявить те губительные изъяны, не использованные возможности и резервы, которые могут быть и учтены, и использованы при решении исторически вставшей перед нами проблемы.

Успешность борьбы — в понимании сути явления

В 1960 г. я впервые познакомился с жизнью людей, оказавшихся в заключении. И надо, наверное, объяснить, с чего бы это мне, учителю, выпускнику философского факультета, понадобилось посещать огромное множество наших колоний, размещенных на всей территории огромной страны. С запада на восток и с севера на юг. Все дело в том, что мои многочисленные посещения колоний не были проявлением праздного любопытства и стремлением повисить свое знание об этом предмете. Годы работы в школе не могли не вызвать интереса к проблеме детской преступности вообще, а непосредственно школьников — в особенности. Все дело в том, что, изучая причины активного проявления недисциплинированного поведения школьников, я не мог не коснуться таких крайних форм, как правонарушения, включая и уголовно-наказуемую преступность. И тот непреложный факт, что не так уж редко такие преступления совершались школьниками, не мог не тревожить и не заставлять искать ответы на эти вопросы.

И естественно, что в первую очередь меня интересовало все, что позволяло понять причины возникновения таких очевидных и нежелательных, и недопустимых явлений, как преступное поведение. И как в таких случаях положено с позиции существующих методологических установок, я начал свое исследование с анализа соответствующей литературы, и, конечно, со всякого рода бесед, составления и аналитической обработки специально составляемых анкет. Я опрашивал буквально всех, кто, так или иначе, соприкасался со школьниками, включая учителей, родителей, работников колоний, лагерей, тюрем, и конечно, самих школьников, уже нарушивших нормы закона и не нарушавших их.

В результате такого рода, можно сказать, системного и широкого охвата реципиентов получилась удивительная в своей содержательности аналитическая картина. Все — буквально все! — по сути, объясняя причины преступности, сходились на одном объяснении: «не усмотрели», «упустили», «не уследили», «поддался дурному влиянию» и т.д. Что родители, что учителя, что работники колоний именно в этом

видели причины поведения оступившихся детей. В этом же их видели сами оступившиеся — «пошел за товарищем», попал в дурную компанию» и т.д.

При этом и учителя, и руководители школ самым убедительным образом не только доказывали достоверность именно такого объяснения причин преступных поступков, но и невероятную *исключительность* самого факта детской преступности. И аргументы, которые они приводили, стремясь доказать исключительность противоправного поведения детей, были действительно и весомы, и убедительно неопровержимы. Каждый директор школы говорил: «У нас в школе 800 (900, 1000 и т.д.) учащихся. А на учете в милиции состоит 3 человека». Или «А совершили правонарушения 2 человека». И в качестве непреложного вывода следовало: «Чем как не исключительностью таких поступков можно объяснить такое поведение?», и я был вынужден соглашаться. Ведь руководитель школы, даже не прибегая к широко использованной в те годы аргументации «большинство — меньшинство», с позиции которой доказывалось, если и не все, то очень многое, делал правильный и единственно возможный вывод. Процентное соотношение цифр «2 — 3» и «1000» учеников ничего другого, кроме действительной исключительности таких поступков не доказывает. И эти ничтожные проценты, выражаясь такими незначительными величинами, которыми с позиции математики, можно было пренебречь. Ведь не слова, а неумолимые в своей объективности цифры убеждали, что речь идет о сотых и тысячных долях процента.

С позиции такого рода неопровержимых аргументов, объяснение причин детской преступности все больше начинало казаться действительно правильным и единственно возможным. Тем более, что в те годы напрочь отбрасывались всякого рода объяснения с позиции генетики преступного поведения и предрасположенности к нему. «Социальное» не только праздновало победу над «биологическим», но и перекрывало, по сути, возможность научного объяснения возникновения причин преступного поведения. Как говорится, перефразируя известную фразу, нет оппонента — нет и проблемы.

Я и сейчас не собираюсь вдаваться в не до конца познанные сложности взаимоотношения «социального» и «биологического». Беспокоило совершенно другое. Даже соглашаясь с распространенным объяснением преступного поведения школьников, признавая право директора школы считать каждый факт такого поведения исключительным явлением, я не мог не понимать, что это — в сути своей — не только не объясняет столь самого феномена преступности, а является полным отказом даже от желания разобраться в такой сложной проблеме. Ситуация с объяснениями причин преступного поведения напоминала ситуацию с преподаванием русского языка. Дескать, вот это правило, а вот это — его исключение. А почему эти исключения именно такие, одному богу известно. А нам всем, включая каждого ученика, просто надо эти исключения запомнить, не думая и не рассуждая. У исключений нет, и не может быть правил, и именно поэтому они — исключения.

Но когда так ставится вопрос по отношению к правилам грамматики, еще куда ни шло, тем более, что можно пренебречь необходимостью оказания влияния на развитие критичности мышления ученика, и ограничиться очевидной пользой для развития его же памяти.

Но здесь-то речь идет о детях! И сколько бы ни была ничтожной величина процентов, за ней стоят реальные судьбы реальных детей. Поэтому возникла идея взглянуть на исследуемую проблему организации нравственного опыта учеников не изнутри школы, а непосредственно «из мест не столь отдаленных», т.е. из тюрем и колоний. И для этой цели я, выражаясь академически, разработал «метод другого объекта», позволяющий, как представлялось, принципиально иначе увидеть, понять и оценить исследуемое явление. В данном случае школу. И таким «другим объектом» изначально представлялась детская колония. Но первые посещения колонии не только не позволили усомниться в правильности объяснений родителей и учителей, а наоборот, только еще больше ее подтверждали. Все объяснения, которые пришлось выслушать от сотрудников колоний осужденных сотрудников, как уже отмечалось, в сути своей, были идентичны объяснениям учителей и родителей.

Но, как известно, у накапливаемого количества есть одна чрезвычайно любопытная особенность. Оно способно порождать, создавать, приводить к возникновению нового качества. И в реальной действительности, и в осуществляемой людьми аналитической деятельности. И перед рефлектирующим субъектом стоит только одна принципиально значимая задача – заметить, зафиксировать это происходящее изменение. И хотя, когда речь идет о социальных явлениях, развитие и изменение которых не может быть зафиксировано той или иной аппаратурой, это не так просто. И все же использование «метода другого объекта» позволило выявить чрезвычайно важный факт, ранее не находившийся даже на периферии рефлектирующего сознания. И этот зафиксированный факт, носящий неопровержимо объективный характер, позволил прийти к принципиально иному выводу, раскрывающему причинную обусловленность преступного поведения школьников. И суть его в том, что *если по отношению к каждой конкретной школе преступное поведение ученика является исключением и психологически оправданно воспринимается как исключение, то ситуация коренным образом принципиально изменяется, когда речь идет о соотношении преступности и эффективности функционирования всей системы отечественного образования.*

И именно эту закономерность позволил выявить и установить «метод другого объекта». И действительно, если в каждой конкретной школе процент преступного поведения учеников чрезвычайно мал, и на этом основании делается вывод об исключительности преступного поведения школьников, то исходя из количества осужденных, находящихся в заключении подростков, исчисляемого десятками тысяч, ситуация сущностно и принципиально изменяется. Причем, что, наверное, чисто по человечески немаловажно, драматичность такого количества осужденных учеников не может, по определению, сводиться к существующим и распространенным объяснениям. Столь значительное количество осужденных объективно и, как представляется, неопровержимо свидетельствует о существовании «генетических» изъянов в учебно-воспитательном процессе. Недопустимо большое число осужденных не может не свидетельствовать

о проявлении определенных негативных влияний учебного учреждения как формирующей среды, и именно эти влияния возникают на основе каких-то пусть неизвестных, но, несомненно, существующих причин. И к такому столь нужному объяснению удалось приблизиться. Системный анализ характеристик осужденных подростков, их личных дел, школьной документации позволил установить, что **83% из них характеризовались плохой успеваемостью.**

Полученные данные о плохой успеваемости как стойкой характеристики осужденных подростков, позволили выдвинуть идею о неразрывности связи между плохой успеваемостью и способами самореализации личности, ее поведении и поступков, включая уголовно наказуемые. Но если такой индикатор, как плохая школьная успеваемость, характеризует столь значительную массу учеников, есть достаточно оснований полагать, что он является не только сопутствующим признаком, но и формирующим фактором в развитии и самореализации личности. Это гипотетическое предположение нашло свое подтверждение в проведенном исследовании «Организация нравственного опыта учащихся общеобразовательных школ». Было установлено, что существующий критерий успешности обучения является фундаментальной основой дифференциации оказываемых школой влияний на каждого ученика. Происходящие процессы дифференциации влияний объективно способствуют не только противопоставлению учеников друг другу на всех уровнях осуществляемого учебно-воспитательного процесса и организуемых межличностных отношений, но и на конфликтном противопоставлении ученика с самим собой, **объективно выталкивая его за пределы дискомфортных для него отношений.**

Столкновение конфликтов, создаваемых в среде общения и в душевно-эмоциональном мире самого ученика, приводит к возникновению разных групп, внутри которых действуют разные ценности, разные оценки и складываются принципиально иные межличностные отношения. В каждой из этих групп по разному оцениваются отношения и поступки, побудительные мотивы и личностные установки, определяющие взгляды подростка на других и, что са-

мое главное — на самого себя. Неискоренимое существование принципиально различных влияний приводило в советской школе к возникновению, как минимум, двух коллективов. Первого, строящего свои отношения с учителями и школой на основе официально провозглашаемых целей и ценностей и второго — на основе диаметрально противоположного противопоставления своих целей и ценностей, официально провозглашаемых и авторитарно навязываемых. В результате в каждой из групп происходило формирование и отстаивание своего понимания «хорошего» и «плохого», «нужного» и «ненужного», «желанного» и «нежеланного». И те, и другие, что естественно, испытывали со стороны учителей неодинаковое к себе отношение и поэтому как бы жили в отличных друг от друга духовно-нравственных мирах, и формировали свои отношения и себя в соответствии с требованиями и нормами этих миров. И надо признать, что определение каждой из этих групп как разных формирующих миров совсем не является метафорой и вербальным преувеличением, а адекватным раскрытием их сущности.

В каждом классе без исключения, что подтверждалось множеством специально проведенных педагогических исследований, сосуществовали два коллектива со своими лидерами. *Формальный* — назначенный учителем, и *неформальный* — никем не назначаемый, но, как правило, пользующийся несравненно большим авторитетом. И таким образом, на основе проведенного исследования уже в 1964 г. было доказано, что преступное поведение учеников для каждой школы в силу тех или иных обстоятельств, факторов и условий, несомненно, включая степень эффективности осуществляемого учебно-воспитательного процесса, является *исключением*, но для всей системы отечественного образования не только не является исключением из правил, а, наоборот, объективно и неодолимо проявляемых закономерностей.

Преступное поведение школьников как самое негативное, уголовно наказуемое поведение, по сути своей, является неотъемлемой частью социально негативного поведения, обусловленного теми нравственными образцами и

ценностями среды, в которой оно зарождается. И самой социально негативной особенностью существования такой формирующей среды является и продолжает являться тотальная системность непрерывно воспроизводимых отношений, изначально «поставляющих» в открытый социум, т.е. в общество носителей определенных ценностей и нравственных установок с очевидно сформированной готовностью воплотить их в принимаемых решениях и поступках.

Было бы несправедливо видеть только в учебно-воспитательном процессе основную совокупность причин, порождающих преступное поведение. Таких факторов и, естественно, причин, без преувеличения, множество. И поднятый мною аспект проблемы причин возникновения преступного поведения обусловлен совсем не тем, чтобы раскрыть негативную роль школы, которая, казалось бы, будучи специально создаваемым и педагогически оснащенным формирующим пространством, не только не должна хоть в малейшей степени способствовать возникновению столь негативного социального явления, а наоборот, всемерно раскрывать самую возможность от предотвращения его возникновения всячески облагораживая, если и не в сфере общественных отношений на всех уровнях, то, по крайней мере, всего, что связано с межличностными отношениями. И, естественно, с мотивационными установками, с позиций которых выпускники школы вступают во взрослую жизнь, и которые в качестве внутренних нравственных регулятивов позволяют личности не только различать, «что такое хорошо, и что такое плохо», но и в соответствии с таким пониманием принимать решения и совершать, естественно, не уголовнонаказуемые поступки. Моя задача принципиально иная. И сводится она к тому, чтобы раскрыть исторически неотложную необходимость осмыслить и постараться понять глубинную сущность возникновения преступности как социально-педагогического явления, требующего не только учета позитивных влияний любого используемого метода и средства, но возникающих при этом сопутствующих и, как правило, неучитываемых *последствий*. Что буквально должно заставить нас отказаться от какой бы то ни было фетишизации предлагаемых и избираемых средств для решения в сфере обще-

ственных отношений любой проблемы. И, тем более такой, какой является преступность.

Вбрасываемые в общественное сознание общие призывы и безапелляционные утверждения типа «образование воспитывает», «математика воспитывает», «литература воспитывает», «искусство воспитывает», «труд воспитывает», «красота спасет мир» и т.д. в сути своей избыточно категоричны не только потому, что и «образование», и «математика», и «труд», и «искусство», и «литература» в качестве формирующего средства могут приводить к разным воспитательным результатам, ибо, как считал великий А. Макаренко, сами по себе могут в лучшем случае оказаться нейтральными, не ведущими к желаемым целям. Но в современных условиях об этом надо знать и помнить, в первую очередь, по другой причине.

Бесконечно расширительный, по сути, миссионерский подход к идее, предложению как средству решения проблемы, придавая им некий статус социальной надежды и веры, на самом деле этим самым *перекрывает* возможность осознания необходимости системного и комплексного поиска нужных государству и обществу решений. И еще при этом, что, пожалуй, самое социально опасное, этим самым в общественном сознании формируется стремление к умиротворяющей простоте решений. Лозунговая декларативность призывов, порой выглядящая и эффектно, и убедительно, в действительности не столько предлагает решение проблемы, сколько порождает дополнительные и еще более острые осложнения, социальная опасность которых в отсроченности проявлений, когда надо будет в самом спешном порядке искать хоть какие-то, пусть очевидно временные, решения. Нельзя, к примеру, прибегая к «простому» варианту решения, призывать к необходимости замазывать в стенах дома трещины, образуемые проседанием фундамента. Долговечность этого дома ни в какой степени не зависит от трещин в стенах и их замазывании. Хотя именно трещины бросаются в глаза и буквально требуют от жильцов соответствующих и, казалось бы, незамедлительных действий. И вопрос действительно только в том, о чем незамедлительно нужно проявлять обеспокоенность. Но, как

представляется, все, что у нас делается для решения проблемы преступности, все, что в современных условиях определяет установочную направленность общественного и собственно научного сознания, достаточно убедительно характеризуется именно такой фрагментарностью и полным отказом разобраться, на каких дорогах, в каком направлении поисков решений нас может ожидать действительный, а не мнимый успех. И если мы на самом деле обеспокоены проблемой успешной борьбы с преступностью, нам, в первую очередь, надо освободиться от традиционно сложившейся логики подмены действительно необходимых и эффективных путей и средств решения социально актуальных проблем, а не вбрасываемыми в общественное сознание рекламными упрощенными призывами, изначально не только неспособными изменить ситуацию в лучшую сторону, а наоборот, порождающих призрачные надежды на быстрый успех. В результате, чем активнее поддерживаются такого рода решения-временки, чем больше вызывают эмоциональных криков в свою поддержку, тем, в конечном итоге, хуже и для государства, и для общества. И не только потому, что со временем еще труднее будет справиться с большой проблемой, но и потому, что создаваемая в обществе эмоционально поддерживаемая большинством атмосфера, по сути, не позволяет задуматься и осознать, что делать нужно что-то другое, порой диаметрально противоположное.

Кузница кадров, или должен ли вор сидеть в тюрьме?

Кто не знает этой будто гвоздем забитой гениальным Высоцким в наши головы фразы — «Вор должен сидеть в тюрьме!»? И нет, пожалуй, человека, который не разделял праведности гнева, лежащего в ее смысловой и гражданской основе. И все же нам всем просто необходимо задуматься — насколько она несомненна и верна в своей категоричности. И поэтому, даже хорошо осознавая всеми разделяемую справедливость этого заклинания, я не только хочу подвергнуть его сомнению, но и прямо и достаточно категорично заявить о его социальной несостоятельности.

И дело здесь совсем не в том, что случаются судебные

ошибки, что порой надо вникнуть и понять сложные переплетения в жизни каждого человека, что приклеиваемый человеку социально несмыслимый ярлык — не самое эффективное средство решения не только личной судьбы человека, но и его близких, да и всех нас, вместе взятых. Хотя очевидно для каждого из нас, и об этих вопросах, десятилетиями произнося «Вор должен сидеть в тюрьме!», нельзя не думать.

И все же, в контексте поднимаемой проблемы, я позволю себе абстрагироваться от этой на самом деле очень важной совокупности вопросов, порождаемых заботой о судьбе каждого человека. И такое отвлечение достаточно оправдано, если, даже глубоко не вдаваясь в суть проблемы преступности, задаться очень простым и казалось бы каждому понятным вопросом: «Мы этого самого вора, посаженного в тюрьму, будем всю жизнь держать за решеткой? Или он все-таки когда-нибудь выйдет, как принято, находясь в тюрьме считать, «на свободу?»

И как только мы перед собой, перед нами всеми поставим такой вопрос, от нашей праведной убежденности в том, что вор должен сидеть в тюрьме, мало что сохранится. Правда, если мы думаем, что после того, что он несколько лет отсидит в тюрьме, все коренным образом изменится, и он никогда и ни за что не примется за свое преступное ремесло, то спорить и возражать бессмысленно. И не нужно. В этом случае, когда пребывание за тюремной решеткой органически объединяет в себе и справедливость наказания за содеянное, и возвращение оступившегося на праведный и нравственный путь, призыв «вор должен сидеть в тюрьме» не только должен всеми разделяться, но и приобрести характер высокогуманного постулата. Но ведь этого органического единства наказания и перевоспитания, мягко говоря, нет и в помине. А есть нечто диаметрально противоположное, не только корежащее судьбу молодого человека, но и превращающее его в закоренелого преступника, для которого тюрьма, если и не «дом родной», то, несомненно, и не место перевоспитания. Сколь бы часто и долго ему в ней не водилось пребывать.

И, таким образом, избавляя нас на некоторое время от

того или иного пойманного вора, мы, сажая его в тюрьму, не решаем ни его личную судьбу, ни тем более самую проблему преступности. Видеть в призыве «вор должен сидеть в тюрьме» не только вынужденность принятия хоть какой-то меры, и, тем более, видеть в этой неотвратности наказания средство решения такой сложной социальной проблемы, как уголовная преступность, значит не понимать или не хотеть понимать социальной близорукости такого призыва, и той идеологии, из которой он проистекает.

Но если бы дело ограничивалось только судьбой отдельного человека и нашим стремлением обеспечить справедливость наказания за уголовное преступление! Если бы! В действительности все намного сложнее и, мягко говоря, драматичнее. Не могу забыть, с каким нескрываемым удивлением я воспринял слова одного начальника колонии, которого критиковали за плохую воспитательную работу, за никуда негодную ее результативность. Не оправдываясь, не подыскивая смягчающих аргументов, он с искренней убежденностью утверждал: «Как может быть по-другому, если у них такие маленькие сроки наказания?!».

Не могу удержаться, чтобы не выразить недоумения, когда приходится слышать возгласы нескрываемого сожаления по поводу вынесенных судом малых сроков наказания. «Да за такое убить мало, а дали всего 5 лет!» И мое недоумение вызвано не жалостью к осужденному. И я хорошо понимаю боль, гнев и ненависть пострадавших. И я тоже готов вместе со всеми обворованными, ограбленными, избитыми и униженными в голос кричать «Убить мало!» И может быть действительно мало. Но — убить. А не как можно больше, надеясь на перевоспитание, содержать в тюрьме.

Даже если бы тюрьма несла в себе только ограничения в свободе передвижения, общении, любви и всего того, что составляет суть нашей жизни, то и тогда 3, 5, или 7 лет, да что там 7, хотя бы и один год, должны были бы нами восприниматься в своем эмоциональном ужасе как астрономическая величина. И если общество с содроганием не воспринимает любой срок, назначаемый осужденному, не понимает и не хочет понимать, что после этого будет происходить, то преступность становится и будет оставаться обыч-

ным спутником реальности. И годы, проводимые за тюремной решеткой огромной массой людей, становятся годами жизни человека в нечеловеческих условиях. И при этом я имею в виду не столько жесткую строгость тюремного и колониетского режима, а характер межличностных отношений и те, с позволения сказать, моральные нормы, которые их определяют. А они таковы, что исключение начинают составлять обыкновенные для нормального человека и взгляды, и поступки. И как гниющие овощи, фрукты, продукты отравляют вокруг себя воздух, так социально разлагающая атмосфера, создаваемая в местах заключения, не только корежит судьбы осужденных, но и не менее губительно сказывается на общественных отношениях в стране.

К сожалению, несмотря на очевидную для всех социальную трагичность проникновения представителей преступного мира во власть, на победное шествие уголовной морали «жить по понятиям», приходится признать, что за самим фактом происшедших радикальных изменений и в государстве, и в обществе остаются непроясненными причины столь разрушительных духовно-нравственных изменений. А ведь это их социально неимоверная мощь, если и не на всем, то, несомненно, на очень многом сказалась в нашей общественной атмосфере. Но мы, мягко говоря, наивно предполагали и, кажется, продолжаем предполагать, что посадить преступника в тюрьму, изолировать от общества, значит, изолировать и общество от него. А это не так, точнее совсем не так. И если рассматривать тюремную изоляцию преступников от общества с позиций обязательно возникающих социальных последствий, то еще не прояснено, что продуктивнее – сажать или нет?

Мне не забыть разговора, состоявшегося с руководством органов внутренних дел республики КОМИ, в связи с приездом комиссии во главе с Министром МВД СССР в 1964 г.: «Как можно понять и, тем более, объяснить, когда из Москвы, обладающей мощнейшим воспитательным потенциалом, самыми квалифицированными кадрами, материальными возможностями высылают к нам такое количество опустившихся, уголовно наказанных людей? Ведь ни о каком перевоспитании речь и идти не может! Наобо-

рот, происходит разложение местных жителей и, особенно, молодежи. И нам остается только хоть как-то обеспечить для наших коренных жителей элементарную безопасность. А ведь сейчас никакой олимпиады нет, и Коми – не «101-й километр»?!

И привожу я это высказывание, несомненно, очень мужественного и принципиального человека совсем не для того, чтобы кого-то упрекать и искать виновных. Эти слова, преисполненные боли и отчаяния, буквально зеркально отражают логику веры в изоляцию, выселение, отдаление как средство решения социально значимых проблем.

И получается, в результате, то, чего мы, казалось бы, больше всего не хотели и продолжаем не хотеть. Зная со школьной скамьи, что накапливаемое количество **неизбежно** переходит в новое качество, мы, изолируя людей, преступивших закон, создаем среду, в которой **каждый из них** вынужденно проходит свои «университеты». И жестокость правил такой учебы дает, судя по достигаемой эффективности, великолепные результаты. Это у нас с исчезновением марксизма-ленинизма не стало единой на всех идеологии. Это у нас не стало авторитетов, исчезли из общественного сознания такие ценности, как «труд» и «репутация», а ненормативная лексика стала не только основой межличностного общения, но и самым эффективным средством создания художественно достоверных образов и высочайших образцов литературной речи, раздающейся с телевизионных экранов и театральных подмостков. А у них, тех, кто еще совсем недавно обучал нас, как растопыривать пальцы, как хладнокровно убивать и «опускать» людей, и как можно жить в «шоколаде», все наоборот.

Тюремная среда, создаваемая десятилетиями, неизменно способствовала развитию уголовной идеологии, уголовной морали и непререкаемых установок, отступление от которых жестко и жестоко наказуемо. Тюремная среда, как социальная воронка, втягивающая в свое сопло все новые и новые поколения, оказалась способной жестко иерархизировано структурироваться, обеспечивая тем самым возможность «карьерного роста». Тюремное многолетие сумело сформировать буквально полчища своих питомцев, способ-

ных в отличие от наших доморощенных демократов, объединять в себе в органическом единстве свои убеждения, значимые ценности, личную готовность на беспредельный в своей жестокости поступок, и, что, пожалуй, самое главное, подчиняться дисциплине, на которой основано любое преступное сообщество. И эта тюремная среда оказалась, без какого бы то ни было преувеличения, той кузницей кадров, которые, за редким исключением, как никто другой, сумели воспользоваться государственной разрухой. И не только обогатиться, но и, как отмечалось, войти во власть. И, наверное, ни для кого не является большим секретом, что даже многие мэры городов и даже губернаторы, а то и более высокие представители власти ходили за советом или очередным распоряжением к человеку, чей титул и чье звание в сложившейся ситуации засверкали отблесками признанного авторитета. Ибо это звание было — «вор в законе». И человек, носящий это звание, коренным образом изменил, поставил с ног на голову все, что называется нравственностью, общественно значимыми ценностями и даже государственной властью.

Причем настолько мощно и однозначно перевернул, что даже оказавшись за решеткой, продолжал распоряжаться всем, что происходило на «свободе», за стенами тюрьмы, а непосредственно в самой тюрьме жил, в прямом смысле этого слова, по-царски. Ни в чем себе не отказывая. Ни в чем!

И надо обладать большой, а точнее, беспредельной наивностью, нисколько не учитывать печального опыта решения проблемы борьбы с преступностью в СССР, чтобы в примитивном призыве «вор должен сидеть в тюрьме!» продолжать видеть не только панацею, но и сколько-нибудь эффективное средство ликвидации столь сложного и чрезвычайно разрушительного явления. Ведь создавая миф о гидре, с которой боролся Геракл, древние мудрецы предостерегали нас от любых близоруких решений и поступков. Тюремная среда, ее традиции и правила, идеология и структурированная степень организованности неотвратимо воспроизводят отношения, являющиеся фундаментальной основой преступности. И чем больше мы будем в эту среду помещать оступившихся, совершающих правонарушения и уголовно наказуе-

мые поступки, тем в большем количестве и с более высоким уровнем «всесторонней подготовленности» уже полностью искореженные люди будут выходить на свободу. И они, возвращаясь, еще с большим рвением начинают делать все то, чему их там за эти годы научили. И получается, что тех лет, которые им суд присудил, оказывается недостаточно для перевоспитания, но вполне достаточно для успешного завершения «профессиональной переподготовки». Можно сетовать по этому поводу, можно задавать бесконечное число вопросов и недоуменных восклицаний, но непреложным остается факт разлагающего влияния тюремной среды, вершащей по отношению к каждому вновь пришедшему свою страшную — и для него, и для общества — роль.

Но если всеми разделяемое требование «вор должен сидеть в тюрьме» и близоруко, и неэффективно, и социально негативно, то значит ли это, что «вор — не должен сидеть в тюрьме»? Нет, не значит. Категорически — не значит! И тогда, находясь в такой логической ловушке, нам ничего другого не остается, как начисто отказаться от издревле известного считающегося мудрым указания — «истина находится посередине». К сожалению, той середины, ведущей к истине, здесь нет. А есть возможность выбора, либо по-прежнему исходить из того, что вора надо, не мудрствуя лукаво, сажать в тюрьму, либо хорошо-хорошо задуматься, а нельзя ли как-то иначе, *принципиально иначе* решать проблему преступности. И, следовательно, если мы несколько не хотим извлекать уроки из нашего и не нашего исторически накопленного опыта, если мы считаем возможным сводить проблему к столь и примитивному, и неэффективному решению, как *неотвратимость наказания тюрьмой*, то кто нам может помешать? Своя рука владыка. И так как власть, как известно, не преподносят на тарелке с голубой каемкой, а *берут* — и мы все хорошо понимаем глубинный смысл этого глагола — то кто может запретить бороться с преступностью именно таким образом. Тем более, что именно такая борьба наглядно демонстрирует населению активное стремление власти карать за нарушение закона. И открыто нескрываемая жесткость и неотвратимость кары раньше или позже уничтожит эту страшную социальную

гидру – преступность.

Но если мы не только понимаем, но и знаем, что неотвратимость наказания не является, и никогда не являлась, универсальным и безотказным средством борьбы с преступностью, и это, может быть, лучше всех подтверждают сами стремящиеся к власти, а не только отпетые уголовники, если не можем не видеть, какое разрушительное воздействие оказывает на жизнь общества тюрьма как организуемое гетто, и, конечно, если мы действительно хотим избавить будущее нашего общества, а еще точнее – наших детей и внуков от преступности, то нам ничего другого не остается, как искать решения, которые действительно способны вести к такой цели. И, естественно, в первую очередь на самом высоком государственно-властном уровне. Без властных усилий и активно проявленной политической воли такую сложную многоуровневую проблему не решить.

Цена вопроса

Но кроме политической воли, есть еще ряд необходимых исходных условий, без которых тоже трудно рассчитывать на успех. И условия эти – системная проработка программы, раскрывающей не только цели и задачи предстоящей работы, но и – на каком уровне, кто и как призван эту работу выполнять. Если с этими условиями согласиться, то первое, что надлежит сделать, это методологически осмыслить и системно разложить понятия «преступность» и «вор».

С первым понятием, как представляется, особых сложностей нет. Надо, в первую очередь, выделить из всей совокупности признаков, включаемых в это понятие, только те, которые связаны с насильственными действиями по отношению к личности и всеми видами ограблений. То есть нам необходимо особо выделить деятельность, идеологически противопоставляющую себя конституционным и духовно-нравственным ценностям общества, строящейся на волчьем праве сильного, для которого доброта, совесть, достоинство личности, сострадание, благородство и великодушие ровным счетом ничего не значат. Благодаря такому выделению мы создаем достаточно четкое и адекватно воспринимаемое представление, с чем должна вестись борьба. Это,

естественно, не означает, что со всеми другими видами уголовно наказуемых действий можно не бороться, но позволяет направить усилия государства и общества на искоренение угрожающей каждому человеку и обществу в целом этой разновидности преступности.

Выделив именно эту совокупность преступных действий, мы получаем возможность уже «внутри» только этой группы дифференцировать их разновидности, исходя и из специфических различий и особенностей, характера и волевых качеств, требующихся от личности, вступившей на эту стезю. И, уже исходя из такой дифференциации, не только стремиться к «справедливости» наказания, но его адресно формирующей по отношению к каждой осужденной личности адекватности. И поэтому приобретет весомое значение не только определение срока наказания, но и место, и среда, в которой окажется осужденный.

Но есть еще одно условие, без соблюдения которого рассчитывать на высокую эффективность борьбы с преступностью не приходится. И необходимость соблюдения этого условия определяется социальной природой поведения личности, оказывающейся способной перешагнуть рубеж, разделяющий шалость, эмоциональную несдержанность, спонтанно возникшее ненасильственное желание и действие, основанное на стремлении достигнуть определенной цели, ни перед чем не останавливаясь и не принимая во внимание страданий и боли другого человека, и даже возможности убийства. Тот вид преступности, о котором идет речь, в первую очередь характеризуется полным отсутствием внутренней рефлексии, направленной на признание жизни и достоинства другого человека как, если и не высшей, то, вообще, какой бы то ни было ценности. И, к сожалению, неразрываемым единством желания и поступка. Захотел — сделал. И полным безразличием к общественному мнению, обеспечиваемому внутренней отгороженностью личности, возникшим «смысловым барьером» между нею и окружением вообще, и «воспитателями» в особенности.

Но безотносительно к каким бы то ни было генетическим отклонениям от того, что принято в обществе считать «нормой», такие характерные особенности и такие внутрен-

ние связи и отношения с другими людьми возникают и проявляются не сразу, не в одночасье. К такому состоянию, таким внутренним установка и готовности «перейти Рубикон» ребенку не сразу. Ему для этого приходится пройти определенный путь, по которому и к которому нередко его ведет и подталкивает среда, способствуя формированию его реакций на внешние воздействия и возникновению стойких внутренних оценочных регуляторов.

И, следовательно, преступность может быть сведена к минимуму, если борьбу с ней выстраивать, как выстраивается целенаправленный процесс, ориентированный на обязательное признание каждого ребенка в качестве ценности, не допускающей инверсии, исключающей возможность не считаться, с чувствами другого человека и, естественно, с другим человеком. При таком подходе воспитатель стремится формировать личный опыт личности, учитывая сенситивные особенности каждого возрастного периода и на этой основе с позиций принципа природосообразности формировать духовно-нравственные представления как эмоционально чувственные регулятивы поведения ребенка. Именно эмоционально-чувственные, а не только интеллектуальные, обращенные к его сознанию, что, к сожалению, преобладает в массовой практике, сводя общение с детьми к назидательным наставлениям.

В данной статье нет ни возможности, ни, наверное, необходимости останавливаться специально на этом вопросе, но есть все основания утверждать, что гипертрофированное стремление воспитывать, обращаясь к сознанию ребенка, не только не является и не может являться в силу целого ряда отсутствующих личностных характеристик сколько-нибудь эффективным средством воспитания, а наоборот, ведет к отчуждению и вербально-демагогической готовности все решать в словесных перепалках. Воспитание, в сути своей, есть развитие, осуществляемое самой личностью, активно и заинтересованно обращающейся за помощью и очень важными для нее ответами к близким и авторитетным людям. А авторитетные люди, при этом, хорошо понимают не только то, что нужно вести ребенка к ближайшим и отдаленным перспективам, но и что без его позитив-

ного эмоционального самочувствия, без *проживаемой* в данный момент успешности в деятельности, игре, развлечениях, активного стремления к общению с ними им не удастся по-настоящему помочь ему, а это и значит, не удастся добиться воспитательной результативности.

Я не привожу примеров, но они есть, и не как некие исключения из правил, а как самые убедительные в своей неопровержимости доказательства эффективности воспитания, осуществляемого на основе гармонизации требований принципов природосообразности и адаптации. Целе-направленная социализация личности, изначально ориентированная на формирование ее готовности адаптироваться к требованиям общества и государства, будет успешной только в том случае, если ее становление и развитие будет осуществляться в непрерывно воспроизводимой ситуации проживаемой успешности и эмоционального комфорта. Прогнозируемое будущее в воспитании прорастает из настоящего, если между ним и присущей ему совокупностью отношений и духовно нравственных ценностей и будущим не возникает отторжения, если ребенок—подросток—юноша сам активно стремится к воспроизведению таких отношений, являющихся для него самой желанной и самой значимой средой быта и бытия. И, кстати, дороги именно к такому воспитанию могут быть совершенно разными. И если в школе № 792 (директор Лариса Николаевна Валишина, г. Москва) создается буквально веер предоставляемых каждому ученику возможностей для эмоционального проживания чувства успешности в том или ином виде деятельности, и этим самым в каждом из них формируется самоуважение в гармоническом единстве с проявляемым уважением других, то в школе № 170 (директор Элла Исаковна Гуськова, г. Москва), все строится на любви к русской литературе, русскому слову, пробуждающему «души прекрасные порывы», превращающему само образование в формирующую духовно-нравственную среду, в которой возникают столь ценимые каждым учеником и учителем отношения. А как может не сказаться на становлении личности атмосфера, созданная в школе № 1936 (директор Ольга Григорьевна Андрианова, г. Москва), где *на каждо-*

го ученика составляется расписание, и учится он по учебному плану, определенному коллективно – родителями, самим учеником и школой.

И при этом не могу не отметить, что речь идет о деятельности школ не в прошлом, не в спокойные советские годы, а сегодня, в наших условиях и столь непростой действительности. И опыт таких школ, которых не так уж мало, раскрывает перед нами не только неисчерпаемость потенциала целенаправленного педагогического влияния, но и нами не до конца осознанные и, тем более, нераскрытые возможности *светской школы*, способной эффективно решать проблемы социализации личности в современных противоречивых политических и идеологических условиях, руководствуясь единственным документом – Государственной Конституцией Российской Федерации

Определенным образом принципиальную значимость такого вывода убедительно подтверждает не только опыт таких учебных учреждений, но и проводимый в Москве в течение трех лет эксперимент по преобразованию начальной школы, в процессе которого отрабатывалась модель, одной из функциональных задач которой является обеспечение эффективной социализации личности ученика. Принципиально важным является то, что полученные результаты *каждой из 24 школ разных округов Москвы* достигаются на основе целенаправленного использования формирующих потенциальных возможностей учебного процесса и психолого-педагогического обеспечения ввода каждого ученика в – подростковый возраст. И с этих позиций сама социализация рассматривается как необходимая каждому совокупность знаний, умений и компетенций в органическом единстве с ценностными установками и сформированной готовностью к сопротивлению негативным влияниям.

Опыт, которым мы уже сегодня, в сложнейших социальных условиях обладаем, со всей очевидностью подтверждает, что мы не только должны, но и можем противостоять разрушающим влияниям преступности, ее идеологии и морали, используя для этого формирующий потенциал не только системы образования, но и всех средств, которыми располагает государство. Важно только выделить в качестве

неотложной и первоочередной именно задачу борьбы с преступностью, педагогически обеспечивая опережающие возможности целенаправленного формирования нравственного опыта каждого ребенка.

Но в этой сложнейшей разноуровневой системной проблеме эта задача, хоть и необходимая, и очень важная, но не единственная. Нам не уйти от того, чтобы системно разобратся в таком слове-неразлучнике, каким является для вора «тюрьма».

Одно дело — попасть в нее первый раз, и совсем другое — в третий или в пятый, одно дело оказаться, как говорится, «на нарах» на год, и совсем другое — на 7 — 10 лет, одно дело оказаться там действительно за воровские деяния, и совсем иное — семейную драку, за нарушение правил дорожного движения или половое преступление? Но, как это ни странно, все эти, столь разные люди — смею утверждать не только по совершенным преступлениям! — оказываются сведенными вместе и вынужденные несколько лет провести — в прямом смысле — бок о бок. А что из всего этого получается, мы уже хорошо знаем. Но почему-то все складывается и происходит именно так. Вопрос в том и состоит — *почему?* Ведь хорошо известно, что любое наказание сколько-нибудь эффективно может действовать только в первые дни, ну месяц-два. В дальнейшем оно просто превращается из наказания, остро переживаемого личностью, толкающего ее на внутреннюю рефлексии и хоть какое-то самоосуждение, в реальную привычно воспринимаемую повседневную жизнь. Именно реальную и повседневную. Со своими правилами, своими установками, своими требованиями, со своим занятым тобой местом в сложившейся иерархии отношений и приобретаемыми привычками. И человек, много лет проведенный в тюрьме, как правило, не готов ни морально, ни духовно к выходу на свободу. Особенно, если его там никто не ждет. А если он еще достаточно молод, то, находясь в таком окружении, он чаще всего прокручивает в своих мыслях планы предстоящих по выходе на свободу дел. И очередная встреча с тюрьмой, как правило, только возможность повышения профессионального мастерства, и не больше.

Не продифференцировав состав сидящих в колониях и тюрьмах, не обеспечив для каждой из этих групп возможность адаптивной готовности вхождения в жизнь общества, раскрывающей перед каждым возможность духовного и профессионального самоутверждения, не отказавшись от социально тупиковой логики «нарушителя — в тюрьму», мы по-прежнему будем себя обрекать на непрерывную борьбу с преступностью, не ведущую к сколько-нибудь положительному результату.

И если нас ничто не может заставить отказаться от такой тупиковой логики, если для нас достаточно звучат убедительно слова работников колонии, из которых следует, что проблема перевоспитания плохо решается из-за малых сроков наказания, то может быть весомым аргументом станет **экономическая невыгодность** содержания в тюрьмах и колониях такого количества людей, учитывая при этом не только их пребывание в них, но и во что обходится обществу и государству преступность как неотступный спутник нашей жизни? Средства, которые при этом нужно будет потратить для того, чтобы избавиться от такого «спутника», не идут ни в какое сравнение с теми материальными, духовно-нравственными и социальными издержками и потерями, которые мы тратим и несем сейчас. И при этом понимая, что, продолжая действовать так же, как сегодня, нужного результата не добиться.

И завершить извлечения из нашего прошлого, позволяющего понять, насколько нужны принципиальные изменения и подходы к решению проблемы борьбы с преступностью в настоящем, я хочу задать, хоть он, очевидно, и звучит чисто риторически, вопрос: «А должен ли и «не-вор» сидеть в нашей сегодняшней тюрьме?»

И если стремиться реально бороться с преступностью и хорошо понимать разлагающую суть тюремной среды, и тех социальных и духовно-нравственных последствий, порождаемых ею, нам, наверное, нельзя не задуматься над таким вопросом. И хорошо все взвесив, хотя бы самим себе, откровенно и искренне ответить на него.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТУПНОСТИ НА ФОНЕ КРИЗИСА ПРАВА И СОЦИАЛЬНОСТИ

В.М. РОЗИН

В чем проблема, а также немного статистики

Несмотря на усилия правоохранительных органов и большие средства, выделяемые для борьбы с преступностью, статистика показывает, что уровень правонарушений в стране не только не снижается, но медленно продолжает расти.

Если в мире 8 миллионов заключенных, то одна восьмая всего тюремного населения на Земле сидит в наших пенитенциарных учреждениях (при том, что россияне составляют лишь сороковую часть человечества). Каждый четвертый взрослый мужчина в нашей стране – бывший заключенный. По оценке заместителя начальника ГУИН А.И. Зубкова, это каждый третий взрослый мужчина. Убийство никогда не было профессией (военный – не убийца), но сегодня киллер – профессионал, получающий за свою работу хорошие деньги. Изменился и портрет преступной личности. Все чаще это средний обыватель, часто образованный и, как ни странно, психически здоровый по оценкам криминальных психологов. Однако как может быть психически здоровым человек, убивший другого, нередко своего близкого, изнасиловавший подростка или девушку, пытавший старика, чтобы взять его последние деньги, и прочее?

Страшная картина, особенно на фоне других российских проблем – бедность одних и обогащение других, сокращение чуть ли на миллион каждый год населения страны, распространение наркомании и алкоголизма, детская беспризорность, потеря социальной ориентации россиян (мы так и не знаем, в какой стране живем и куда идем). Пока российская элита успешно решила только одну проблему – обеспечила себе безбедную, но думаю, вовсе не спокойную жизнь.

Однако почему ученые и криминалисты не подскажут, что делать, как исправить ситуацию? Они подсказывают, но все как-то однообразно: или предлагают ужесточить наказания и законы, подведя под потенциальные правонаруше-

ния уже почти все население, или разводят руками, поскольку ситуация настолько сложная, что и предпринять, говорят они, ничего невозможно. Указывают, и правильно, на смену социально-экономической формации, глобализацию, небывалую миграцию, мультикультурализм и маргинальность россиян, на кризис идеологии, нравственности и семьи, на трудности выживания и идентификации, на печальные российские традиции, эгоизм властей и т.д. и т.п. При таком анализе рост преступности выглядит как неумолимое и неотъемлемое от российской жизни явление. Или: если преступление, то обязательно должны быть однозначные причины и мотивы, хотя современные преступления часто никаких осознанных мотивов не имеют. Если убил, изнасиловал или ограбил, причем в соответствующем учреждении поставили диагноз «психически здоров», то, значит, понимал, что делал.

Справедливо ли общество по отношению к юным правонарушителям?

Понимает ли подросток, совершающий преступление, что он делает, а также справедливы ли законы, действующие относительно этой категории населения? Действительно ли нужно едва сформировавшегося или еще вообще несформировавшегося юного человека отправлять в колонию или тюрьму, где он ускоренными темпами пройдет «криминальные университеты»? В ответ на это возможный оппонент, особенно, если в его роли выступает прокурор, воскликнет: «Так что же, по головке их гладить? Мы их и так день и ночь перевоспитываем. И законодательство у нас самое гуманное». И тут же в доказательство приведет статью 20 часть 3 нового УК: «Если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного частями 1-ой и 2-ой настоящей статьи, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности». «Вот видите, — скажет он, — наше законодательство предусматри-

вает даже такое обстоятельство, как отставание человека в психическом развитии».

Анализируя это разъяснение, обратим внимание на несколько моментов. Сегодня наша медицина и педагоги утверждают, что в стране в психическом развитии отстает чуть ли не половина подростков и молодежи, а в колониях и тюрьмах этот процент значительно выше. Но не это главное. Как УК определяет критерии правонарушения с точки зрения личности? Правонарушение имеет место в том случае, если молодой человек не только нарушил закон, но и в полной мере осознавал общественную опасность своих действий (или бездействий), а также мог свободно руководить ими. Однако возникает вопрос, может ли средний обитатель исправительной колонии или тюрьмы (особенно подросток или молодой человек) правильно осознавать совершенные им противоправные действия? Обсуждая этот вопрос, наши криминалисты А. Ратинов, Н. Константинова, Е. Собчик делают вывод, что «значение и использование преступниками нравственных понятий являются специфическими и не совпадают со значением этих понятий в соответствии с принятыми в нашем обществе нормами»¹. А.Р. Ратинов отмечает, что от трети до половины правонарушителей не осознают последствий своих поступков².

И свободно руководить своими действиями потенциальный правонарушитель, как правило, не может: он находится под сильнейшим воздействием криминально ориентированной группы. Когда известный криминолог Г. Шнайдер пишет, что «противоправные действия — это в принципе групповой феномен», то он всего лишь выражает общее убеждение современной науки³. На сходном убеждении построен и ряд криминологических концепций, например, «теория дифференциальной ассоциации». В изложении Кресси ее основные положения звучат так: «Преступному поведению учатся... Преступное поведение усваивается в ходе интеракции (взаимодействия) с другими людьми в процессе общения ... Важнейшая часть обучения уголовному поведению совершается в группах ... Овладение криминальным поведением включает в себя изучение способов совершения преступлений ... Человек становится преступником,

когда усваиваемые им определения, благоприятствующие преступлению, перевешивают в его сознании образцы законопослушного поведения»⁴.

Теперь вопрос о перевоспитании молодых людей и подростков в колониях и тюрьмах. Здесь основной вопрос, что больше оказывает влияние на развитие человека, попавшего в пенитенциарное учреждение: формальное воспитание в форме обучения и педагогических бесед или же действенные и страшные по своему воздействию наставления криминальных «учителей» (авторитетов, воров в законе и т.п.). Обсуждая эту дилемму, Ховард Зер, автор книги «Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание» пишет. «Усоит ли юноша в тюрьме образцы ненасильственного поведения? Вряд ли. Скорее наоборот, тюрьма научит его еще большей жестокости. Сможет ли общество защититься таким образом? Возможно, но лишь на какое-то время: в конце концов, он выйдет на свободу и тогда, вполне вероятно, будет опаснее, чем до заключения. В тюрьме же он может стать опасным и для своих соседей по камере. Станет ли тюрьма сдерживающим фактором для новых преступлений? Можно спросить о том, удержит ли его заключение других, но более чем сомнительно, что оно скажется таким образом на нем самом.

Существует даже большая вероятность, что он совершит повторное преступление из за утраты навыков справляться с жизненными обстоятельствами и того образца поведения, который он усвоит в тюрьме. И больше того, тюрьма уже не сможет наводить на него ужас, так как он будет знать, что способен там выжить. Действительно, после двадцати лет тюрьма станет для него настоящим домом, и вне ее стен он будет чувствовать себя неуверенно. Некоторые заключенные, которые провели в тюрьме довольно много времени, по освобождении совершают новые преступления исключительно для того, чтобы вернуться в привычную обстановку. Они предпочитают жить в той среде, для которой у них есть навыки выживания, нежели оказаться лицом к лицу с опасностями мало знакомой им жизни»⁵.

Хотя современное законодательство, судопроизводство и пенитенциарные учреждения основываются на определен-

ной антропологической модели (предполагающей, что человек ясно осознает свои поступки и свободно руководит ими), на предположении, что в пенитенциарных учреждениях правонарушители исправляются, а также претерпевают наказание (возмездие, страдание) в соответствии с мерой содеянного, исследования и анализ современной юридической практики показывают, что эти постулаты сомнительны и в действительности редко выполняются.

Преступление и наказание

На основе каких соображений устанавливается наказание? Главным образом на основе произвола государства, которое принимает на себя функции демиурга, законодателя, судьи и исполнителя наказания. «Общинное правосудие, — пишет З. Ховард, — в своем идеальном проявлении заключалось в переговорах и возмещении ущерба. Суть такого правосудия может быть выражена понятием “frith”, бывшем в ходу у германских племен и обозначавшем горизонтальное примирение, основанное на взаимном согласии. В свою очередь государственное правосудие — это “Королевский мир”, правосудие вертикальное, построенное на строгой иерархии, принудительное, карательное».

«Изменения эти произошли не вдруг, не в один день государство захватило судебные полномочия, представители государства внедрялись в обвинительный процесс постепенно. Так, взяв на себя функцию расследования, государство, в конце концов, стало обвинителем. К 1498 году французский закон установил, что король или королевский прокурор являются стороной во всех делах. Начав с претензии на участие в делах, государство, в конце концов, потребовало и полного главенства...

Изменилась не только технология причинения страданий, но и конечная цель. В раннюю эпоху Просвещения объектом наказания было тело, и наказание могло быть очень жестоким. Сегодня тюрьма, по словам французского историка Мишеля Фуко, пытается добраться до души преступника. Американские квакеры, защитники тюрем, верили, что результатом лишения свободы могут стать покаяние и обращение. В более поздних аргументах в пользу тюрем-

ного заключения утверждалось, что тюрьма является лабораторией по преобразованию новой личности. Было найдено замечательное разнообразие доводов в пользу тюрем, используемых ради так называемого «целенаправленного страдания (по словам Н.Кристи)»⁶.

Кроме того, Зер Ховард показывает, что современное судопроизводство, построенное на состязательности и применении многочисленных законов и вторичных правовых норм предельно затрудняет для правонарушителя и пострадавшего возможность осознать, что же с ними случилось, а для правонарушителя — раскаяться. По отношению к подросткам и молодым людям не срабатывает сама идея справедливости. По сути, она вообще не просматривается непосредственными участниками правового конфликта, и понятно почему. Что собой представляет конфликт в социальной сфере? Один человек причиняет вред другому: осуществляет насилие, крадет и т.д. Как правило, большинство конфликтов (во всяком случае, в нашей культуре) разрешается вовсе не в сфере права: люди договариваются между собой, обращаются к посредникам или общине, иногда просто избегают разрешать возникшую проблему (поскольку себе дороже). Когда же они обращаются в суд, то решение возникшего конфликта опосредуется массой законов и действием непонятной обычному человеку *машины правосудия, намертво спаенной с репрессивным механизмом наказания*. Человеку, оказавшемуся вовлеченным внутрь этой мегамашины (неважно, в каком качестве: обвиняемого или пострадавшего, а часто даже и юристу), совершенно непонятно, каким образом здесь проявляется и действует справедливость. Тем более, что законы, по которым судят, основываются на антропологической модели, совершенно не учитывающей маргинальность молодого человека и особенности его личности.

Особенности российской ситуации

В старые, чуть было не сказал «добрые», советские времена все врал и притворялись, ведя двойной образ жизни. Но социальная жизнь все же была упорядочена и нормирована. Да, многие из нас иронически относились к иде-

ологии и пропаганде, но было хотя бы от чего отсчитывать. Построение коммунизма, борьба с империализмом, воспитание советского человека, абсолютный приоритет государства над личностью, тотальный контроль и планирование жизни. Существовали не только страх, но и гарантированные, известные всем социальные блага и практики. Траектории жизни были четко обозначены и кому положено доступны.

Когда же все это распалось, миллионы россиян стали выстраивать свою жизнь « по своему уму», беря за образец то западное право (в стране, которая никогда не жила по праву), то демократические свободы (а это что такая за птица?), то более привычные и понятные феодальные отношения («ты мне, а я тебе», все честь честью и по справедливости), то просто ставя вперед свои собственные интересы. Ценностями становятся — личность, семья, деньги, благосостояние, успех, здоровье, опора и защита, неважно от кого последние исходят, можно от государства, но лучше от тех, кто имеет реальную власть.

Но было еще одно серьезное обстоятельство. Становление новой социальной системы в России, действительно, совпало (вряд ли случайно) с серьезными глобальными трансформациями. Создание транснациональных корпораций, волны миграции (из стран СНГ, Китая, Вьетнама, Афганистана), терроризм (чеченский и международный), технологическая и идеологическая экспансия Запада, победное шествие по всему миру ТВ, Интернета, мобильной связи — вот только некоторые примеры глобальных процессов, распространяющихся по всей планете и в России.

В социальном же плане эти трансформации, как внутренние, так и внешние, способствовали образованию трех основных сил. Это, во-первых, маргиналы, за десять, пятнадцать лет буквально наводнившие всю Россию (маргинальность молодого человека — это только один из видов). Во-вторых, многочисленные социальные группы и слои (включающие также чиновников и власти разных уровней), преследующие свои корыстные, можно сказать «феодалные» интересы — захватить, перераспределить или удержать рычаги управления, льготы, землю, заводы, деньги, зоны

влияния. Наконец, в-третьих, граждане разных мастей, старающиеся обустроить жизнь на разумных, цивилизованных и справедливых началах. Итак, маргиналы, «феодалы» и граждане, и каждый из них на свой лад старается перекроить Россию. К сожалению, пока баланс сил не в пользу граждан России, что объективно ведет к «войне всей против всех» и социальному беспределу, который тщательно маскируется ликами многочисленных демократических институтов (имитация выборов, справедливого судопроизводства, борьбы с коррупцией, скудная забота о населении и прочее).

Как же в этом раскладе сил самоопределяются россияне? Для многих социальная реальность выглядит как нашествие маргиналов, как тотальная феодализация и криминализация российской жизни. Настали времена новых варваров, уничтожающих друг друга и все вокруг. Движимые эгоистичными и корыстными интересами, не связанные традициями и совестью, они действуют как бессознательные социальные силы, разрушающие саму социальную ткань жизни. В этих условиях отчасти получает оправдание и маргинальность и современное понимание вменяемости, когда убийство человека не является ненормальностью. Устанавливая понятие преступления, Аристотель апеллировал как раз к единству сознания и культуры, к возможности человека взвешивать, оценивать и интегрировать разные свои желания и влечения, а общества — создавать систему согласованных социальных норм. В современном же обществе оба указанных момента становятся проблематичными, а часто и недостижимыми.

Но а как же законы и право? — может спросить наивный россиянин. Хотя право в России постепенно становится реальностью, но все же пока оно больше идеал и желаемое, скорее фасад демократического государства, чем его реальная практика социальной жизни. О неудовлетворительном состоянии права в нашей стране говорят не только пресса и общественные организации, но и власти и сами юристы⁷.

В.А. Четвернин, выступая на «круглом столе» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии» «Гражданское общество, правовое государство и право», вслед за В.С. Нарсесянцем квалифицировал современную российс-

кую ситуацию как «неофеодализм». Такую оценку, с его точки зрения, подтверждают «соединение власти и собственности», «суперпрезидентская» форма правления, напоминающая дуалистическую монархию», специализация судов «не по содержанию рассматриваемых дел, а по субъектному принципу, аналогичному сословному», подмена прав и общих норм привилегиями⁸.

Не менее определено о слабости российского права говорил на «круглом столе» и академик РАН В.С. Степин. «В России никогда народ не чувствовал себя и не сознавал себя живущим в едином для всех правовом поле, и, конечно же, не верил в правовое государство... Реформы 90-х годов, осуществляемые в постсоветской России, к сожалению, пока не привели к правовому обществу... В обстановке ослабления государства и в расширяющихся масштабах укреплялась практика нарушения законов и нигилистического отношения к праву. И здесь воспроизводились и укреплялись худшие черты российской традиции, когда писанные законы не воспринимаются как норма, призванная регулировать жизнь, потому что все знают, что закон можно обойти, надо искать лазейки и сделать так, чтобы он был выгоден для корпоративных интересов... законы толкуются как угодно, потом издаются подзаконные акты, которые по существу нарушают законы, и можно привлечь человека к судебной ответственности произвольно, вменяя ему нарушение какого-либо из противоречащих друг другу подзаконных актов»⁹.

Наблюдается даже своеобразный парадокс — право в современной России формируется в контексте неправовых практик. За годы реформ, пишут Т.И. Заславская и М.А. Шабанова этот контекст настолько расширился, что для большинства стал более реальным, чем само право. По данным этих авторов 42% респондентов «указали, что в современных условиях их законные права нарушаются чаще, чем до реформ. Особо неблагоприятно и важно для осмысления сути современного трансформационного процесса России то, что основными субъектами, нарушающими права граждан, являются власти разных уровней (их назвали 89% респондентов)... Многие исследователи выражают тревогу

по поводу глубокого разрыва между административно-правовой и социокультурной составляющими российских институтов. Отмечается, что новые законы и нормы нередко остаются на бумаге, реальные же практики развиваются так, как если бы этих норм не было»¹⁰.

Кризис права касается не только России

Кризис права наблюдается, конечно, не только в России. Если внимательно присмотреться к пониманию права, как оно складывается к концу XX столетия, то нельзя не отметить двойственное понимание: с одной стороны, право по-прежнему рассматривается как юридическая норма и понятие справедливости, закрепляющие сложившиеся социальные и экономические отношения (властные, хозяйственные и т.д.), с другой — право все больше понимается как способ «конституирования» социальной жизни. Действительно, право позволяет реализовать такие идеалы общества, как социальное равенство, свобода личности, справедливость, достойный уровень жизни, и другие.

Способность права быть конституирующей системой становится особенно заметной во второй половине XX столетия по мере создания и реализации проектов социального государства или других сходных политических установок, например, на реализацию социально ориентированной государственной политики. В этих случаях право не только порождает новую социальную реальность, но и новые социальные конфликты. Получается, что современное право существует в пространстве двух измерений: одно можно назвать «нормативно описательным», другое «нормативно конституирующим». Если первое измерение обусловлено теми социальными структурами и процессами, которые сложились или складываются, то второе — социальными практиками и возможностями. Включение в эти практики человека и другие общественные образования, реализация посредством таких практик соответствующих возможностей и позволяет вводить новые права. Однако их природа, особенно вначале, отличается от традиционных прав, ведь новые права еще не укоренены в социальной действительности. В результате введение подобных прав (назовем их «ин-

тенциональными») создает в культуре различные дополнительные проблемы и напряжения.

Вторая линия напряженности связана с быстрыми социальными изменениями, за которыми традиционное право не поспевает. В связи с этим Луман говорит о необходимости позитивного и динамичного права, способного адаптироваться к изменениям быстротекущего времени. Параллельно правоведы и философы все чаще пишут о кризисе права. «Право в XX в., – пишет Берман, – как в теории, так и на практике все меньше воспринимается как связанное целое, свод, организм, *corpus juris* и все больше как мешанина, каша из сиюминутных решений и противоречащих друг другу норм, соединенных только общими “приемами”, “техникой”. Старое метаправо разрушилось, его сменил своего рода цинизм... Мнение, что право переходит пределы политики, что в любой данный момент или, по крайней мере, в его историческом развитии право отлично от государства, видимо, все больше уступает место представлению о праве как инструменте государства, то есть средстве исполнения воли тех, у кого в руках политическая власть (наша российская действительность полностью подтверждает эту тенденцию. – *В.Р.*)... Право становится более фрагментированным, субъективным, больше настроенным на удобство, чем мораль. Оно больше заботится о сиюминутных последствиях, чем о последовательности и преемственности. Так в XX в. размывается историческая почва западной традиции права, а сама традиция грозит обрушиться»¹¹.

В целом современное право перестает работать и, в частности, потому, что неясно, в каком направлении его обновлять. «Измениться вовремя, – пишет Берман, – вот ключ к жизнеспособности любой системы права, которая испытывает неодолимое давление меняющихся обстоятельств»¹². Но в каком направлении должно изменяться право – вот в чем вопрос. Право можно развивать, чтобы поддержать новые социальные транснациональные институты, но не ясно, чему это будет способствовать, не будет ли этот шаг только усугублять глобальные планетарные кризисы. Право еще больше можно ориентировать на личность, но последняя, как утверждают критики нашей цивилизации, уже и так

предельно эгоцентрична, эгоистична и безответственна. Право, безусловно, должно работать на справедливость, однако, что является справедливым в ближайшей перспективе – дальнейшее развитие нашей техногенной цивилизации или, наоборот, ее критика и трансформация в направлении создания предпосылок новой цивилизации, свободной от существующих пороков и проблем?

Право, общество, власть

А что народ, т.е. общество? По большей части пассивно, а иногда даже способствует противозаконным тенденциям. И понятно, почему общество склоняется к пассивности: попытки населения действовать через право и суд чаще всего заканчиваются неудачей. «Вопреки расхожему мнению о правовой пассивности и чрезмерном долготерпении российских граждан, – пишут Т. Заславская и М. Шабанова, – 66% опрошенных все же предпринимали какие-то действия, направленные на восстановление своих законных прав. Однако для абсолютного большинства (73%) пытавшихся сопротивляться они чаще всего были напрасными»¹³.

Тем не менее, все же нельзя сказать, что закон и право полностью бездействуют. Это не так. В стране медленно идет сложный противоречивый, мучительный процесс становления права и гражданского общества. Люди учатся использовать закон и право. К тому же наличие законов и установка власти на признание гражданского общества создают, с одной стороны, соответствующие возможности развития социальной жизни, с другой – ограничения, отчасти сдерживающие незаконные поползновения различных социальных субъектов и сил. Правда, нужно сказать, что развитию положительных тенденций сильно препятствует нигилистическое отношение к праву.

В России, как известно, на законы и право мало кто уповал, зато всегда, затаив внимание, следили за тем, что предпримут власти. Не стоит представлять дело так, что российская ситуация с властью была всегда однозначная. Во все времена было две тенденции. Одна – это, условно – Иван Грозный, а вторая – его противник – Андрей Курбс-

кий, что хорошо видно из такого документа, как «Письма Ивана Грозного к Курбскому». Иван Грозный в письме к Курбскому пишет о неограниченности прерогатив царской власти. Царь не должен быть никем и ничем связан в своих действиях. Он не отвечает за свои поступки перед подданными, а лишь перед Богом. Поэтому он стоит выше закона. И даже если царь поступает несправедливо, это лишь грех, а не преступление.

Но всегда имела место и другая тенденция. Большинство русских мыслителей, начиная с Максима Грека, подвели читателя к мысли о гибельности единоличного управления государством. В частности, Андрей Курбский и Иван Тимофеев старались показать, что царь в своей деятельности должен опираться на Советы городов, бояр, представителей различных сословий, а также следовать закону, выступая его гарантом. Еще на заре российской государственности Зиновий Отенский писал, что соблюдение законности («правды во всем») обязанность и государя, который должен «право все рассмотриши». Автор «Беседы преподобных валаамских чудотворцев Сергия и Германа» «неоднократно повторяет, что цари должны «обо всем накрепко советовати» и формы организации этих советов разнообразные: «бояре и ближние приятели», «люди своая царской палаты», «надежные воеводы», «разумные мужи», «приказные люди». Курбский идет еще дальше, предлагая царю помимо советников, которые могут быть «злы и беззаконны», выборный сословно-представительный орган («Совет всенародных человек»). А Иван Тимофеев в исключительных случаях допускает и «физическое уничтожение тирана», оправдывая этот акт иосифлянским тезисом о необходимости различать царский сан и носящее его лицо¹⁴.

Но, увы, победила не эта «демократическая» тенденция, а другая — основные институты власти в формирующейся российской культуре все больше основывались на силе и деспотии восточного типа. Например, кровавые расправы Ивана Грозного преследовали не только цель укрепления царской власти, но и подавления всякого инакомыслия и создание атмосферы страха, в которой абсолютная власть самодержца уже не встречала никакого сопротивления.

«Термин “гроза” у Ивана IV означает устрашение подданных. Причем он обосновывает свое право судить и наказывать не только за дела, но и за мысли». В этом отношении Сталин продолжает начатое Грозным дело. Однако почему так произошло? Было ли это случайно? Я полагаю, что нет.

Возьмем средневековую Европу, тот же исторический период, ну может быть несколько более ранний. Что мы видим? В Европе идет борьба за власть пап с королями. Вот что пишет Г.Д. Берман в своей замечательной книге «Западная традиция права: эпоха формирования» (1998) по этому поводу:

«Начался затяжной конфликт светских властей с церковными, не ограничившийся одними письмами: в ход пошло оружие, проклятия, отлучение от церкви. Например, Иоанн Солсберийский в трактате “Norman Anonymus”, направленного против партии папа, пишет, что и “королевское достоинство Христа, и его святость прямо передаются королям через коронацию. Как викарий, есть наместник, Христа, король сам божественен и является священником своего народа. Он даже может совершать таинства, после коронации — такова традиция в Византии, у франков и англосаксов — император или король входил в алтарь и готовил хлеб и вино для своего собственного причащения. Король также благодетель и спаситель своего народа, поэтому он может прощать “грехи”».

Успех в борьбе пап с королями попеременно был то на одной стороне, то на другой, поскольку обе партии имели своих многочисленных сторонников, которые, однако, сами часто меняли свои взгляды, ведь и христианская церковь представляла собой тело Христово, но и светская власть была сакральна. В итоге ни папам, ни императорам не удалось настоять на своих изначальных притязаниях. По Вормскому конкордату 1122 г. император гарантировал, что епископы и аббаты будут свободно избираться одной лишь церковью, и отказался от присвоения им духовных символов кольца и посоха. Со своей стороны папа согласился на право императора присутствовать на выборах и вмешиваться там, где возникал спор. За этим первым шагом последовали

и другие, в ходе которых церковь и светская власть постепенно разграничивали компетенции и определяли границы собственных институтов. Другой важный результат — формирование канонического права и, по его образцу, права светского государства»¹⁵.

Инициатором изменений в описанном конфликте выступала церковь. А условия диктовало средневековое общество, состоящее из многих сообществ, племенных союзов, дворов королей, крупных феодалов, христиан-монахов, мирян, связанных феодальными, договорными отношениями. И вот что важно. Каждое сообщество отстаивало свою самостоятельность. Средневековое европейское общество признавало равенство социальных субъектов, поэтому в конфликте не могли победить ни церковь, ни светские власти. По сути, начиная с XI — XII вв., средневековое общество конституирует себя на основе права и механизмов, отчасти напоминающих демократические. Берман подчеркивает новый смысл права и новые виды прав, которые, в частности, регулировали отношения между соперничающими церковными и светскими владениями, а также давали возможность для светских властей целенаправленно и программно претворять в жизнь заявленные церковью цели: обеспечить мир и справедливость в своей юрисдикции.

А в России в это время — полное бесправие. Царь решает все сам и ни перед кем, ни за что не отчитывается. Он может сделать с другими все, что захочет. Решение конфликтов — только силовое, плюс деспотизм. Видимо, только это и давало возможность удерживать социальное целое как большой организм. Если бы речь шла о небольшом социальном организме, не столь разнородном по структуре, и плюс там бы действовали договорные, правовые отношения, может быть, было возможно другое решение.

Нельзя ли в таком случае предположить, что силовое решение конфликтов представляет собой историческую традицию в России? Похоже, что так. Мы имеем такую ситуацию, когда на огромной территории живут очень разные народы, существуют разные типы культуры, включая чуть ли не архаические, когда основной способ решения конфликтов — силовой, когда основные отношения являются

неправовыми. В принципе и до сих пор большинство конфликтов в России разрешаются не на основе права. Там, где это не противоречит интересам власти или она по каким-либо причинам вынуждена временно отступить (например, под давлением международной общественности, возмущения населения, боязни проиграть выборы или скандала в прессе), россияне все же учатся соблюдать законы и бороться за свои права.

Но известно, что российская власть тоже учится, и даже уже научилась использовать законы для своих целей и управлять политическими процессами (выборами, прессой, депутатами, общественными объединениями и т.д.). Блокировав критику и сопротивление со стороны общества, власть, как говорит В. Подорога, постепенно превращается в своеобразный «народный Фонд» по поддержанию жизни россиян и ее развитию. Спрашивается, почему? В целом понятно: если снова не вводить социальный террор (а в ближайшей перспективе это невозможно), жить в мировом сообществе, удерживать власть, осуществляя простую ротацию внутри правящей элиты, то надо, чтобы население было довольным и как-то поддерживало власть, тем более, что оно знает, как неплохо живет средний человек в развитых странах. Может быть, тогда стоит согласиться с мнением, что Россия не готова вступить в созвездие правовых обществ, стать демократическим государством? Ничего-ничего, бодро успокаивают чересчур разволновавшихся граждан России Жириновский и Проханов, так в нашей стране заведено и было всегда, а ради Империи, добавляет последний, ничего не жалко, можно положить на алтарь и миллионы жизней, как это в свое время делал отец всех народов Сталин.

Что делать?

Но есть еще один сценарий – «интеллектуалистический», кстати, весьма распространенный среди образованных людей (ученых, инженеров, служащих) апеллирует к сознанию и разуму человека (и обычного и политика). Интеллектуалы знают или узнали в результате исследований, как там на самом деле обстоят дела, и что нужно сде-

лать, чтобы всем было хорошо, и, наконец, настала социальная справедливость. При этом представители интеллектуалистического направления почему-то не замечают, что есть разные другие рецепты социального спасения, а также то, что средний россиянин, как правило, больше верит СМИ и тем же «продажным политикам», чем руководствуется разумом.

К интеллектуалистическому сценарию, на мой взгляд, относится и позиция тех, кто, признавая социальную реальность, в то же время разделяет ценности свободной, демократической жизни и поэтому считает, что должен готовить условия для наступления лучших времен. Например, Заславская пишет, что нужно действовать осторожно, системно, понимая природу социальных явлений, нужно готовить предпосылки для желательного будущего. А как жить сейчас, вот в чем вопрос. Несколько лет тому назад я сам был сторонником данного подхода. Ведь что показала социальная практика России. Если проект или программа социальных действий не реалистична, например, реализуется при отсутствии необходимых условий для социальных изменений, то и социальное действие в целом будет деструктивно. Более того, такие проекты очень подходят власти, потому что они создают видимость научного решения социальных проблем, видимость работы на общество. Мне кажется, что это вообще характерно для России – разрыв между замыслами, возможностями и условиями. Когда существует такой разрыв, вместо реальных изменений и действий – в основном имитация. Показывают фасад, за которым скрывается совсем другое явление.

Но ситуация все же не безнадежная. Да, с одной стороны, налицо тенденция к установлению тоталитарного режима, процесс, который сегодня прикрывается имитацией демократических реформ. Но, с другой стороны, одновременно с этим идет региональное строительство, рождаются живые формы социальной жизни, люди учатся правовым отношениям, сопротивлению властям, происходит смена поколений. В целом ряде российских регионов местные власти переходят к следующей политике. С одной стороны, понимая реалии, они не лезут, как однажды выразился Ле-

онид Радзиховский, поперек вертикали в пекло, а пытаются выполнить предписания и приказы Федерального центра или делают вид, что выполняют их. С другой стороны, региональные власти изо всех сил стараются развивать свой регион, в пределе стремясь сделать его независимым от Центра. В этом втором направлении работы местные региональные власти, безусловно, в той или иной мере исходят из интересов целого (родного региона) и его населения. С третьей стороны, региональные власти, конечно, не забывают и себя. А почему, спрашивается, они должны о себе забыть, при правильном хозяйствовании забота о себе часто неотделима от забот региональных. Хорошо бы при таком подходе и подключить региональное сообщество.

Региональное строительство предполагает не только оживление «лежащих на боку» предприятий или их модернизацию, но и продумывание, проектирование и практические действия по отношению к другим подсистемам целого — культуре, образованию, экономике, местной власти и др. Предполагает оно также поиск и создание новых ресурсов, и не меньше, пробуждение местного сообщества. К таковому относится и электорат, и центры образования, и общественные движения, и значимые социальные субъекты всех уровней власти, производства, культуры, образования.

Важную роль в этом процессе начинает играть и процесс самоорганизации профессиональных сообществ. В начале апреля на «Эхо» Москвы обозреватель Юлия Латынина рассказала такую замечательную историю¹⁶. В Санкт-Петербурге есть большое сообщество («Айти бизнес»), торгующее электронным оборудованием и программным обеспечением. Фирмы этого сообщества регулярно грабили сотрудники МВД. Схема отъема чужого имущества была следующая. Покупали кого-то в прокураторе, прокурор выписывал поручение, с которым на фирму являлись люди МВД. На основании этого документа у фирмы со складов забирались аппаратура, как якобы контрабандная (или указывались другие причины). Затем аппаратура передавалась в РФФИ (Российский фонд федерального имущества), сотрудник которой в свою очередь отдавал приказ о реализа-

ции этого оборудования по супер заниженным ценам через определенную фирму. Разницу клали себе в карман. Что сделало сообщество, понимавшее, что действовать по закону бессмысленно. Во-первых, оно сорганизовалось. Во-вторых, крупнейшие фирмы, входившие в этот альянс, приняли хартию, запрещающую продавать краденую продукцию. В-третьих, разыскали фирму, она называлась «Ультра Электроникс» (кстати, подписавшую хартию), через которую продавалась эта продукция. В-четвертых, перестали работать с этой фирмой; кроме того, с ней перестали работать банки и западные партнеры. В результате «Ультра электроникс» мгновенно обанкротилась. Но вернемся к проблемам российской преступности, хотя, по сути, мы от них не уходили.

Направления научных и философских исследований

Я хотел показать, что решение проблем преступности предполагает исследование нескольких очень разных областей. Здесь не только анализ собственно правонарушений и преступлений, а также их причин. Не менее важно понять, как мыслят юристы и криминалисты, какие схемы объяснения они реализуют, какие ценности имеют. Как, например, современная юридическая наука понимает природу юридического познания, характерного для современного судопроизводства (а от этого понимания зависит и трактовка юридических фактов и многое другое)? В целом так же, как и прежде. Цель судопроизводства и правосудия – установление объективной истины с помощью исследования и познания особого рода. «Судебная деятельность, – пишет признанный классик нашей юридической науки М.С. Строгович, – это сложный процесс исследования и оценки подчас противоречивых фактов рассматриваемого дела во всем своеобразии его конкретных обстоятельств... проблема установления фактов по уголовным делам, проблема установления их в соответствии с действительностью, т.е. проблема истины... суд стремится к установлению по рассматриваемому им делу объективной истины и лишь установление такой истины служит законной базой для справедливого приговора советского суда»¹⁷.

Здесь, однако, возникает сразу несколько вопросов: как установить соответствие фактов действительности, если последняя как раз и неизвестна, она дана в несовпадающих, часто прямо противоположных, версиях сторон; что такое объективная истина, если тот же автор пишет, что «объективную истину нельзя оторвать от субъективного убеждения судей в том, где истина и где ложь в рассматриваемом деле»¹⁸; можно ли считать юридическое исследование объективным, если оно устанавливается «при помощи юридических средств», причем «судебная деятельность - это практика, это активная борьба с преступлениями, протекающая в сложной обстановке и трудных условиях, а не лабораторное (академическое) исследование»¹⁹. Не оказывают ли «трудные условия» и установка на «активную борьбу с преступлениями» влияние на характер объективной истины, не превращается ли она в связи с этим в истину крайне субъективную?

Аргументы Строговича не бесспорны. Во-первых, говоря о познании, он имеет в виду, очевидно, естественную науку, но является ли юридическое познание естественно-научным, не напоминает ли оно больше гуманитарное или социальное познание? Во-вторых, необязательно, что если в науке можно установить истину, то ее можно установить и в судопроизводстве. В-третьих, назначение судопроизводства по Строговичу можно и оспорить: цель суда — не раскрытие и осуждение преступления, а скорее соблюдение законов и права относительно данного конкретного случая. Я уверен, что сегодня проблему юридического познания и юридической истины необходимо ставить заново, применительно к современной сложной юридической ситуации.

Понять природу современной преступности невозможно, не анализируя, как вообще устроена современная система наказания, какой смысл мы вкладываем в это понятие, отвечают ли представления о наказании нашим целям и ценностям.

Исследованию подлежит и современный человек, ведущий себя во многих ситуациях очень необычно. Что, например, непонятно в поведении сотен тысяч современных преступников. С одной стороны, они вроде бы не безумны,

и в обычной жизни мало чем отличаются от остальных людей, с другой – убийцы (насильники и прочее). Если они нормальные люди, то как могли убить?

Способствуют этому разные обстоятельства. Например, современная жизнь устроена так, что, удовлетворив определенные требования, т.е., отработав положенные часы, соблюдая законы или, делая вид, что их соблюдаешь, человек становится свободным и дальше может делать, что хочет. При этом внешне он может вести себя одним образом, а внутри это совершенно другой человек. Именно потому, что современная цивилизация на уровне личности допускает двойственность, отдельный человек очень долго может жить фантазиями и вымыслами. И немаловажно, что при этом он всегда может реально «нырнуть» (уйти) в мир, отвечающий этим фантазиям и вымыслам, за которыми в конечном счете стоят его желания. Если он не может реализовать свои желания в своей деятельности и творчестве, есть игра, искусство, наркотики, алкоголь, есть забвение (амнезия), есть, наконец, преступление.

Анализ власти и социальности – еще одна область изучения, необходимая для выработки эффективных мер борьбы с преступностью. Если законы нарушаются сверху, если каждый второй-третий маргинал, не считающийся с законами, если, наконец, большинство конфликтов россияне предпочитает разрешать вне права и закона, то без изучения власти и социальности нам не обойтись. К этому же кругу тем относится и проблема социального действия, предполагающая изучение тех социальных и индивидуальных сценариев, на основе которых люди вырабатывают ближайшие и долговременные стратегии своего поведения.

Примечания

¹ Константинова Н.Я., Ратинов А.Р., Собчик Е.М. Самооценка преступников // Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979. С. 71.

² См.: Ратинов А.Р. Психология личности преступника // Личность преступника как объект психологического исследования. С. 31.

³ См.: Шнайдер Г.Й. Криминалогия. М., 1994. С. 136.

⁴ Там же. С. 314

⁵ Ховард З. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М., 1998. С. 50.

⁶ Там же. С. 136, 141 – 142.

⁷ См.: Судебная реформа: проблемы и перспективы. М., 2001. С. 14, 44, 45, 46.

⁸ См.: Государство и право. 2002. № 1. С. 20.

⁹ Там же. С. 28.

¹⁰ *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 6 – 7.

¹¹ См.: *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 48 – 53.

¹² Там же. С. 37.

¹³ *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Социальные механизмы трансформации неправовых практик. С. 6.

¹⁴ См.: *Розин В.М.* Развитие права в России как условие становления гражданского общества и эффективной власти. М., 2006. С. 265 – 267.

¹⁵ *Берман Г.Дж.* Цит.соч. С. 200 – 202.

¹⁶ http://www.echo.msk.ru/att/element-505258-snd1-Kod_dostupa_0504_1.mp3

¹⁷ *Строгович М.С.* Материальная истина и доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 14, 19, 44.

¹⁸ Там же. С. 107.

¹⁹ Там же.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Ю.М. АНТОНЯН

Преступления совершались и совершаются всегда – и в первобытной древности, и в современных дикарских обществах, со всей убедительностью свидетельствуя о том, что преступность вечна. Но всегда же пытались понять ее причины, однако чаще всего видели их в негативных социальных явлениях и конфликтах. Между тем важно знать, какие особенности человеческой природы делают преступность столь же неизбежной, что и рождение, болезни или смерть. Это личностные факторы, связанные как с биологией, так и с социальными условиями жизни людей, и определяющие ту самую природу, которая влечет человека не только к созданию семьи, получению знаний и профессиональных умений, обретению уважения и дружбы и т.д., но и к преступному поведению.

Иными словами, необходимо сосредоточить усилия на познании общечеловеческих причин преступности, вытекающих из социальной природы человека, созданной обществом во взаимодействии с его биологией. Только тогда можно будет объяснить, почему люди всегда совершали и будут совершать преступления, невзирая на то, какими социально-экономическими или иными особенностями отличается то общество, в котором они живут и действуют.

Нужно соединить человека и общество в их криминальном единстве. Носителем этого единства в конечном итоге выступает личность, являющаяся объектом неблагоприятных воздействий. Люди совершают преступления потому, что общество и их человеческая, точнее – личностная природа всегда (!) формируют у них такие особенности, которые затем проявляют себя в качестве причин преступлений. Эти особенности возникают и функционируют спонтанно и имманентно, но последнее обстоятельство вовсе не говорит о фатальности преступного поведения применительно к конкретному лицу. Возможность криминального срыва зависит от конкретного воспитания, негативных, психотравмирующих обстоятельств прожитой жизни и т.д. Фа-

тальна преступность, а не преступное поведение, но сумма таких поведений составляет преступность.

Преступления совершались всегда, даже в первобытном обществе и на этапах его перехода в иные формации, причем эти этапы могли быть весьма длительными. Исследования этнологов, особенно Д.Д. Фрезера, И.Б. Малиновского, не оставляют в этом сомнений: даже в обществе дикарей существовал некий свод неписанных правил, нарушения которых вовлекли за собой карательные санкции, начиная от наказаний имущественного характера (например, таких, которые мы сейчас называем штрафом) до изгнания из племени и лишения жизни. То, что тогда не было написанных уголовных законов, не свидетельствует об отсутствии преступности, просто общество еще не достигло необходимого для этого уровня, люди попросту еще не умели писать. Однако уже в то время действовали известные всему сообществу запреты, которые и выполняли функции таких законов и которые нарушались.

Эти правила были обычаями, освященными традициями, авторитетом предков, магическими либо примитивными религиозными предположениями, одним словом, сугубо жизненной практикой тех лет. Без подобных обычаев общество не могло жить и развиваться, они обеспечивали его целостность, ограждали от наиболее опасных посягательств на жизнь, здоровье и достоинство людей, имущественные интересы общины в целом или ее отдельных членов, на все те ценности, которые носили сакральный характер и составляли духовную основу всего их существования. Последние имели исключительное значение, поскольку первобытный человек немислим без своих идолов, духов предков и духов природы, духов животных и неодушевленных предметов, своих тотемов и табу. Посягательства на такие ценности таили величайшую психологическую угрозу, в том числе для самой жизни дикарей, которые, если лишить их собственного анимистического мира и его символов, могли просто погибнуть. Поэтому покушения на указанные ценности карались весьма сурово.

Все то же самое можно сказать и о современных дикарях. Они практически все безграмотны и воспринимают уго-

ловные и прочие законы государства, на территории которого проживают (если они, конечно, вообще знакомы с ними), в качестве правил, противоречащих их обычаям, но которым вынуждены подчиняться. Вместе с тем система собственных запретов у них сохраняется, а механизм их функционирования примерно тот же, что и во времена первобытной дикости. Столь же велика среди них значимость духов и различных компонентов магии, они ревностно оберегают свой внутренний мир и те обычаи, которые регулируют их жизнь. Нарушение последних влечет за собой санкции, которые накладывают не только вожди племен, но и шаманы и колдуны.

Итак, можно сделать вывод о том, что преступность существовала и на заре человечества. Поэтому необходимо выявить те явления и процессы, которые во все времена и во всех странах порождали и порождают ее. Полагаю, что существует три таких фактора: отчуждение некоторых людей от позитивных социальных ценностей и социальных групп; ощущение и переживание ими угрозы со стороны окружающего мира, в первую очередь социального; ощущение и переживание своей брэнности и прежде всего страха перед смертью. Эти факторы связаны между собой и могут действовать одновременно, но часто какой-нибудь из них превалирует.

Многие криминологические исследования убедительно свидетельствуют о том, что преступников отличает психологическая дистанция от других людей, многие из них одиноки и замкнуты, у них мало друзей и близких знакомых, они не имеют семьи и не стремятся завести ее, долго нигде не работают и переезжают из одного населенного пункта в другой, некоторые даже ведут бездомное существование, занимаются бродяжничеством. Для них характерно стремление к уединению, еще в детстве они предпочитали игры в одиночку. Такие особенности чаще наблюдаются среди насильственных, насильственно-корыстных преступников и воров.

Отчуждение от общества и его ценностей формируют особый психологический настрой, особую позицию по отношению к окружающему миру и самому себе, нередко

ощущение своей ненужности, выброшенности, неприспособленности к жизни. Такие преступники в отличие от не-преступников хуже усвоили требования правовых и нравственных норм, которые не оказывают на них существенного влияния. Эти люди очень часто не понимают, что от них требует общество. Можно предположить, что это связано с необычностью их установок и восприятия, из-за чего любые жизненные ситуации существенно искажаются. В итоге человек не может понять, чего от него ждут и почему он не должен совершать то или иное действие. Причем, что весьма важно отметить, поскольку нормативный контроль поведения нарушен, оценка ситуаций осуществляется не с позиций социальных требований, а исходя из личных переживаний, обид, проблем, влечений и инстинктов.

Нарушение социальной адаптации часто связано с отсутствием, мотивированности к соблюдению социальных требований. В этом случае человек понимает, что от него требует окружение, но не желает эти требования выполнять. У таких людей плохая социальная приспособляемость, поэтому у них возникают немалые сложности при попытках адаптироваться в малых группах. Отчужденность преступников проявляется, например, в том, что среди них больше, чем среди законопослушных граждан, тех, у кого невысокий уровень образования и производственной квалификации, отсутствует семья и слабы связи с родственниками, кто часто меняет место работы и жительства.

Об этом убедительно свидетельствуют истории жизни отдельных преступников и преступниц, и особенно из числа рецидивистов. Многие из них никогда не были женаты (замужем), а если и были, то утратили связи с семьей и не стремятся к их восстановлению. Иногда даже женщины, казалось бы, предназначенные самой природой для сохранения домашнего очага, в результате длительного антиобщественного существования теряют контакты с родственниками, не знают, что с их детьми. Нет сомнения в том, что у таких лиц вырабатываются особый взгляд на жизнь, свое, специфическое ее ощущение и реагируют они на возникающие жизненные ситуации в соответствии с этим. Поэтому не должны удивлять их на первый взгляд странные, иног-

да нелепые, резко выходящие за рамки обычной поступки, к тому же вроде бы ничем не мотивированные. Но они лишь внешне кажутся таковыми, а на самом деле в результате глубокого анализа всегда можно обнаружить, что их преступное поведение внутренне закономерно, субъективно, целесообразно и во всех случаях мотивированно.

Именно указанные признаки в совокупности с антиобщественными взглядами и ориентациями отличают преступников от не преступников, а их сочетание (необязательно, конечно, всех) у конкретного лица выступает в качестве непосредственной причины совершения преступления.

Негативные психологические особенности личности функционируют в рамках индивидуального бытия, на базе собственного жизненного опыта, а также биологически обусловленных особенностей. Однако многие особенности, так же, как и психологические черты, носят как бы нейтральный характер и в зависимости от условий жизни и воспитания наполняются тем или иным содержанием, т.е. приобретают социально полезное или антиобщественное значение.

Сочетание указанных выше психологических особенностей, потенциально предрасполагающих к совершению преступлений, обнаружено исследователями и в других странах. Например, обследование подростков, проведенное в США, показало, что те, у которых были установлены эти сочетания, чаще совершали преступления.

Исследование 500 преступников, проведенное совместно с В.П. Голубевым и Ю.Н. Кудряковым с помощью *методики многостороннего исследования личности (ММИЛ)*, представляющей собой адаптированный вариант *Миннесотского многофакторного личностного опросника*, показало, что для них характерны пики по таким шкалам, как изоляция (отчужденность), импульсивность и ригидность (шкалы 4, 6, 8). Удельный вес преступников, характеризующихся званными пиками, намного выше, чем среди законопослушных граждан.

Профиль ММИЛ преступников указывает прежде всего на плохую социальную приспособленность и общую неудовлетворенность своим положением в обществе. У них выражена такая черта, как импульсивность, которая про-

является в сниженном контроле своего поведения, необдуманных поступках, пренебрежении последствиями своих действий, эмоциональной незрелости.

Выраженная психологическая изоляция преступников, установленная нами, может свидетельствовать о нарушении эмоционального контакта с окружением, невозможности встать на точку зрения другого, посмотреть на себя со стороны. Это также снижает возможность адекватной ориентировки, способствует возникновению аффективно насыщенных идей, связанных с представлением о враждебности со стороны окружающих людей и общества в целом. В этом случае может создаться такое представление субъекта об обществе, с которым реальное общество не тождественно. С другой стороны, одновременно идет формирование таких черт, как уход в себя, замкнутость, отгороженность и т.д. По мнению большинства исследователей, работавших с тестом, подобные личностные тенденции вызваны повышенной сензитивностью и чрезмерной стойкостью аффекта. Правильная оценка ситуации затрудняется, так как поведение управляется аффективными установками. Отчужденному, замкнутому человеку их трудно разрешить, поскольку он не общается или мало общается с другими, а поэтому не может и не умеет обращаться к ним за советом или помощью. В результате аффект накапливается и может привести к взрыву.

Конечно, отчуждение присуще не всем преступникам. Так, среди них особое место занимают расхитители, взяточники и другие должностные преступники. Эти лица по сравнению с другими преступниками являются более адаптированными, т.е. приспособленными к различным социальным ситуациям и их изменениям; лучше ориентируются в социальных нормах и требованиях, более сдержанны, могут хорошо контролировать свое поведение. Расхитителям не свойственны такие черты, как агрессивность и импульсивность поведения, которые отмечаются у насильственных преступников. Они более общительны, большинство из них не испытывают трудностей в установлении социальных контактов, у многих встречаются такие черты, как стремление к лидерству, потребность в социальном признании. Боль-

шинство из них женаты, имеют детей и к семье относятся заботливо.

Отчуждение и одиночество человека может проистекать из разных источников, в связи с чем можно выделить отдельные типы соответствующих фундаментальных личностных состояний. Одиночество как состояние и потребность в нем вырабатываются в результате неблагоприятного воспитания в семье, когда родители эмоционально выталкивают сына или дочь из семьи и они, по существу, растут одинокими, в изоляции от отца и матери, что со временем становится их привычной личностной позицией. Одиночество способно возникнуть в результате длительной болезни, когда ребенок или подросток не только не общается со сверстниками, но, будучи изолирован недугом, как бы вынужден погрузиться в себя. Человек может очертить вокруг себя замкнутый круг, чтобы не делиться с другими тем, чем он обладает или думает, либо потому, что он самодостаточен, живет только по своим внутренним канонам и ему действительно никто не нужен, особенно если он эмоционально холоден и не способен идентифицироваться с другими людьми. Такими были «великие» преступники XX века Гитлер и Сталин, самодостаточные и действительно одинокие люди.

Сама природа в содружестве с обществом создала людей в амбивалентном единстве тяготения — отвергания друг друга, стремлении к одиночеству или обязательному объединению. Одни боятся быть отверженными больше смерти, в то время как другие могут существовать только в социально-психологической изоляции.

Э. Фромм писал, что человек по своему происхождению является стадным животным. Его действия детерминированы инстинктивным побуждением следовать за вожаком и находиться в тесном контакте с окружающими его животными. Поскольку мы похожи на овец, для нас нет большей угрозы, чем утратить этот контакт со стадом и оказаться в одиночестве. Хорошее и плохое, истинное и ложное — все это определяется стадом. Однако мы ведь не только овцы. Мы еще и люди, наделенные самосознанием и разумом, которые по своей природе независимы от стада.

Наши действия могут определяться результатами нашего мышления независимо от того, разделяют нашу истину другие или нет.

Различие между нашей стадной и человеческой природой лежит в основе двух видов ориентации: стадной и разумной. Рационализация — это компромисс между нашей стадной природой и человеческой способностью мыслить. Последняя вселяет в нас уверенность в том, что все, что мы делаем, удовлетворяет требованиям разума, и именно поэтому мы стремимся показать, что наши иррациональные мнения и решения являются вполне разумными. Но поскольку мы — овцы, не разум является нашим настоящим руководителем, мы руководствуемся совершенно иным принципом — принципом стадной сплоченности.

Двойственная природа мышления, дихотомия разума и рационализирующего интеллекта являются выражением основной дихотомии человека — сосуществующих потребностей в зависимости и свободе¹.

Мысль о том, что человек является стадным животным, совсем не нова. Но в той же мере она и не точна, и не учитывает всей сложности природы человека и его отношений с обществом. Действия одних людей (и очень многих, всех людей толпы!) действительно детерминированы потребностью следовать за вожаками и находиться в тесном контакте с окружающими. Однако за свою многотысячную историю человек привык не доверять другим, даже казалось бы близким и преданным, поскольку он убежден, что эти другие вполне могут покуситься на его жизнь, здоровье, достоинство, имущество, на его женщин и социальные статусы. Они способны сделать его несчастным и обездоленным, отсюда его эмотивность, подозрительность, недоверчивость, ранимость, агрессия как способ защиты. Поэтому в нем, как справедливо отмечал Э. Фромм, сосуществуют потребности в зависимости и свободе. Одиночество очень часто предоставляет свободу, которая, как всегда, может быть и иллюзорна.

Преступники особенно не доверяют другим, об этом свидетельствует возрастная динамика совершения преступлений в группе: подростки до 70 — 75% преступлений со-

вершают в соучастии, для лиц старше 30 лет этот показатель вдвое, даже втрое ниже. Еще меньше с возрастом правонарушители доверяют сотрудникам правоохранительных органов, поддаются их уговорам и обещаниям, а также другим преступникам, в том числе тем, с кем они отбывают наказания.

Итак, те, которые совершают преступления, — это более отчужденные личности. В силу отчуждения они не усвоили социальные нормы, регулирующие поведение людей, не выработали в себе солидарность с ними. Совершая преступления, некоторые из них тем самым защищают такой свой статус, другие — пытаются получить то, чего они лишены как раз в силу отчуждения, третьи — потому, что у них нет привязанностей и они не ощущают ответственности перед кем-либо. Чтобы преодолеть свое одиночество, человек вполне может согласиться участвовать в совершении преступных действий группы, поддаваться ее влиянию. Одиночество иногда начинает внушать страх, повышает тревожность, формирует стремление защитить себя от реальных или мнимых врагов путем агрессии. Этот последний фактор мы сейчас и рассмотрим.

Рассмотрим второй фактор. Человек появился на земле во враждебной среде: среди животных, которые постоянно угрожали его жизни, в природных условиях, неблагоприятное развитие которых тоже грозило ему. Он еще боялся тех, с кем вместе жил, охотился, работал, и боязнь здесь была отнюдь небезосновательной. Страхи древнего человека были связаны и с духами природы и животных, духами предков и покойников, особенно убитых врагов. Он страшился нападения других племен, колдовства, небесных светил и, наконец, голодной смерти. Страх, как стена, плотно окружал его.

Первобытный страх перед чужаками носит архетипический характер и лежит в основе величайшего проклятия нашего времени — воинствующего национализма и шовинизма, породивших германский нацизм, этнорелигиозной нетерпимости, обусловившей совершенный терроризм. Страх перед чужими активно способствовал большевизму, он активно провоцирует многие преступления.

Тревога и тревожность — синонимы, отражающие более низкий уровень беспокойства по сравнению со страхом, выше которого в свою очередь ужас, представляющий собой паническое, неуправляемое состояние психики. Наша культура порождает в людях огромную тревожность, особенно в урбанизированных регионах. Глобализация в современном мире с ее универсализацией и стремлением подчинить всех одному ритму, одним стандартам и одному образу жизни, отнюдь не способствует снижению тревожности и страха. Люди очень боятся утратить привычные ценности, смыслы и символы, особенно духовные, и их защита очень часто предполагает использования преступного насилия. Глобализация повышает риск стать жертвой терроризма и организованной преступности.

Со временем многое, конечно, изменилось. Прежде всего, человек перестал бояться диких животных, затем постепенно духов и магии, на смену которым пришли боги (впрочем, духи повсеместно до сих пор прекрасно уживаются с богами). В современном секуляризованном мире, особенно западном, страх перед божествами и иными потусторонними персонажами, разумеется, совсем не такой, как в первобытных и других древних сообществах, он не ощущается обычно в качестве непосредственной и фатальной угрозы жизни. Вместе с тем страх остается перед природными катаклизмами, а в последнее столетие — и перед техногенными катастрофами. Люди по-прежнему боятся войны, причем соответствующие переживания стали еще более острыми из-за того, что ядерное оружие сделало практически одинаково уязвимыми фронт и тыл. Люди продолжают страшиться преступников, причем в некоторых странах, например, в России, их защита в этом отношении крайне неэффективна.

Но есть еще множество и других социальных факторов, приводящих личность в содрогание: боязнь не состояться в жизни, происки конкурентов, несправедливое отношение властей (обычно в лице чиновников), непризнание со стороны тех, кто особенно ценим, в том числе любимой женщиной (мужчиной) или референтных групп, страх обеднеть, потерять работу, социальный статус, стать жертвой несчаст-

ного случая и т.д. Как мы видим, не только древний, но и современный человек имеет слишком много поводов для страха. Социальная среда едва ли не самый важный источник его страхов в обыденное время.

Э. Фромм отмечал, что аспектом процесса индивидуализации (отделения от окружающего мира) является возрастающее одиночество. Первичные связи гарантируют фундаментальное единство с окружающим миром и ощущение безопасности. По мере того, как растет обособленность ребенка от окружающего мира, он начинает осознавать свое одиночество, свою обособленность от людей. Эта отдаленность от мира, который в сравнении с человеком представляется несоразмерно громадным и всемогущим, а порой и очень опасным, наводит на него страх, чувство тревоги и незащитности. Пока человек был неотъемлемой частью мира и не осознавал возможностей и последствий индивидуальных самостоятельных действий, он не испытывал никакого страха. А после того, как человек становится самостоятельным индивидуумом, он вынужден находиться один на один с ошеломляюще огромным миром².

Взрослея, овладевая различными навыками, знаниями и умениями, социальными ролями и реализуя предписанные ими функции, человек стремится преодолеть свою инфантильную робость, нерешительность, неуверенность перед этим миром и в большинстве случаев органически вписывается в него. Но так получается не всегда, многие жизненные ситуации оказываются неожиданными или унесут в себе угрозу, либо представляются угрожающими, на иные обстоятельства субъект не знает как реагировать, и уже поэтому они воспринимаются в качестве опасных. Ощущение среды, как опасной для индивида, несущей угрозу его бытию, чаще всего четко не осознается в первую очередь потому, что оно слишком травматично и поэтому «переводится» в сферу бессознательного. В то же время зависимость тревожной личности от неблагоприятной среды весьма велика, поскольку эта личность постоянно и жестко привязана к внешним условиям. В данном смысле она не свободна в целом и по отношению к конкретным жизненным ситуациям, так как еще недостаточно выделила сама себя из сре-

ды. Соответственно, низок у нее уровень осознания сущности и смысла действий, их субъективной значимости.

Однако чувство страха отнюдь не покрывает, как можно было бы подумать, флером печали и тоски всю повседневную жизнь первобытного человека. Напротив, жизнь среди постоянных опасностей не исключает у него ни бесконечности, ни хорошего настроения. Он знает, что в любое время на него может обрушиться непредвиденное несчастье. Но именно потому, что опасность угрожает со стольких различных направлений и в таких разнообразных формах, стоит ли о ней думать, если угроза еще не воплотилась в реальность и беда пока не свалилась на голову? Беспокойство у него есть, как, впрочем, и у современного человека, но это не должно мешать наслаждаться жизнью.

В немалом числе случаев дикарь увязал в запретах и предписаниях, как муха в патоке. Но это не означает, что они ему не были необходимы, поскольку весь мир внушал ему страх, в том числе его собственное «Я». Опасности не были призрачными оттого, что были воображаемыми, поскольку и воображаемые представляли для него виртуальную реальность. Табу и указания, видоизменяясь иногда весьма существенно, передавались из поколения в поколение, многие действуют и сейчас, и они бессмертны, составляя часть культуры.

Преступники почти не способны «подняться» над возникшей жизненной ситуацией, взглянуть на нее со стороны, избрать иной, кроме противоправного, в том числе разрушительного, способ ее разрешения. Психологически это происходит в первую очередь потому, что они без остатка растворяются в происходящем, намертво связаны с определенными внешними условиями, действиями других лиц, что исключает или, во всяком случае, серьезно затрудняет анализ и оценку этих условий и действий, а, следовательно, и принятие автономных решений. То, что значительное большинство преступников не способны к анализу и оценке, доказывают имеющиеся эмпирические данные о том, что они отличаются, по сравнению с законопослушными гражданами, повышенной эмоциональностью и застреваемостью эмоций и переживаний.

То, что личность страшится социальной среды, может привести к совершению как корыстных, так и насильственных преступлений, а также сексуальных — насильственных и ненасильственных.

Корыстные преступления могут совершаться ради того, чтобы, приобретя имущественные блага, упрочив свое материальное положение, укрепив свой социальный статус и добившись признания со стороны окружающих, в первую очередь самоутвердиться и защитить себя от враждебных проявлений социальной среды. Корыстные преступления часто совершаются под влиянием антиобщественного микроокружения, при том, что сам виновный не стремится обогатиться незаконным путем. Он в таких ситуациях подчиняется малой социальной группе, хочет завоевать ее признание и доверие или сохранить свой статус в ней, поскольку его утрата может восприниматься им как личная катастрофа. Конечно, корыстные преступления нередко совершаются в силу материальной нужды, иногда острой угрозы голода, но эти неблагоприятные условия, как правило, связаны с социальными конфликтами, войнами, безработицей, злоупотреблением государством и иными причинами общественного характера. Корыстные посягательства имеют место со стороны отчужденных личностей, бродяг и бездомных, обычно страдающих различными психическими аномалиями и прежде всего алкоголизмом. Но само их отчуждение носит социальный характер. Таковыми по происхождению могут быть и их болезни.

Корыстные установки реализуются и с помощью насилия. Проявляемая при этом жестокость может выступать в качестве мести окружающему миру за собственные неудачи, бедность, неустроенность, обделенность благами и т.д. Как установлено нашими эмпирическими изысканиями, агрессивные преступления, в том числе убийства, часто детерминируются ощущением угрозы со стороны других людей, причем на самом деле реальной опасности может совсем и не быть.

Почему личность испытывает неприязнь и вражду к лицам, достигшим каких-то успехов или положения в обществе?

Конечно, одних эти успехи и достижения совсем не взволнуют, других — лишь отчасти, а третьи — именно нас они и интересуют — чувствуют острую и непроходящую зависть, беспокойство и неуверенность в себе и своем существовании, поскольку не они владеют вожеленными ценностями. Вот если бы эти ценности были в их руках, тревожность и беспокойство значительно снизились бы или вообще исчезли, они перестали бы ощущать эту травмирующую угрозу своему бытию, неясный и глубоко лежащий страх за себя. Но такие надежды напрасны, поскольку повышенная тревожность, как фундаментальная черта их личности, вновь будет порождать зависть, ревность и страх. Да, страх, как желание удержать достигнутое и одному наслаждаться им, пользоваться вниманием, расположением и приятностью другого лица. Поэтому ревность и зависть можно понимать как вид страха при стремлении обладать какой-то ценностью и удержать ее. Ревность всегда питается боязнью потери этой ценности, причем для ее возникновения не имеет значения, вызвано это чувство действительными или ложными причинами.

Как мы видим, не сама ревность или зависть являются мотивом поведения, а то, что лежит в их глубине и их в определенной мере порождает, — стремление утвердить себя, подтвердить свое социальное бытие путем овладения новыми благами, которые есть у других. Этот мотив может порождать имущественные преступления, особенно кражи. В еще большей степени он характерен для преступных действий, в которых четко проявляется насилие, прежде всего для грабежей, разбоев и вымогательств. Можно полагать, что здесь насилие выступает в качестве инструмента мести тому, кто демонстрировал до этого несостоятельность, незначительность, несущественность виновного, поскольку не он, а «обладатель» имел ту самую ценность и распоряжался ею. Тем самым преступник утверждает себя, и в первую очередь в собственных глазах.

Такой мотив имеет гораздо большее распространение при совершении преступлений, чем нам представляется. Очевидно, что его достаточно часто можно обнаружить в уголовно наказуемых действиях молодых людей, завидую-

ших чужому достатку, общественному положению или признанию тех, кто имеет престижную одежду, автомобиль, мотоцикл или магнитофон либо пользуется расположением девушек и т.д. Именно этим во многом можно объяснить особую жестокость, цинизм и разрушительность действий преступников при совершении некоторых разбойных нападений, когда, например, потерпевший подвергается бессмысленному избиению, уничтожаются его вещи и т.д.

Еще одна личностная черта преступников — особое отношение к смерти. Человек во все времена боялся смерти — скрыто или явно, бессознательно или вполне рационально, пытаясь проникнуть в ее суть и по возможности отсрочить ее наступление. Чаще всего смерть связывается с богами, божьим промыслом, другими сверхъестественными персонажами, с потусторонним миром. Для собственного утешения человек изобрел понятие души, которая после смерти якобы продолжает его жизнь, что призвано уменьшить страх перед неизбежным финалом. Смерть ощущается в качестве могущественной, неотвратимой, непобедимой опасности, перед которой он абсолютно бессилен, поэтому его страх перед ней способен перерасти в панику и ужас. Страх перед ней тем более велик и всеобъемлющ, что она принципиально непознаваема, хотя о ней могут быть высказаны самые мудрые идеи и мысли. Но страх смерти по своей этической природе нейтрален, поскольку может подвигнуть и на великое творчество, и на черную низость.

Криминогенное значение ощущения и переживания своей смерти может заключаться в следующем:

— конкретные люди могут ощущать угрозу для жизни, поэтому агрессивные действия носят характер защиты от их возможных нападений. Иногда страх перед такими людьми имеет паранойяльный характер;

— убийства могут совершаться, чтобы снять или хотя бы уменьшить страх смерти, сделав ее близкой, понятной и логичной. Если она исходит из твоих рук, если ты простой смертный, способен причинить ее, значит, она не так страшна, тем более, что все религии на протяжении тысячелетий готовили к ней;

— смерть другого позволяет понять разницу между жизнью и смертью, разделяющую их грань, а, следовательно, лучше понять последнюю и уменьшить страх перед ней;

— человек, могущий причинить другому смерть, самоутверждается, подтверждает свое «Я», свое могущество. Если он причинитель смерти, значит, он в какой-то мере распоряжается, владеет ею, а это тоже способно уменьшить страх перед ней.

Из числа преступников в наиболее близкие отношения со смертью вступают некрофильские личности, которых влечет к себе смерть как некое великое таинство, как нечто, с помощью которого можно решить свои субъективные и общесоциальные проблемы. В их числе сексуальные и корыстные убийцы, террористы, лица, совершившие несколько убийств, преступные диктаторы и т.д. У некрофилов раздвоен жизненный опыт, они живут сразу в двух мирах: в этом и в небытии. У них нет удовлетворительной связи с обществом, а иногда при наличии психических расстройств — и с самим собой. Уход в небытие, особенно если он совершается с помощью убийства (хотя это и не единственный способ), показывает, что их личность находится в постоянном бегстве от обычной реальности, которую они оценивают в качестве неприемлемой. В результате многие из них ведут неполноценное существование, характеризующееся одиночеством и чувством изолированности. Отношение некрофильских личностей к смерти играет исключительную роль в их преступном поведении, в частности, надо особо выделить страх перед ней, который, как показывают конкретные исследования, начинает формироваться в детстве в результате эмоционального отвергания ребенка родителями, в первую очередь матерью, т.е. в период, когда он особенно нуждается в защите. Ее отсутствие рождает постоянно растущую тревожность и страхи, которые носят спонтанный, смутный, размытый характер боязни всего, и в особо неблагоприятных случаях достигают страха смерти. Вместе с тем я хотел бы особо подчеркнуть, что названный страх не является единственной причиной некрофильского убийства, а не какого-нибудь другого. В качестве такой причины выступает сама природа некрофильского преступника, в которой

страх смерти занимает заметное место. Ведущей чертой его природы является особая близость к смерти и постоянное влечение к ней. Я хотел бы высказать такое внешне противоречивое суждение: необычайная близость смерти и особое отношение к ней включает в себя и страх смерти, который переплетается и постоянно взаимодействует с влечением к ней. Влечение и страх составляют единое целое, которое должно стать предметом специально научного анализа.

Один из парадоксов влечения к смерти состоит в том, что конкретный человек может не только стремиться к ней, но и одновременно бояться ее. Можно сказать, что у таких людей складывается к ней двойственное, амбивалентное отношение типа «тяготения-отвергания». Я думаю, что это свойственно многим некрофилам, в том числе державным. Они боялись смерти, поэтому везде видели врагов, были мнительны, подозрительны, злопамятны и очень жестоки, в то время как истинные некрофилы стремились к ней, превращая все живое в мертвое. Уничтожая других, человек тем самым подавляет в себе страх смерти, поскольку делает ее понятной и близкой, а себя начинает ощущать могучим вершителем чужих жизней. Это неизбежно снижает свойственную подобным людям неуверенность в себе и высокую тревожность, отодвигая смерть, а точнее предошущение ее подале от себя, куда-то в неведомую даль.

Для некрофильских убийц отношение к смерти может выступать результатом глобального личностного изменения в самом себе, в ощущении, кем они являются. Но это не радостное прозрение, смерть превращается для них в пугающего врага, в роковую катастрофу.

Один из некрофильских убийц, которого я обследовал, сказал в беседе со мной, что рождение и есть смерть. От подобных лиц я не один раз слышал, что рождение опасно уже потому, что младенец покидает безопасную материнскую утробу и попадает в неведомый и враждебный мир. Однако дело не только в безопасности материнского лона, и желание вернуться туда больше похоже на реакцию вследствие неудачно прожитой жизни с ее страхами и угрозами. В субъективном представлении о сходстве рождения со смертью есть еще и глубокий и незаживающий след прохож-

дения рождающимся через все родовые пути, которые, как пишет С. Гроф, таят для него смертельные опасности. Травмы в момент рождения (переломы, наложение щипцов) либо кесарево сечение символически могут означать, что ребенку не дают возможности выйти в эту жизнь, что оставляет в его психике негативный бессознательный след.

Мотив смерти для некрофильских личностей постоянен, но особенно остро он дает о себе знать в периоды их критических состояний. Этот мотив очерчен ощущением самого себя, своего окружения, самой жизни и ее завершения. Такие ощущения весьма субъективны, они могут грубо исказить и самого человека и среду, но для него они таковы, каковыми он их видит, и вполне реальны.

Я полагаю, что знание, предчувствие, предощущение неизбежной кончины и страх перед ней стали одним из начал духовной жизни, попыток осмысления и поисков ее смысла, источником трудовой и творческой активности, первопричиной полнокровного наслаждения земными радостями и в то же время преступного поведения. Жизнь предстала перед человеком во всем своем богатстве и разнообразии и по причине сопоставления со смертью, причем даже при наличии веры в загробную жизнь. Эта вера, даже самая искренняя, имела один весьма существенный изъян — в темных глубинах психики все-таки оставались сомнения в возможности такой жизни. Страх был всеобъемлющ и в том смысле, что смерть настигла не только человека, но и все остальное живое.

Страх смерти — это отношение, наследуемое всеми. Никто и ничто не убережет человека от этого страха. Он с ним родился и с ним умрет. Он всегда будет бежать от смерти, как животное от лесного пожара. У отдельного человека он возникает еще в утробе матери, хотя ее лоно — самое защищенное место на свете. Но и его защищенность относительна, поскольку мать может быть жертвой насилия или болезней.

Страх смерти положил начало религиозной жизни, ибо древний человек, что вполне для него естественно, предположил, что она наступает по воле высших сил. В эпоху господства магии человек полагал, что он способен руководить

миром и, зная его правила, в дневном не очень сложные, но открытые лишь особо посвященным, может изменять его. Однако глубокие раздумья, в первую очередь по поводу смерти, привели к тому, что он, страшаясь ее, пришел к выводу, что она посылается тем, кого он назвал Богом или богами. То, что они бессмертны, точно отражает общечеловеческий страх перед смертью, поскольку человек спроецировал на них свое неистребимое желание жить вечно. Вера в Бога всегда была связана с верой в загробную жизнь, которая в свою очередь покоится на страхе смерти. Таким образом, и с этой стороны духовность опирается на тот же страх. «И сотрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет: ибо прежнее прошло» (Откр., 21-4). Если бы такое сбылось, человечество перестало бы быть человечеством, но скольких людей утешили эти замечательные слова и сколько страданий они сняли, вселив великую надежду.

Примечания

¹Фромм Э. Иметь или быть? М, 1990. С. 263.

²Фромм Э. Бегство от свободы. Минск, 2004. С. 47.

ПОНИМАНИЕ ПРЕСТУПНОГО

Е.Б. КУРГУЗКИНА

Представления человека о преступном начали складываться еще в глубокой древности.

Процесс познания преступного условно можно разделить на научную деятельность, связанную с накоплением знания в период становления криминологии, и на исследования, связанные с изменением конституирующих криминологию ценностей и норм.

Возникновение и развитие осмысления преступного представляет собой переход от донаучных представлений к научным. В каждый исторический период достигался определенный уровень осмысления преступного. Хотя криминология не во все периоды осознавалась как наука, даже сам термин появился позже, но все же многие рассуждения, исследования, умозаключения и выводы касались ее будущих институтов.

Предлагаем выделить следующие периоды развития понимания преступного: **I.** Архаический. **II.** Мифологический. **III.** Протонаучный. **IV.** Собственно научный.

Отправным пунктом архаического периода можно считать взгляды и представления первобытного человека – основой существования его являлись инстинктивные потребности в выживании как каждого индивида в отдельности, так и вида в целом. Выживание же возможно только при наличии достаточного питания и воспроизводства генетически здорового потомства. Формирование у людей зачатков социальных норм происходит спонтанно и перманентно из бессознательных индивидуальных и групповых инстинктов, запретов и простых правил. Причем правила и запреты складывались строгие, жесткие и напряженные. Многие подобные запреты выполнялись вынужденно с помощью силы или такой мотивации, которой древнейшие люди не могли противостоять.

З. Фрейд, исследуя тотем и табу аборигенов Австралии, отмечал достаточно примитивный образ жизни этих народов. У аборигенов существует система тотемизма. Австра-

лийские племена делятся на семьи, каждая из которых носит имя своего тотема. Тотем — это растение, животное или сила природы (дождь, вода), находящийся в определенном отношении ко всей семье. Тотем признается прародителем семьи, хранителем и помощником ее. Члены общего тотема связаны священным обязательством не убивать, не есть мяса своего тотема. Среди племен, основанных на тотемизме, существует правило, что члены одного и того же тотема не должны вступать друг с другом в половые отношения, а, следовательно, не могут вступать между собой в брак.

Выработка традиционных правил поведения имела целью оградить племена от опасных для выживания деяний. Такого рода правила можно условно назвать законом в антропологическом смысле. Требования такого закона характеризуются тем, что они воспринимаются и понимаются как обязанности одних и правомерные притязания других людей. Механизм действия закона основан на взаимной зависимости и проявляется в равновесной последовательности взаимных услуг, а также в сочетании выдвигаемых участниками всей совокупности взаимодействий требования.

Специфических правовых институтов по реализации первобытного закона не существует. Главная функция такого закона заключается в обуздывании некоторых естественных склонностей человека, торможении и контроле проявления инстинктов, в создании принудительных ограничений поступков, т.е. в обеспечении коммуникации, опирающейся на взаимные уступки и жертвования для общей цели. Достигается это иным путем, нежели врожденные спонтанные психические произвольные способности подчиняться требованиям, которые абориген скорее склонен обойти или осознанно нарушить.

С пониманием преступного тесно связано в первобытном обществе определение «табу». Табу представляет собой совокупность негативных предписаний. Они не могут сводиться ни к религиозным заповедям, ни к требованиям морали, поскольку запреты табу лишены обоснования. Доисторический человек был уверен, что если поступит запрещенным образом, то это повлечет определенные неблагоприятные последствия.

Соответственно, если таковые последствия для него нежелательны или опасны, то он старался воздержаться от подобных деяний, что объясняется заблуждениями (своеобразным первобытным мировоззрением) в отношении развития причинно-следственных связей. Вредные для него, по его мнению, деяния первобытный человек табуирует. Отличие табу от других запретов состоит в том, что возможные опасные последствия при табуировании являются мнимыми, а при моральных – реальными.

Самыми многочисленными и существенными из соблюдаемых дикарями табу являлись запреты на употребление определенных видов пищи. Многие из таких запретов основываются на законах подобия, поскольку древний человек боялся приобрести присущие этим животным и растениям свойства, которыми, по его мнению, они могут его наделить¹.

Нарушенное табу мстит за себя само. В ряде случаев, вследствие развития понятия запретного-преступного, общество само берет на себя право наказания лица, преступление которого навлекло опасность и на окружающих. Мало того, кто преступил табу, сам становился табу. Источником табу считается собственная магическая сила, имеющаяся в людях и духах, которая от них могла быть перенесена при помощи неодушевленных предметов.

Нарушение табу, даже по неведению, само собой влечет жесточайшее наказание. Преступник, съев мясо запрещенного животного по неведению, впадал в глубокую депрессию, ждал смерти и затем, в самом деле, умирал, настолько велика была сила самоубеждения.

Объясняя табу, можно допустить, что это очень древние запреты, насильственно навязанные этому поколению предыдущим. Относились запреты к деятельности, к которой имелась большая склонность. Со временем они перешли в область коллективных бессознательных необъяснимых страхов. Но из того факта, что табу удерживалось и у примитивных народов дожило до наших дней, следует, что первоначальное наслаждение от совершения запретных действий, существует у народностей, соблюдающих табу.

У них, по мнению З. Фрейда, имеется амбивалентная направленность к запретам табу: в бессознательном им боль-

ше всего хотелось нарушить их, но они в то же время боятся этого; они потому именно боятся, что желают этого, и страх у них сильнее, чем стремление к наслаждению.

Основные древние запреты табу составляют два главных закона тотемизма: не убивать животного тотема и избегать сексуальных связей с соплеменником по тотему другого пола. Оба, думается, представляют собой самые древние и сильные соблазны людей. Как бы мы не классифицировали табу, суть можно свести к тому, что они основываются на запрещенном действии, к совершению которого в бессознательном имеется сильное стремление. Опасное свойство, присущее всему разнообразию табу, можно определить как способность раздражить амбивалентность человека и будить в нем искушение преступить запрет. Поэтому дикарь, нарушивший табу, сам становится табу, поскольку приобретает опасное свойство вводить других в искушение следовать его примеру, вызывает желание подражать.

Однако туземцу не надо и нарушать табу для приобретения статуса «табу» постоянно или временно, если он находится в состоянии, способном будить запретные желания, вызывая амбивалентный конфликт. Так, вождь вызывает зависть своими преимуществами. Мертвец, новорожденный, женщина в своих физиологически-болезненных состояниях привлекают особой беспомощностью; только что созревший в половой отношении член племени — новыми наслаждениями. Для общества опасность заключается в возможности подражания, могущего, с их точки зрения, привести к разрушению их социума. Если бы других не наказывали за преступление, то они должны были бы открыть в себе тоже желание, что и у преступников².

Человек по своей биологической природе сравнительно безобидное и всеядное существо. У него нет естественного орудия, принадлежащего телу, которым он мог бы убить крупное животное. Поэтому у человека нет тех в достаточной степени развитых механизмов безопасности, возникших в процессе эволюции, которые удерживают хищных животных от применения естественного оружия в виде клыков и когтей против сородичей.

Очевидно, что в предыстории человекоподобные высоко развитые механизмы для предотвращения внезапного убийства были не нужны, поскольку такое убийство было попросту невозможно. Нападающий древнейший человек мог только царапать, кусать или душить. Жертва в этом случае имела достаточную возможность обратиться к тормозам агрессивности нападающего жестами покорности и испуганным криком. На слабо вооруженных животных, к которым относился и гуманоид, не действовало селекционное давление, которое могло бы вызвать к жизни те сильные и надежные запреты применять оружие, необходимые для выживания видов, обладающих подобным природным оружием. После изобретения искусственного оружия открылись новые возможности лишения жизни для дикарей. Из-за этого прежнее равновесие между сравнительно слабыми запретами агрессии и таким же слабыми возможностями убийства оказалось нарушенным.

Переход предка человека от бессознательной инстинктивной фазы филогенеза к абстрактному мышлению привел его к созданию первых примитивных орудий, в том числе и к зажатою в руке камню. На основании археологических находок на стоянках синатропа доказано, что эти орудия были употреблены для того, чтобы убивать и жарить представителей своего вида. Абстрактное мышление дало человеку господство над всем вневидовым окружением и тем самым спустило с цепи внутривидовой отбор, признаком которого стала гипертрофированная агрессивность. Такая агрессивность генетически присуща человеку и, подавляясь социокультурными рамками и накапливаясь, при подходящих внешних или внутренних условиях спонтанно может прорываться. Объяснить такой прорыв можно потребностями биологической природы человека в действии инстинкта агрессии, как заложенного природой регулятора и средства выживания и воспроизводства вида. Фактором разумного сдерживания агрессивности является вырастающее из развивающегося абстрактного мышления в ходе филогенеза чувство ответственности. Однако чувство ответственности развивалось и совершенствовалось постепенно и на ранних этапах существования гуманоида проявлялось очень

незначительно. Подтверждение этому можно увидеть, наблюдая этапы филогенеза в онтогенезе отдельного человеческого существа. У детей в возрасте 2 – 11 лет с разной степенью интенсивности в зависимости от возраста и пола, видимо, как и у первобытного человека, впервые взявший в руки камень, отсутствует инстинктивный или моральный запрет на такие действия, как, например, изо всей силы бить друг друга по голове тяжелыми предметами или кусаться.

Наши наблюдения подтверждаются такими же наблюдениями других исследователей³.

Причем ровесники и младшие дети подвергаются агрессии чаще, чем дети старшего возраста.

У человека нереализованные агрессивные побуждения постоянно ищут выплеска и, если не давать им общественно полезного действия, то они могут проявляться в совершении негативно-насильственных действий в отношении других людей, их интересов.

В понимании преступного агрессия и насилие играют немаловажную роль, но лишь в определенном ракурсе. В большей мере с преступным соотносится жестокость. Схожесть между агрессией и жестокостью заключается в том, что оба явления могут носить как индивидуальный, так и групповой характер, они всегда направлены на причинение физического, психологического, нравственного или иного ущерба кому-либо. В отличие от насилия и агрессии жестокость всегда аморальна, поскольку она представляет собой агрессивное поведение, связанное с субъективным получением удовлетворения от самого процесса страданий себе подобного или иного живого существа. Многие проявления насильственной жестокости составляют определенную часть тех опасных для существования человеческого общества деяний, которые составляют *ядро* преступного. Первые осознанные проявления чувства ответственности были связаны с формированием запрета именно на подобные деяния. Это могли быть запреты на убийство соплеменников и поощрения умерщвления членов других тотемов или – в целом запрет на действия, приносящие страдания. Но в той или иной мере жестокость – в любые времена в той или иной степени – была табуирована.

Если первоначальное формирование понимания преступного в социуме связывалось с внешним пониманием, как вреда и опасности физического существования человека, то с развитием и совершенствованием духовного мира, утончением и многообразием психологических связей и взаимозависимостей понимание и осознание вреда меняется и определенной частью сливается с пониманием греха.

Грех можно рассматривать как внутреннее интимное переживание, связанное с отрицанием мирового смысла, в отпадении от него и в кошунственном над ним издевательстве⁴.

При этом мы имеем в виду не религиозное понимание греховности, а общечеловеческое духовное надкультурное. В целом же понимание греха своим происхождением тесным образом связано с религией. Понимание греховного изначально связывалось с обособлением личности от бога. Отделение человека от бога, его самостоятельность проявляются в свободе. Доказательством этой свободы является факт греха, т.е. возможность индивида поступать по своей воле вопреки божественным указаниям. В свете этого основой преступного является злая деятельная воля человека. Ответственность за зло в мире, по мысли Е.Н. Трубецкого, падает не на бога, а на грешную тварь и, прежде всего, на человека как на вершину творения⁵. Но по христианской теодицеи одна личность не может отвечать за свои дела и мысли, поскольку причинно-следственная связь начинается с онтогенезом. Ее же мыслят в филогенезе, она предшествует конкретному существу. Все, что делает индивид, он не начинает, а продолжает то, что делалось до него. Наследственность греха связана с признанием христианского учения о первородном грехе. Адам не только «первый» грешник, но и родоначальник всей греховной природы человека. «Как преступлением одного всем человекам осуждение, так и правдою одного всем человекам оправдание к жизни, ибо как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие» (Послание к Римлянам. V, 18, 19).

С развитием общества развился один из элементов понимания преступного — понятие греха как нарушение аб-

солютно благой и всеправедной воли божества. Христианство признало, что внешнее действие — только оболочка, способ проявления момента внутренней, душевной жизни человека. В этом смысле внешние действия должны были отступить на задний план, а на первый план выступали внутренние душевные движения, вызвавшие эти действия. Понятие греха в таком его содержании вполне охватило и область преступного.

В свете этой идеи автор XIII в. Андрей Хорн делит все преступления, по типу грехов, на неотпускаемые — смертные, и отпускаемые. За первые полагается смерть, за вторые — прочие наказания⁶.

Стремление понять сущность преступного связано, прежде всего, с тем, что в уголовном праве криминализация и декриминализация деяний при всем стремлении к наибольшей объективности все же не может быть свободна от волюнтаристского подхода тех, кто непосредственно занимается законотворчеством. Кроме того, не исключены случаи намеренной криминализации деяний, которые, не являясь общественно-опасными, считаются таковыми только для узкого круга власть предержащих в защиту нарушения ими общественных интересов. Поэтому постижение подлинно преступного не может в полной мере лежать в рамках юридической науки и должно выходить за ее пределы. Гегель отмечал, что юридическая наука, как наука о позитивном праве, занимается не смыслом права, а соответственно и не смыслом преступного, а тем, что в данном месте и в данное время соответствующим властно-авторитетным образом установлено (позитивировано) как закон. Уголовное право, как юридическая наука, следовательно, в своем подходе к пониманию преступного исходит не из разума, а из авторитета, т.е. властного установления. Тем самым, указывает Гегель, позитивная наука о праве есть историческая наука, принципом которой является авторитет. Все остальное — дело рассудка и касается внешнего порядка, сопоставления, последовательности, дальнейшего применения и т.п.⁷

Преступное, являясь частью общественной жизни и общественного духа, не может не находить отражения и

выражения в культуре. Культура, в свою очередь, вносит определенный вклад в объяснение и понимание исследуемого социально-негативного явления с точки зрения этических, эстетических взглядов социума. Преступное как воплощение зла неоднократно привлекало внимание писателей, драматургов, художников, скульпторов. Видимо, в противоборстве добра и зла, позитивного и негативного представители искусства пытались осознать движущие начала деятельности человека, с культурологической точки зрения объясняли сущность преступного.

Преступное как воплощение зла существует в культуре людей. В противоборстве добра и зла, позитивного и негативного человек пытается осознать движущие начала деятельности, сущность преступного.

Понимание преступного в культуре происходит в художественном исследовании антиподов. Так, категория прекрасного не может быть понята без сравнения с понятием ужасного. Ужасное рассматривается как отражение неопределенной дисгармонии между человеком и миром. Социальные явления этого порядка выступают как грозные и разрушительные силы.

Ужасное не может освободить человека от страдания. Оно не может быть возвышено, так как в нем нет потенциальных возможностей преодолеть объективно существующую дисгармонию. Считать ли преступлением, например, убийство одного человека во спасение жизни многих? Зачастую этот вопрос решается положительно. По-другому смотрел на эту проблему Ф.И. Достоевский, полагая, что даже одну слезу ребенка нельзя оправдать совершенством и красотой будущей жизни, спасением жизни других людей.

Объективно-социальное содержание преступного прослеживается и в категории трагического. Преступное в эстетическом смысле выступает как социальная дисгармония, преодолеваемая в перспективе силами добра. Дисгармония, проявляющаяся через преступное и в преступном, представляет собой борьбу непримиримых общественных сил, существующих как «трагическая коллизия между исторически необходимым требованием и практической невозможностью его осуществления»⁸. Иными словами, это конфликт

между актуализированными потребностями и ограниченными возможностями их осуществления.

Преступное в эстетическом плане можно рассматривать как «гибель совершенства, победу несовершенства над совершенством»⁹. В этом смысле интересен еще один аспект преступного, связанный с трагическим отношением человека с природой, в результате чего нарушается гармония природных явлений и процессов, ведущих к загрязнению окружающей среды, экологическим катастрофам, массовой гибели фауны и флоры.

В категории трагического преступное выражается в различных формах конфликта, отражающего непримиримые противоречия социальной жизни¹⁰.

Развитие и усложнение общественных отношений неизбежно приводит и к усложнению интеллектуальной деятельности, углублению осмысления различных категорий, в том числе и преступного. Преступное рассматривалось как причина зла и как всеобщее зло. Но такая позиция не может нами признаваться абсолютно верной, поскольку не любое зло содержит в себе потенцию угрозы биологическому и (или) духовному существованию индивида и группы. Так, Гегель рассматривал преступление в виде нарушения права как права. А право, по Гегелю, гласит: будь лицом и уважай других в качестве лиц¹¹. Абсолютное право – это лишь осознание правоспособности. Такое осознание в качестве элемента понятия права нацелено на реализацию и объективизацию абстрактно содержащихся в нем конкретных определений права и свободы, но не является еще ни одним из них¹².

Вот это нарушение права как права, по Гегелю, должно быть снято. Снятие преступления происходит посредством наказания, как средства восстановления нарушенного права и как права преступника, заложенного в его деянии как поступке свободной личности. Снятие преступления через наказание, по мнению Гегеля, приводит к морали, т.е. воля начинает обладать наличным бытием в самой себе. Для абстрактного права безразличны внутренний принцип и намерения лица. Только на этапе морали приобретают значение самоопределение, мотивы, умысел и цели поступков

субъекта. Требование субъективной свободы состоит в том, чтобы о человеке судили по его самоопределению. «Ценность человека определяется его внутренним побуждением, и тем самым точка зрения моральности есть для себя сушая свобода»¹³. Однако только в поступке субъективная воля достигает объективности и сферы действия закона; сама же по себе моральная воля ненаказуема¹⁴. Моральная совесть определяет личность и ее представление о добре должно соответствовать идее совести и действительному добру. Определить такое соответствие возможно, по Гегелю, через основоположения государства. Право и долг как в-себе-и-для-себя разумное и нравственное не есть особенное усмотрение отдельного индивида, а необходимо содержатся в законах государства, которым должна подчиняться совесть, чтобы не впасть в безнравственное преступное субъективное ведение. Приоритет отдается нравственному государству как носителю истины перед моральным субъектом, как носителем собственного мнения.

В выводах Гегеля просматривается определенная идеалистическая фигура. Поскольку все исторические эпохи дают примеры государств, которые не удовлетворяли и не удовлетворяют в своих правовых нормах идее преступного и не преступного с точки зрения всеобщего блага, добра и справедливости, он делал попытку выйти из этого противоречия. «Лишь во времена, когда действительность представляет собой пустое, бездуховное и лишенное устоев существование, индивиду может быть дозволено бежать от действительности и отступать в область внутренней душевной жизни»¹⁵.

Но как в таких случаях трактовать преступное, Гегель не определяют. Каким образом соотносить нравственность мотива, цели и средств ее достижения? В свете познания преступного тезис о нравственности того средства, которое необходимо и достаточно для достижения нравственной цели¹⁶, по меньшей мере, несостоятелен. Если проанализировать соотношение мотива и реального последствия морального выбора, то прослеживается явное их несоответствие.

Мотив можно рассматривать как осознанное или неосознанное побуждение. Цель является конечным результа-

том реализации мотива. Преступное существует и проявляется не только через безнравственный мотив, но и через нравственный. Объясняется данный феномен тем, что нравственные мотивы могут вызвать как полезные, так и вредные последствия; аморальные мотивы – привести к тем же результатам. Преступное в рамках права государства может определяться в любом из вариантов сочетания мотивов и последствий. В отвлеченном понимании, думается, преступное существует только в вариантах «нравственный мотив – вредные последствия», «аморальный мотив – вредные последствия», при условии выбора безнравственных средств, приведших к таким последствиям, представляющих высокую степень опасности для социума. Однако данная схема достаточно упрощена.

С точки зрения филогенеза, потеря личностью своего «Я» является нежелательной, поэтому человек любым путем в любой форме хочет быть признанным обществом, замеченным, даже путем приобретения «славы Герострата». Такое стремление существует в бессознательном и подсознательном и передается по наследству. Это позволяет делать вывод о том, что на хромосомном уровне находится информация об инстинктах наших далеких предков. А известно, что инстинкт является врожденной особенностью образа действия¹⁷.

Инстинкт определяет стратегию деяния, а сознание регулирует тактику. Однако неверно считать инстинкт мотивом поведения. В.К. Вилюнас верно отмечает, что в «мотивационном аспекте инстинкт можно охарактеризовать как унаследованный механизм удовлетворения потребностей, специфика которого состоит в побуждении индивида к совершению ряда частных действий без отражения общей их направленности, контроль за которой превышает приспособительные возможности психики на ранних этапах ее развития»¹⁸. То есть отождествлять инстинкт с мотивом недопустимо, так как инстинкт представляет собой только одну из граней мотивационной сферы бессознательного.

Через психику криминогенной личности проходят как приятные, так и неприятные эмоции. В усвоенном индивидуумом части коллективного бессознательного скапливаются

неприемлемые влечения, негативные раздражители, тягостные эмоции. Именно эта часть бессознательного при определенных условиях запускается в сознании, целенаправленно определяя преступную активность.

Исследования российских психофизиологов показали, что бессознательная и подсознательная часть психики личности существует в подкорке, где сосредоточен основной массив опыта вида и рода, т.е. филогенетической информации¹⁹.

Следующий аспект связан с тем, что бессознательное является важной и в некоторых случаях ведущей, но все же не единственной сферой функционирования мотивов. В одном и том же мотивационном процессе на разных уровнях психического, как правило, одновременно могут действовать и действуют осознанные и бессознательные стимулирующие смыслы. Лежащие ближе к поверхности слои мотива, непосредственно побуждающие к преступлению, вполне осознаются субъектом. Параллельно действуют и иные, бессознательные слои, которые находятся глубже, заключают в себе личностный смысл, но они не полностью или вообще не охватываются сознанием.

Эта комплексная закономерная структура мотивации не ставит под сомнение возможность уголовной ответственности лиц, совершающих преступления. Объяснение данному факту можно найти в том, что даже если глубинные мотивы преступного в большей степени являются бессознательными, запретный способ совершения преступления осознается всегда. Человек наказывается не за то, что он не знал мотивов своего деяния, а за то, что знал запрет, но нарушил его.

Еще одна сторона понимания мотивов преступного нами связывается с полимотивированностью, т.е. с одновременным существованием нескольких мотивов, равновеликих или находящихся в иерархической соподчиненности. Личностное значение и субъективный смысл имеют те из мотивов, стимулирующих поведение, которые рядом ученых называются ведущими²⁰. Но и ведущих мотивов может быть несколько, например, мотив самоутверждения и мотив удовлетворения половой потребности при изнасилова-

нии, которые обычно взаимодополняют и усиливают друг друга, придавая деянию повышенную степень общественной опасности. Совокупность ведущих мотивов (а не мотивов вообще, как утверждают некоторые авторы) можно считать ядром преступного поведения. Все остальные мотивы по степени значимости для субъекта, как концентрические круги по воде, отступают к периферическим сферам.

Однако следует учитывать, что нередко одновременно существуют противостоящие и взаимоисключающие мотивы, которые борются между собой; от того, какие мотивы побеждают и становятся центром личности, зависит характер поведения преступного или законопослушного²¹.

Говоря о проявлениях мотивов преступного, необходимо отметить, что мотивы не представляют собой нечто застывшее и неизменное. Это – не установившаяся константа, существующая постоянно, независимо от внешних ситуаций и внутренних перемен личности. Возникновение мотивов криминального поведения не останавливает развитие мотивационной сферы. В ходе подготовки к преступлению и его совершения первоначальные побуждения, установки, потребности, цели и т.д. могут существенно или незначительно меняться в смысловом и содержательном отношении в зависимости от степени взаимодействия личности с конкретной ситуацией.

Кроме того, как отмечает В.В. Лунеев, изменения мотивации уголовно-противоправного поведения отражают управляемые и стихийные, позитивные и негативные, личностные и средовые, ситуативные и исторические, а также иные криминологически значимые изменения²².

Как правило, мотивация преступного формируется на основе одного или нескольких взаимосвязанных по направленности побуждений. Изменение и развитие мотивации в таких случаях может сводиться к уточнению и опредмечиванию ведущего мотива или перемещению центральной роли от одного мотива к другому. Причем, мотивация предумышленного преступления менее изменчива, чем мотивация уголовно-противоправного деяния, совершаемого по случайным побуждениям. Динамику изменения мотивации можно проследить на процессе сублимации. В тех случаях,

когда осознанно или неосознанно цель становится недостижимой, она нередко может заменяться иной, более доступной. Это дает лицу возможность снять нервно-психическое напряжение, купировать тревожность и страх.

Известно, что по одним и тем же мотивам совершаются и преступления, и общественно полезные деяния. Связано это с тем, что мотивы сами по себе не являются преступными. Так как оценка мотива зависит не от его умозрительного содержания, а оттого, каким образом он воплощается в действительность. В уголовном праве это выражается концепцией «за мысли не судят». Именно деяния оцениваются как преступные или непроступные, а не их побуждающие основы. Связано это с тем, что любой самый аномальный гипертрофированный мотив содержит только потенцию преступления. Личность всегда стоит перед выбором возможных путей осуществления мотивов. Например, мотив корысти может заставить личность усердно трудиться, копить деньги либо совершать административные проступки в виде мелких хищений (ст. 7.27 КоАП РФ), уничтожения или повреждения чужого имущества (ст. 7.17 КоАП РФ), аморальные действия, либо совершать кражи, вымогательства, мошенничества, незаконные банковские операции и т.д.

В свете этого можно говорить только об относительной антисоциальной направленности мотивов преступного, оценивая соотношения мотивов индивида с присущими данному социуму на определенном этапе исторического развития нормами общественных отношений.

Мотивы поведения основываются на потребностях, побуждениях, целях, установках и т.п.; но если говорить о мотивах преступного поведения, то они связаны, по нашему мнению, с выбором общественно опасного способа реализации составляющих мотивов целей, установок, побуждений и прочее, а также нравственной направленностью личности. Поэтому мотив преступного – это внутренний смысл деятельности криминогенной личности: осознаваемый, частично осознаваемый или (и) бессознательный, приводящий к принятию решения о применении социально опасных средств или делающий приемлемым обществен-

но неприемлемый способ удовлетворения материальных, физиологических и (или) духовных потребностей.

Рассматривая преступное как особенное, поскольку оно в себя вмещает и воспроизводит абсолютное, можно рассматривать его как категорию для обозначения социальных отношений, существенно опасных (реально как в смысле объективном, так и в субъективном восприятии) для общностей людей и человека, а также для самоидентичности личности.

Разумеется, данная трактовка преступного не претендует на всеобъемлемость и рассматривается нами как одна из возможных, требующих, вероятно, уточнения и углубления при решении поставленной проблемы.

Примечания

¹ См.: Фрэнгер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 29, 40.

² См.: Фрейд З. Тотем и табу. М., 1988. С. 38 – 57.

³ См.: Лоренц К. Агрессия. М., 1994. С. 243; Антонян Ю.М. Жестокость в нашей жизни М., 1995. С. 14 и др.

⁴ См.: Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 2003. С. 138.

⁵ См. там же. С. 253.

⁶ Цит. по: Дриль Д.А. Уголовное право. СПб., 1909. С. 93.

⁷ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 2007. С. 283.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 31 – 32.

⁹ Шестаков В.П. Гармония как эстетическая категория. М., 1973. С. 225.

¹⁰ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Т. 20. С.23 – 32, 53.

¹¹ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 132.

¹² См.: Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля. М., 1998. С. 56.

¹³ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 165.

¹⁴ См.: Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 60.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Указ.соч. С. 197.

¹⁶ См.: Марксистская этика /под ред. А.И. Титаренко. М., 1976. С. 143.

¹⁷ См.: Иванов Н.Г. Мотив преступного деяния. М., 1997. С. 64.

¹⁸ Виллюнас В.К. Психологические механизмы биологической мотивации. М., 1986. С. 116.

¹⁹ См.: Жуков Н.И. Проблема сознания. Минск, 1987. С. 165.

²⁰ См.: Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступления М., 1996. С. 149.

²¹ См.: Гримак Л.П. Резервы человеческой психики. М., 1989. С. 170.

²² См.: Криминальная мотивация. М., 1990. С. 135.

ПРИЧИННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПРЕСТУПНОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В.Е. ЭМИНОВ

Причины преступности кроются в многообразной палитре взаимоотношений человека как социального существа, с внешней средой, которая формирует социальное же содержание его бытия во всех его сложностях и противоречиях.

Под причинным комплексом понимаются взаимосвязанные, взаимообусловленные негативные социальные явления, объединенные общей природой, а также особенности возникновения, состояния и развития наиболее уязвимых их зон, в пределах которых чаще всего могут создаваться благоприятные условия для совершения преступлений. К ним, в первую очередь, относятся криминогенные явления в сферах экономики, политики, социальных отношений, нравственном состоянии общества, правовом регулировании¹.

Экономический причинный комплекс

Причины преступности на социолого-криминологическом уровне необходимо прежде всего искать в экономических отношениях, в их противоречиях, несбалансированности хозяйственного механизма, пороках и недостатках экономической политики, а также в системе распределительных отношений.

Как и все явления, экономические отношения имеют разные уровни. Однако в данных отношениях определяющим (для преступности) является их высший уровень, так как «отзвуки» «верхних слоев» экономических отношений с неизбежностью вызывают их разбалансированность до самого низа, приводя подчас общество к тяжким кризисным ситуациям, оказывающим влияние на другие стороны общественного бытия.

В отечественной криминологии (как и в общественных науках в целом) длительное время господствовала позиция, согласно которой экономические отношения социализма намного совершеннее таких отношений в предшествующих

формациях, и потому экономический базис социализма не порождает преступность. Вместе с тем, хотя жесткие рамки идеологии и вынуждали придерживаться общепринятых схем, в ряде исследований криминологов как раз говорилось, что экономические отношения и есть то первичное (в любом обществе), что рождает преступность в целом и конкретные виды преступлений в частности.

Экономические отношения многообразны, очевиден и их во многом объективный характер. Так, рыночные отношения имеют одни закономерности, плановая экономика — другие. Вопрос только о том, что на первом месте: экономические процессы или прожекты, игнорирующие экономические регуляторы либо волюнтаристски подстегивающие их.

Экономические отношения, с их противоречиями, двойственностью и т.д., как правило, лежат в основании преступности. Рыночные отношения основаны на конкуренции, а значит, на подавлении конкурентов, на запрограммированной избыточности рабочей силы, т.е. безработице, на выжимании прибыли в возможно больших размерах, на столь же запрограммированном имущественном и социальном расслоении людей. Экономически (прежде всего с точки зрения производства товаров и услуг) рыночная экономика доказала свою жизнеспособность, хотя для этого потребовалось не одно столетие. Вместе с тем многие негативные ее последствия, в частности высокая преступность (в том числе в экономически благополучных странах), — реальность.

Существовавшая в нашем обществе административно-командная экономическая система, вопреки прежним суждениям о ней, тоже рождала преступность и неизбежно будет порождать ее там, где подобная система будет существовать. В определенных сторонах этой системы тоже заложена криминогенность. Возьмем, например, жесткое планирование и распределение сверху. План нередко представлял собой желаемое, а состояние ресурсов — действительное. В жизни получалось, что под 100% плана могло быть выделено в лучшем случае 70 — 80% фондируемых материалов. Остальное надо было «доставать», что и рождало должност-

ные злоупотребления, взяточничество, приписки к отчетности и другие преступления.

И если рыночные отношения неотрывны от открыто провозглашаемого лозунга: «Обогащайтесь!», то при административно-командной системе это было скрыто от глаз. Кроме того, немало видов деятельности при прежней системе, например, валютные операции, спекуляция, частно-предпринимательская деятельность, коммерческое посредничество и ряд других, преследовались в уголовном порядке, в рыночной системе стали вполне законными и даже престижными.

Криминологическая наука, несмотря на закрытость административно-командной системы, определила наиболее ясные причины экономической преступности в условиях той системы. Современные рыночные отношения выдвинули новые задачи в изучении причин преступности, хотя основные их черты вырисовываются довольно четко, ибо рынок существует давно и зарубежными криминологами причины преступности в его условиях исследованы достаточно подробно. (Ясно одно: идеализировать какую-либо одну экономическую систему недопустимо.)

«Спускаясь вниз» по уровням анализа, отметим, что экономические отношения затрагивают практически каждого человека. Например, рыночные отношения – это не только рынок товаров и услуг, но и рынок рабочей силы. А рынок рабочей силы – это и безработица. Если при административно-командной системе безработица была скрытой и проявлялась в неполной занятости людей на рабочем месте, а отсюда в низкой, ниже прожиточного уровня заработной плате, то рыночные отношения – это безработица открытая, официальная. А безработица – резерв преступности. Это доказано всей историей развития человечества.

Статистическая характеристика лиц, совершающих преступления, наглядное тому свидетельство. Так, количество преступников, не имеющих постоянного источника дохода, составило: в 2001 г. – 905 889 (в том числе безработных – 85 828); в 2002 г. – 658 476 (63 250); в 2003 г. – 663 747 (65 870); в 2004 г. – 718 594 (73 118); в 2005 г. – 781 751 (82 032); в 2006 г. – 811 281 (84 143).

Безработица во многом связана с «лихорадочным» переделом собственности. По оценкам авторитетных отечественных и зарубежных экономистов, приватизация крупнейших предприятий (при отсутствии надлежащей правовой основы) повлекла вместо долгожданных инвестиций катастрофический вывоз капитала и криминальную монополизацию. Представляется, что в условиях, когда неоптимизирована правовая регламентация управления федеральным имуществом, целесообразен хотя бы временный мораторий на приватизацию крупнейших объектов (земли, леса, недр и т.д.). В этом вопросе необходима тщательно продуманная долгосрочная экономическая политика государства с ясным прогнозом на будущее. Следует помнить, что повсеместная продажа государственного имущества далеко не единственный приемлемый и выгодный способ распоряжения народным добром. Известны также аренда, коммерческая концессия, доверительное управление, лизинг, вклад имущества в уставной фонд акционерных обществ, выпуск акций под конкретные проекты и т.п. Причем эти формы могут приносить государству при определенных условиях прибыль значительно большую, чем скороспелая распродажа имущества по заниженным ценам и, как правило, «своим людям» (как отечественным, так и зарубежным).

Интересен также и пример активного «банкротства» предприятий. Так, в последние годы арбитражные суды рассматривают ежегодно 70 – 80 тысяч дел о банкротстве, из которых, по реальным оценкам экспертов, более 50% процентов носят сугубо заказной характер. Появился даже термин «арбитражное киллерство», когда создаются высококвалифицированные группы продажных, наемных «специалистов», готовящих и осуществляющих упомянутые «банкротства» по заказу конкретных лиц.

Схема криминального банкротства особых хитростей и сложностей не имеет: через фирмы-однодневки заключаются заведомо убыточные контракты. Затем организаторами все доходы «приватизируются». В результате некогда прибыльное предприятие даже не в состоянии выплатить сотрудникам заработную плату. Само имущество и активы предприятия скупаются «своими людьми» за копейки. В недавнем

прошлом подобная схема применялась и в Москве. Группа компаний сознательно банкротила предприятия, расположенные в центре столицы, чтобы за бесценок воспользоваться их дорогостоящими зданиями и землей.

Поэтому необходимо более строгое, тщательное отношение к подготовке и реализации целевых федеральных программ, касающихся наиболее важных сторон жизнедеятельности страны. Считаем, что было бы уместно к разработке этих программ привлекать также и юристов-криминологов с целью устранения на этапе подготовки недостатков криминогенного характера. Не следует забывать и о такой беззастенчивой криминальной форме захвата собственности, как «рейдерство».

Особо негативную роль в наше время играет громадный разрыв в уровне жизни бедных и богатых людей (1:15 или даже 1:20). Как известно, около 30% населения нашей страны живет ниже уровня бедности. И если на одном полюсе преступность порождается нищетой значительных слоев населения, то на другом — ничем не обузданным стремлением к сверхдоходам, обогащению за счет государства и общества.

При определенных условиях экономическая преступность может перерасти и перерастает в корыстно-насильственную и просто насильственную преступность. А вслед за этим возникает и преступность должностных лиц, так как экономические причины так же затрагивают их, как и все другие слои общества. Так называемые мелкие хищения — не просто преступления, зачастую вызываемые нехваткой средств, но и зеркальное отражение преступности должностных лиц.

Стоит отметить, что наиболее крупные преступления совершают представители благополучных в экономическом, материальном отношении слоев населения. Для них (в любой системе) практически нет материальных проблем.

Политический причинный комплекс

В числе причин, вызывающих, пожалуй, наиболее резкую реакцию человека, следует назвать *политические интересы и конфликты, возникающие на их почве. Ничто не разводит людей на различные полюсы так непримиримо, как поли-*

тическое несогласие. В подавляющем большинстве случаев политические интересы связаны с борьбой за власть, в процессе которой в выборе средств политические антиподы не церемонятся. Трагические страницы человеческой истории написаны кровью идей, проливаемой политиками ради политических интересов в борьбе за власть. Отцы убивали сыновей, жены травили мужей или своих соперниц, фавориты уничтожали соперников, товарищи по партии ликвидировали друг друга, терзаемые завистью, стремлением занять руководящее место или утвердить свои, порой сомнительные, идеологические установки.

В этой борьбе гибли женщины и дети, не притязавшие на власть, но «прикасавшиеся» к тем, кто эту власть имел; сотни тысяч людей, подозреваемых в поддержке противников или просто мысливших иначе. Причем преступления подобного рода в статистику преступности не попадали и преступлениями (в правовом смысле) во многих случаях не считались. Преступников нередко судили такие же преступники. Чаще их осуждала история (со значительным опозданием), хотя многих политиков, безнаказанно проливавших кровь людей и заточавших их в тюрьмы, продолжают считать героями и выдающимися личностями.

Это не общеуголовная преступность. Однако ее влияние на общую преступность очевидно, как очевидно и то, что деяния политиков, их программы и призывы формируют и атмосферу в обществе, и общественную психологию. Зажигательные речи популистов в истории человечества не раз были причинами массовых убийств правых и неправых, разрушений и разгрома всего, что попадалось толпе на пути массовых насилий и разграбления имущества. Революционные лозунги и призывы к уничтожению политических противников зеркально отражались в деяниях «обычных» преступников. Вседозволенность для верхов и их разложение эхом отдавались внизу, стимулируя такое же поведение у обычных людей, воспринимавших психологию: если им можно, то почему нельзя нам?

При этом парадокс общественных отношений заключается в том, что политики в ажиотаже, вызванном политическими амбициями, не видят (и не хотят видеть), что сти-

мулирует преступность. И лишь под влиянием населения, страдающего от преступников, они вынуждены предпринимать усилия для борьбы с преступностью. Между тем преступность, вызванная политическими конфликтами, – реальность². И не только в виде особой группы преступлений, обозначенных в уголовных кодексах как преступления против государства (в разных вариациях), но и как криминологическое следствие политических, в том числе межнациональных, столкновений, приводящих к «обычным» преступлениям – разбоям, грабежам, кражам, убийствам и т.п. При этом их непосредственные исполнители этих преступлений бывают втянутыми в ситуации, когда подобные преступления ими совершаются даже без осознания того, что их истоки – в политических интересах людей и групп, которых исполнители не знают и даже не подозревают об их существовании.

Годы перестройки открыли криминологам (и всем людям) картину общеуголовной преступности, истоками которой явились именно политические интересы (конфликты).

Политическая нестабильность обострила до предела экономическую и социальную ситуацию, «взорвала» межнациональные отношения, привела к массовым убийствам, активизации вооруженных банд и совершению террористических актов, к нападению на жилища граждан и их разграблению, к преступлениям на почве национализма. Это – преступность особого рода. Но и обычная, общеуголовная преступность в условиях политической нестабильности и конфликтов, ослабивших, если не полностью дестабилизировавших законность и правопорядок (как и парализовавших саму правоохранительную систему), получила новый стимул к политическому росту. Это проявилось и в увеличении групповой преступности, и в появлении новых ее видов, и в усилившейся жестокости и пренебрежении правами и самой жизнью людей.

Опасность политических и национальных конфликтов и их криминогенность заключаются еще и в том, что к политическим движениям примыкают и пользуются политической нестабильностью в своих корыстных интересах обычные уголовники, нередко становящиеся активными

участниками политических кампаний, а при определенных условиях проникающие в различные эшелоны власти. Это характерно не только для лиц, занимающихся хищениями, коррупцией (экономическими преступлениями), но и для уголовников иного, более традиционного рода. Причем последние обладают не меньшим даром (чем политики) привлекать к себе людей, особенно с учетом того, что они умеют играть на человеческих слабостях, держать людей в руках или умело подталкивать к поступкам, о которых впоследствии человек не хотел бы говорить и даже вспоминать.

Мы поставили в причинной цепи преступности политические интересы и конфликты (отношения) на второе место, однако нередко именно они определяют и экономические, и социальные отношения: их негативные стороны, влияющие на преступность, в ряде случаев являются первичными.

Социальный причинный комплекс

Социальные отношения (как и экономические) являются многообразными и разноуровневыми отношениями. В целом можно сказать, что социальные отношения, в которых личность чувствует себя неравной с другими, ущемленной, всегда чреваты протестующим поведением, а в крайнем своем выражении — преступным. Редко можно встретить человека, полностью удовлетворенного своим положением в обществе. В числе прочего это происходит из-за того, что человек склонен к переоценке самого себя. Однако многосторонность его социального бытия, как правило, удерживает баланс возникающих противоречий, и человек живет в обществе как его член, хотя, может быть, и не полностью удовлетворенный своим положением, но подчиняющийся закономерностям (и законам) общества и государства.

Социальные отношения человека существуют на макро- и микроуровнях. Макроуровень представляет собой и отношения человека с обществом и государством в целом, и его производственные отношения (включая образование, специальность, работу, общественную деятельность и т. п.),

и его положение как личности в том, что понимается под правами человека. Причем общество расплачивается за погрязшие человеческие права высокой преступностью.

Наиболее уязвимыми социальными отношениями в этом плане являются национальные отношения и отношения равенства.

В течение длительного времени в советской криминологии утверждалось, что преступность — явление сугубо социальное и даже классовое. Соответственно, в рассуждениях о причинах преступности национальная тема почти не присутствовала, в западной же криминологической литературе об этом писали. Между тем принять без критического анализа позиции западных авторов вряд ли возможно: в частности, американские криминологи, например, разграничивают преступность белых и преступность черных и цветных. Безусловно, говорить надо не о биологическом разделении преступности на цвета, а о социальном статусе лиц, в силу своего цвета кожи оказавшихся на низших ступенях социальной лестницы и не видящих во многих случаях иных средств борьбы за свои социальные права, кроме преступных. Это не оправдывает преступления, но объясняет их причины.

И когда в отечественной криминологии утверждается, что национальные противоречия — это тоже причины преступности, то речь идет не о разделении преступности (и ее причин) по принадлежности к национальности, а о тех конфликтных ситуациях, которые рождены противоречиями социального (и политического) плана. Виды же преступности отражают, в числе прочего, и национальные особенности жизни людей. Таким образом, социальные и национальные проблемы и отношения имеют прямые и обратные связи.

До последнего времени преступность на почве межнациональных конфликтов не была так распространена и политизирована, как сейчас. Национальная вражда и ненависть, возникшие на почве необдуманных и легковесных лозунгов о «суверенизации», доведенных до абсурда, стали причинами многих тяжких преступлений, включая терроризм, массовые убийства и т.д. Они же «разбудили» обще-

уголовную преступность, подняв на поверхность массу краж, грабежей, насилий и т.п. Социальная жизнь людей в таких условиях становится невыносимой. Она вызывает не только различные эксцессы и ответные преступления, но и неуверенность и напряженность, влечет за собой помимо преступности постоянный страх, нервные стрессы и психические заболевания. Следствием национальных (в значительной своей части спровоцированных) конфликтов стала проблема беженцев, которые бегут с «насиженных», ставших родными, мест не только под влиянием панического страха перед неизвестностью, но и потому, что угрозами и постоянным психическим давлением их понуждают к такому поведению. Строго говоря, это тоже особый вид преступности, пока еще не сформулированный в законе. Национализм является причиной и наиболее тяжких преступлений – против государства, против личности и др.

Социальные отношения, влияющие на преступность, могут быть результатом и неблагоприятно сложившейся экологической ситуации, когда целые народы ставятся в невыносимые условия жизни. Причем преступность в таких случаях бывает двоякого рода. Прежде всего, это преступность должностных лиц, обнаруживших пагубное влияние на окружающую среду и здоровье людей экологической ситуации, связанной с производством, но скрывающих это и тем самым усугубляющих вредные последствия. Это также преступность жертв ситуации, часто связанная с пьянством, наркотизмом как следствием осознания бесперспективности жизни, ухудшением физического состояния, нервными и психическими болезнями их лично или их близких, рождающимся на этой почве стремлением причинить кому-то вред.

Социальные конфликты общего плана, приводящие к совершению преступлений, могут отражать также недовольство человека своим социальным статусом, полученным (или неполученным) образованием, обстановкой в трудовом коллективе, в котором либо бурлят конфликты, либо творятся безобразия, процветает беззаконие, преступное поведение должностных лиц. Бывает и так, что сложившаяся социальная ситуация втягивает человека в преступную

деятельность. Сегодня, в условиях перехода к рынку, когда ослаблен или совсем разрушен социальный контроль, денежное вознаграждение часто устанавливается произвольно, с нарушением принципа социальной справедливости. А социальная несправедливость есть источник конфликтов и преступности.

На преступность влияет не только конкретное проявление социальных конфликтов и несправедливости, но и общая атмосфера в обществе, когда провозглашенные лозунги опровергаются реальными делами властей.

Социальная ткань общества состоит из разных слоев населения, разных его групп, объединенных общими условиями функционирования общественного организма, но имеющих в этом общем свои, групповые, клановые и другие интересы. Противоречия между групповыми интересами внутри общества – реальность, которую игнорировать нельзя. Конечно, не всегда эти конфликты рожают преступность, но наиболее острые их формы – безусловно. Причем нередко ненависть одних слоев населения к другим разжигается искусственно. Лозунги типа: «Бей коммунистов!», как и призывы к расправам с буржуями (действительными или мнимыми) или с кулаками, как было в конце 20-х гг., и т.п., которые привели страну к столь печальным последствиям, будоражили общество. Социальный климат в обществе, «разогретый» подобными призывами, приводит к неустойчивым, конфликтным отношениям между различными социальными слоями и неизбежно ведет к преступлениям.

Нельзя при этом игнорировать неприязнь одних слоев общества к другим, например, по поводу большей заработной платы, наличия особняков или больших квартир, дорогих автомобилей, возможностей ездить за рубеж и т.д. Людям веками вбивали в головы идеи равенства, хотя абсолютного равенства никогда не было, нет и быть не может. Но следует добиваться в обществе наиболее полного соблюдения принципа социальной справедливости и обеспечения нормального в правовом отношении существования людей.

В последние годы продолжает оставаться высоким и имеет устойчивые тенденции к росту уровень преступлений,

совершенных в отношении иностранных граждан, а также иностранными гражданами в России.

Многие преступления совершаются гражданами государств-участников СНГ: 2001 г. — 34 190; 2002 г. — 32 88; 2003 г. — 37 305; 2004 г. — 45 098; 2005 г. — 46 561; 2006 г. — 47 479; 2007 г. — 50153.

Нередко и характер совершенных преступлений, и их мотивы проистекают из принадлежности лиц, совершивших преступления, к той или иной социальной группе. Выявлена одна общая криминологическая закономерность: чем ниже уровень культуры, воспитанности и образованности преступников, тем грубее по характеру и примитивнее по мотивации совершаемое ими преступление. Чем выше образование, социальный статус преступника, тем изощреннее способы совершения преступлений, хотя, в конечном счете, они столь же, если не более, опасны, чем все другие виды преступности.

Низшим звеном в причинах преступности, определяемых социальным бытием человека, являются *межличностные отношения* (конфликты) в семьях, между близкими и знакомыми, наконец, отношения, случайно возникающие на почве конкретной ситуации, когда сталкиваются между собой интересы людей, не нашедших иного способа разрешения конфликта, кроме преступления. Статистика показывает, что такой вид преступности, как насильственная, — в значительной части следствие межличностных столкновений.

Первая и основная ячейка социального бытия человека — семья. В этой ячейке — сила и слабость государства. Благополучие и социально полезная деятельность семьи в значительной степени зависят от экономических, материальных условий. Обеспеченность или необеспеченность семьи, особенно положение ее главы — мужа, определяет в большинстве случаев нравственную и социальную ситуацию в ней. В то же время климат в семье определяют не только материальные условия, но и степень социальной воспитанности ее членов, нравственные установки. Не секрет, что немало конфликтов и преступлений происходит и совершается там, где процветают склоки, клевета, анонимки, подсиживание, карьеризм, что в значительной части случаев есть не

что иное, как выражение психологической несовместимости людей.

Трудно признать благополучным положение дел и в такой важной социальной ячейке, тесно связанной с семьей, *как школа*. По выборочным данным в России многие десятки тысяч детей вообще не посещают школ и предоставлены сами себе. Поскольку точного учета количества безнадзорных, беспризорных и неблагополучных детей нет и провести такой подсчет их количества просто невозможно, криминологи и социологи оперируют приблизительными данными, полученными на основе экспертных опросов, данных ведомств и правоохранительных органов. По этим данным разброс указанного контингента составляет от 700 тыс. до 2 – 4 млн. человек.

В советской криминологии в качестве положительного фактора отмечалось, например, то, что в отличие от большинства стран Запада, где убийства совершаются в значительной части в результате действий гангстеров, на улицах и в общественных местах, с применением огнестрельного оружия и т.д., в нашей стране подавляющее большинство убийств – результат бытовых конфликтов. Вряд ли, однако, это можно считать большим достижением, ибо преступления в быту свидетельствуют о глубокой деморализации макро- и микросоциальных отношений, существующем в обществе неуважении, а подчас и ненависти людей друг к другу, в том числе людей близких, социальной невоспитанности и низкой культуре населения. В последние годы далеко не редкими стали умышленные убийства родителями своих детей. Количество этих страшных преступлений только с 2000 по 2006 г. составило 1186 случаев. А если к этому прибавить широкие масштабы хулиганства (преступления весьма специфического и более всего присущего нашей стране), в комплексе причин которого нередко лежат те же «бытовые» мотивы или неприязнь (оборотная сторона психологической несовместимости) людей друг к другу, то становится очевидным, что подобная ситуация криминологически положительной оцениваться не может.

Межличностные конфликты, возникающие на почве неудовлетворительного социального бытия человека, и от-

ношений, складывающихся вследствие этого, опасны тем, что они либо возникают неожиданно, но как результат «накопления» недовольства в течение длительного периода, и потому трудно распознаваемы и тем более предупреждаемы, либо начинаются практически с первых дней совместной жизни и с каждым последующим днем (периодом) становятся все более невыносимыми, приводя, в конечном счете, к взрыву, преступлению. Таким образом, микросоциальные и межличностные конфликты есть выражение негативного течения социальной жизни людей. Именно в такой жизни и конфликтах коренятся причины значительного процента преступности в общей ее массе.

Углубляя аналитическое обобщение социального причинного комплекса, нельзя обойти стороной совершенно недопустимые, колоссальные людские потери, в той или иной степени, но очевидно связанные с преступностью, противоправностью, недостатками и противоречиями в социально-экономической, социально-правовой и нравственно-психологической сферах.

Так, в результате убийств ежегодно реально погибает 40 – 50 тыс. человек (официально регистрируется 32 – 33 тыс.); от употребления наркотиков – 70 – 75 тыс.; от употребления самодельных спиртных напитков и суррогатов – 40 – 45 тыс.; в результате автоаварий – 32 – 35 тыс.; в результате нарушений правил безопасности на производстве – 10 – 12 тыс.; в результате катастроф и аварий на железнодорожном, воздушном и водном транспорте – 1 – 2 тыс.; при прохождении военной службы – от 500 до 1 тыс. человек; без вести пропавших числится до 70 – 80 тыс. И если к этому добавить 50 – 55 тыс. самоубийств, то ежегодно Россия теряет (без учета несчастных случаев, природных катаклизмов и потерь в военных конфликтах) около 400 тыс. человек.

Нравственно-психологический причинный комплекс

Причины преступности следует искать и в нравственном состоянии общества. Ни экономическая жизнь общества, ни его правовые установления, ни многообразие социальной сферы, ни политика не могут быть свободны от нравственной ответственности:

Если экономика функционирует в ущерб людям, служит только делу наживы одних и обнищанию других, если в социальной сфере господствует вопиющее неравенство людей, несоответствие слов делам, в семьях процветает моральная безответственность и жестокость по отношению к детям, не получает отпора пропаганда насилия и порнографии, если политики лицемерно говорят об одном, а делают другое, если политических целей они достигают за счет людей, обманывая их, не гнушаясь при этом прибегать к безнравственным средствам, если в праве провозглашаются прогрессивные принципы, декларируются права человека, а практика игнорирует эти принципы, в обществе создается мощный криминогенный потенциал, познание которого является главной задачей криминологии. В итоге должна создаваться доктрина стратегии и тактики борьбы с преступностью.

Примечания

¹ См. подробно: *Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е.* Причины преступности в России. Криминологический анализ. М., 2006.

² См., напр.: *Политический режим и преступность.* СПб., 2001.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКОЯ
МЫСЛЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Из истории русской
философии

ИПОСТАСИ ДУХОВНОСТИ П.А. ФЛОРЕНСКОГО

Н.М. СЕВЕРИКОВА

Имя Павла Александровича Флоренского (1882 – 1937) теперь широко известно в научном мире, а в будущем, когда осуществится замысел ученого об издании всех 19 томов произведений, написанных им, может возникнуть целое направление в науке, связанное с его именем.

Личность Флоренского была столь универсальна, энциклопедичность его познаний столь удивительна, что современники называли его новым Леонардо да Винчи. Это был человек великих дарований: его 225 запатентованных открытий в области математики, физики, химии, электродинамики, эстетики, а также его литературные произведения, статьи по музейному делу и искусствоведению до сих пор вызывают удивление и даже спустя полвека воспринимаются как нечто необычное.

Необычным было и само время, которое называют сегодня «серебряным веком» русской культуры. Духовное обновление общества на рубеже XIX – XX веков вызвало необыкновенный расцвет в различных областях культуры, важнейшей частью которой стала русская оригинальная религиозная философия, утверждавшая примат духовности, поиски путей своеобразного соединения материального и духовного.

В плеяде русских религиозных философов, имена которых долгие десятилетия были под запретом, особое место занимает мыслитель тонкого анализа П.А. Флоренский, стоявший у истоков этого бурного, переломного времени. С.Н. Булгаков отмечает черты высокой духовности в обли-

ке своего близкого друга: «Он был для меня не только явлением гениальности, но и произведением искусства: так был гармоничен и прекрасен его образ; черты внешности мыслителя – благодатная тихость и просветленность – удивительно точно запечатлены на известном нестеровском портрете «Философы»... Духовно виделся древний эллин...»¹.

Небольшой экскурс в прошлое позволяет установить, откуда у мальчика, жившего в глубокой провинции, проявились черты высокой духовности. Родословие П.А. Флоренского сложилось из четырех сильных ветвей-родов: Флоренских, Соловьевых, Ивановых, Сапаровых. Часть рода Флоренских принадлежала к духовному сословию, часть – к научной области, где Флоренские всегда выступали новаторами, начинателями целых течений и направлений... Интересы Флоренских были разносторонни – история, археология, естествознание, живопись, музыка, литература.

Мать Павла Флоренского, Ольга Павловна Сапарова (Саламия Сапарьян), происходила из древнего армянского рода – меликов (князей) и росла в доме, где восточные обычаи сочетались с европейской роскошью благодаря сношениям семьи с Ираном, Индией, Францией. Но, став женой русского инженера путей сообщения Александра Ивановича Флоренского, она обрекла себя на кочевую жизнь, и ко времени рождения первенца – Павла – молодая семья ютилась в товарном вагоне около будущей станции Евлах Елисаветпольской губернии (ныне Азербайджан).

Семья Флоренских и после переезда в Тифлис (1882) продолжает жить уединенной жизнью. Мир семьи, пронизанный теплотой и порядочностью, располагал взрослых и детей к занятиям серьезными науками и искусством. Будущий ученый воспитывался в атмосфере Бетховена и Гёте; «музыку любил неистово»; романс Глинки на стихи Пушкина «Я помню чудное мгновенье» считал воплощением изящества – «уплотненным фокусом культуры... замкнувшим целый век расцвета русского искусства»². Флоренский страстно любил природу: его волновала сдержанная мощь природных форм. Отсюда и пошел тот восторг и интерес к бытию «до самозабвения», который был характерен для Флоренского всю его жизнь.

От тифлисской гимназии, где он учился с 1893 по 1899 гг., по его словам, ничего не ждал; все, что приобрел в интеллектуальном отношении, получил, главным образом, благодаря общению с отцом и усиленной самостоятельной работе. Постоянными спутниками его жизни были серьезные научные труды по физике, химии, геологии, астрономии и энциклопедические словари на всех языках. Страсть к знанию поглощала все его внимание и время, к 15 годам его научное мировоззрение «сложилось и окрепло в непоколебимую систему»³. Но в конце гимназического курса, законченного с золотой медалью, 17-летний юноша, убедившись в ограниченности физического знания, переживает духовный кризис. Два равносильных убеждения раздирали его душу: «истина недоступна» и «невозможно жить без истины». С чувством того, что истина есть, но путей к ней он пока не знает, Флоренский начал новый период своей жизни, когда в 1900 г. стал студентом физико-математического факультета Московского университета.

С тех пор начинается стремительный рост и расширение его научных знаний. Одной из самых близких Флоренскому идей была идея прерывности. Помимо занятий математикой, он посещает лекции на историко-филологическом факультете, самостоятельно изучает историю искусств. Окончив университет с дипломом I степени, Флоренский отклонил предложение Н.Е. Жуковского остаться на кафедре математики и в том же 1904-м поступил в Московскую духовную академию.

Что же побудило молодого ученого так резко и неожиданно для родных изменить свой жизненный путь? Действительно, рос он в обстановке индифферентного отношения к религии и был поглощен серьезными научными опытами, а уроки Закона Божия у него вызывали насмешку и даже вражду, однако в глубине души он чувствовал, что есть особая, таинственная область жизни, и — вдруг со всею страстью потянулся к ней. Кризис научного мировоззрения завершился обретением веры в Бога как абсолютной и целостной Истины, на которой должна строиться вся жизнь.

Мысль о познании духовности во всех ее ипостасях вынашивалась им долгие годы — даже в то время, когда он уси-

ленно занимался математикой и физикой. Именно эти науки и привели молодого ученого к признанию формальной возможности теоретических основ общечеловеческого религиозного мирозозерцания. Изучая философию и историю, он убеждается: нет множества религий, «а есть одна религия, которая принадлежит всему человечеству, но лишь меняет «свой вид». Главное в бесчисленных формах религии — «человечность — единственный лозунг, который может быть общим всем людям, который даёт правильное понимание нравственным заповедям и... не ведет к ожесточению и нетерпимости. Вот что должно быть воспитываемо в людях»⁴, — писал богослов. Одну из ближайших целей практической деятельности Флоренский сформулировал так: «Произвести синтез церковности и светской науки, воспринять все положительные учения Церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством...»⁵.

Однако Московская духовная академия во многом не удовлетворяла Флоренского, и он упорно продолжает самостоятельные занятия символической логикой, историей философии, археологией, изучает еврейский язык; организует философский кружок, где читает доклады. За проповедь «Вопль крови», произнесенную в марте 1906 против смертного приговора П.П. Шмидту, он был заключен в таганскую тюрьму. Далее трагические события следуют одно за другим: умер отец, так много сделавший для всестороннего развития своего сына; скончался духовник Павла — иеромонах Исидор, «печальник за мир, соль земли»; погиб самый близкий друг Флоренского С.С. Троицкий. Сам Флоренский находился в состоянии «тихого бунта». Его «Воспоминания» открывают возможность подойти к пониманию той эпохи: «В том, что случилось со мною, был пережит разрыв мировой истории. Мне вдруг стало ясно, что «время вышло из пазов своих» и что... кончилось нечто весьма важное не только для меня, но и для истории. Это было ощущение и смертельной тоски, и жгучей боли, и невыносимого сознания, что разрушается то, что строилось величайшими усилиями...»⁶. И все же переходность исторического времени Флоренский ощущает как неизбежную смену типов мировоззрений, «начало освобождения» и всеобщего «воскресения» к новой жизни.

В период учебы в духовной академии его не перестает волновать вопрос о «законности» занятий наукой и философией, который решает, пройдя через собственный духовный опыт: «Философия каждого народа, до глубочайшей своей сущности, есть раскрытие веры народа... Если возможна русская философия, то только — как философия православная, как философия веры православной»⁷. Эту мысль Флоренский развивает и позже — в лекционных курсах и выступлениях. По его мнению, «философия высока и ценна не сама в себе, а как указующий перст на Христа и для жизни во Христе»⁸.

Значительным событием в жизни Флоренского стало блестящее окончание в 1908 г. Московской духовной академии. Его кандидатское сочинение «О религиозной Истине» легло в основу магистерской диссертации (1912) и книги «Столп и утверждение истины» (1914). Главная мысль этого огромного труда выражена предельно лаконично: «Живой религиозный опыт как единственный законный способ познания догматов»⁹. Магистерский диспут и выход книги вызвали громадный интерес и обширную полемику не только в духовных кругах, но и среди общественности. Мнения высказывались самые различные: это не было удивительно в годы идейного размежевания интеллигенции. Е.Н. Трубецкой в докладе «Свет Фаворский и приобретение ума», посвященном анализу «Столпа...», назвал книгу выдающимся явлением в новейшей русской богословской литературе: «Давно я не помню, чтобы какая-либо книга мне доставляла такую большую *из глубины сердца* идущую радость... Это яркое и красноречивое свидетельство того, что не иссякла в нас жизнь духовная и что под покрывалом мертвечины, окутавшим нашу Церковь, таится живая сила»¹⁰. Главным недостатком книги Трубецкой считает антиномизм, с чем не мог согласиться Н.А. Бердяев, которому как раз импонировала идея антиномии как отражения противоречий действительности. Но при этом в статье «Стилизованное православие» Бердяев, не стесняясь, пишет о «Столпе...» как об «удушливой книге», при чтении которой «хочется вырваться на свежий воздух, в ширь, на свободу, к творчеству свободного духа человеческого»¹¹.

Бердяеву решительно возражает В.А. Кожевников, сотрудник «Богословского вестника»: высказывания Бердяева о «Столпе» он счел «жалкой, захлебывающейся бессильною досадою (чтобы не сказать — злобою) инвективой», а «Столп...», напротив, назвал «спокойно-величавой» горной вершиной русского православия»¹².

Наиболее справедливую характеристику «Столпу...» дал ректор Московской духовной академии епископ Феодор. По его мнению, «Столп...» занял исключительное место не только в русской, но и в западной философско-богословской литературе: «Сделана полная апология христианской веры как единственной истины»; раскрыта необходимость христианства для человека, уясняется «высший смысл жизни и бытия мира»; это книга «высоко научная; трудно сказать, в какой области научного знания автор не проявил себя специалистом». Отмечая энциклопедичность знаний Флоренского, епископ Феодор подчеркивает его преимущество в том, что он «везде остается свободным от подавляющего влияния этого научного багажа. Он везде творец и хозяин»¹³.

Созвучна этому отзыву краткая дневниковая запись о книге «Столп...» В.И. Вернадского: «Я страшно ценю самостоятельное творчество... Чувствуется сильная и оригинальная личность»¹⁴.

Чрезвычайно интересна оценка книги самим Флоренским: «Тут делается попытка применить ряд математических понятий и операций, даже не называя их, применить... к общим вопросам миропонимания, к проблемам духовной жизни, использовать в целях философских самый дух математики. В книге делается первое, для русской, по крайней мере, литературы применение к философии алгоритма символической логики»¹⁵.

«Столп...» можно назвать своеобразной энциклопедией человеческого знания в самых различных областях науки и жизни. О колоссальной работе автора над книгой свидетельствует наличие в ней более 1000 примечаний, обширнейший список литературы и источников, многие из которых — на иностранных языках. Полное название книги — «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах священника Павла Флоренско-

го» — сразу определяет цель этого оригинального философского произведения. Термин «теодицея» (от греч. «Бог» и «справедливость») со времени введения его в 1710 г. Лейбницем переводится как «оправдание Бога» и обозначает религиозно-философское учение, стремящееся согласовать идею благого и разумного Божественного управления мира с наличием мирового зла. Сам Флоренский переводит теодицею не только как «оправдание Бога», но и как «восхождение человека к Богу», чему, собственно, и посвящен «Столп...». Однако такая трактовка термина совершенно игнорировалась толкователями «Столпа...» в силу того, что долгое время обходили молчанием имя и многие сочинения Флоренского.

Основная проблематика книги носит преимущественно *гносеологический* характер. Флоренский определяет сущность религии как спасение внутреннего мира человека от таящегося в нем хаоса. Религия, «водворяя мир в душе, умиротворяет и целое общество, и всю природу». *Онтологически* религия, по утверждению Флоренского, «есть жизнь нас в Боге и Бога в нас». *Феноменологически* — это «система таких действий и переживаний, которые обеспечивают душе *спасение...* равновесие душевной жизни»¹⁶.

Но гносеология Флоренского — это не комплекс взглядов на познание, а сочетание путей для активного богопознания, без которого не может осуществиться ни вхождение в Церковь, ни познание истины. В акте богопознания человек преодолевает присущую ему двойственность: «Когда физик или биолог, или химик, даже психолог, философ и богослов читают с кафедры одно, пишут в научных докладах другое, а дома, в своей семье, с друзьями, чувствуют, вступая в противоречие с существующими предпосылками своей собственной мысли, то не значит ли это, что личность каждого из них разделилась на несколько исключających друг друга?»¹⁷. Следствием двойственной природы человека является антиномичность разума: он «раздроблен и расколот»¹⁸, способствовать же преодолению его антиномичности может только гармонизация человеческого и божественного. Однако противоречие существует как факт бытия: противоречиво бытие — противоречиво и мышление;

у Флоренского антиномия — неустранимая данность, поэтому Истина так же антиномична, как и разум. «Я не знаю, есть ли Истина или нет её. Но я всем нутром ощущаю, что *не могу* без неё. И я знаю, что *если она есть*, то она — всё для меня: и разум, и добро, и сила, и жизнь, и счастье»¹⁹. Он уверен: вся Истина доступна только Богу, но дело в том, что она как субъект, активна и может, погружаясь в человеческое пространство и время, обрести признаки личного и общественного.

При стремлении Флоренского отразить в своем учении живой религиозный опыт он выделяет два периода: период теодицеи — «восхождения человека к Богу» и период антроподицеи — «нисхождения Бога к человеку». Эти два пути *«совмещаются»* в религиозной жизни и лишь *методологически* могут быть рассматриваемы до известной степени порознь»²⁰. Анализу второго пути посвящена книга «У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Часть 1», которая построенную теодицею дополняет антроподицеей — учением о мире и человеке в их причастности к Богу. Сакральную (культурную, литургическую) деятельность Флоренский считает первичной, освящающей хозяйство, художественное творчество и мировоззрение — науку и философию. По его мнению, сакральная деятельность — это «символизирующая деятельность духа»²¹. *Символизм*, как характерная черта и теодицеи, и антроподицеи, является «не только методом и творческой формой, но и объектом исследования». Флоренский считает символы органами нашего общения с реальностью, причем каждый из символов соприкасается с соответствующей ветвью науки — лингвистикой, филологией, физикой, искусствознанием, семиотикой, философией, а все вместе образуют единую парадигму учения о мире и человеке.

Стремления к единству веры и знания, науки и жизни и постижению Истины делает неразделимым творчество Флоренского — религиозного мыслителя, священника и ученого. Юношеский замысел синтеза науки и церковности — «в разных сферах её и на разных глубинах»²² нашел свое отражение и в журнале «Богословский вестник», редактором которого Флоренский был в 1912 — 1917 гг., а в 1927-м

его назначают редактором уже научного издания — «Технической энциклопедии», для которой написал около 150 статей на научные темы.

Уникальность работ Флоренского в том, что он стремился синтезировать в единое целое знания самых различных областей. Свою жизненную задачу он понимает «как проложение путей к будущему цельному мировоззрению»²³. По мнению академика Лихачева, «для него не существовало дробления единого знания на привычные нам разделы»²⁴. Религия для Флоренского — это важнейший составной элемент человеческой культуры, и даже в 1923 г., когда основным занятием его стала научная деятельность, он публикует «Записку о христианстве и культуре», в которой разрабатывает программу преобразования науки и культуры на религиозных началах: по мысли ученого-богослова, и наука, и культура, и религия, выполняя свои функции, «живут согласенно, нуждаясь друг в друге и служа единому организму»²⁵. Разработка вопроса о соединении религиозных убеждений и научной материальной деятельности приводит Флоренского к открытиям в разных областях наук.

Раздвинув горизонты науки, он на десятилетия заглянул вперед. Так, в книге «Мнимости в геометрии» (М., 1922) математически предвосхитил то, что в физике наших дней получило название «антимира»; в статье «Физика на службе математики» обсуждает проблему, решение которой привело к созданию аналого-вычислительной машины. И это не единственное проявление его необыкновенного таланта.

Оценивая вклад Флоренского в изучение Платона, один из лучших знатоков античной культуры А.Ф. Лосев писал, что он «дал концепцию платонизма, по глубине и тонкости превосходящую все, что когда-нибудь я читал о Платоне»²⁶.

Флоренский часто говорил о надвигающемся крушении привычных устоев жизни, и революция не была для него неожиданностью. Он живо откликнулся на призыв принять участие в культурном и научно-техническом строительстве в стране. Чувство единения с Россией, с ее народом было столь велико, что он, естественно, не мог покинуть Родину, хотя за границей его ожидала блестящая научная будущ-

ность и мировая слава ученого. «Жизнь ему как бы предлагала выбор, — пишет С.Н. Булгаков, — между Соловками и Парижем, но он избрал родину, хотя то были и Соловки».

Флоренский был первым, кто, служа Церкви, одновременно стал работать в советских учреждениях. В 1918 г. его пригласили в комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Так был создан всемирно известный Государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник. В 1921 г. Флоренский избран профессором ВХУТЕМАСа, где читает курс «Анализ пространственности в художественно-образительных произведениях», разработанный на данных математики, физики, психологии и эстетики. Замечательным открытием его было обоснование правомерности «обратной перспективы», на которой построена древнерусская живопись: но это не промах, а «мужество гения, опрокидывавшего своим чутьем самые рациональные теории».

Активный характер принимает научно-техническая деятельность ученого. В 1920-м работает на заводе «Карболит» по изготовлению пластмассы из отечественного сырья. В 1921-м переходит на исследовательскую работу в Главэлектро ВСНХ, участвует в VIII электротехническом съезде, где обсуждался план ГОЭЛРО. С 1924 г. — он член Центрального электротехнического Совета Главэлектро, начинает работать в Московском объединенном комитете электротехнических норм и правил, создает первую в СССР лабораторию испытаний материалов, где готовит целую плеяду талантливых работников. В книге «Диэлектрики и их техническое применение» (1924) со 100 рисунками, чертежами и диаграммами, выполненными им собственноручно, Флоренский систематизировал новейшие теории, касающиеся изоляционных материалов, и предсказал ряд направлений научного поиска. В 1931 г. его избирают в президиум бюро по электроизолирующим материалам Всесоюзного энергетического комитета; через год его включают в комиссию по стандартизации научно-технических обозначений терминов и символов при Совете труда и обороны СССР. Как видно из перечня тех учреждений, где довелось работать П.А. Флоренскому, он всегда приглашался на работу

как специалист высокого класса, и тем более неожиданной была высылка его в Нижний Новгород.

Но начало травле было положено еще в 1919 г., когда деятельность комиссии по охране лавры представили как контрреволюционную попытку создания «православного Ватикана». Затем ему инкриминировали создание во ВХУТЕМАСе «идеалистической коалиции» с В.А. Фаворским. Жестокой, мягко выражаясь, «критике» подвергли Флоренского за истолкование им теории относительности в работе «Мнимости в геометрии» и за статью «Физика на службе математики», в которой дано описание электроинтегратора – прототипа современных вычислительных машин.

Из нижегородской ссылки Флоренский был возвращен благодаря ходатайству Е.П. Пешковой, но обстановка в Москве была такой, что Флоренский говорил: «Был в ссылке, вернулся на каторгу». А 20 июля 1933 г. он осужден особой тройкой на 10 лет и отправлен по этапу в восточно-сибирский лагерь... «Свободный»; через год – в Соловецкий лагерь особого назначения, где занимался проблемой добычи йода и агар-агара из морских водорослей и сделал более 10 запатентованных научных открытий и изобретений. 25 ноября 1937 г. Флоренский был вторично осужден «без права переписки» – это нынче прочитывается однозначно... Дело в отношении П.А. Флоренского прекращено производством за отсутствием в его действиях состава преступления 6 мая 1959 г.

Научная реабилитация его началась с конца 60-х годов. Теперь с его именем связывают синтез гуманитарных и технических наук, что необходимо для утверждения нравственных ориентиров в их развитии. Культура мысли, целостность и глубина научной позиции, деятельность в ее неразрывной связи с окружающим миром – именно эти уроки преподает нам сегодня Флоренский через свое наследие.

Флоренский предупреждал о губительности бездуховного пути культуры. Но в то время, когда он писал об этом, казалось невероятным, что уже XX век приведет культуру (да и все человечество) к возможности самоуничтожения.

Мысли Флоренского, провозглашавшего борьбу против всяческой расовой, национальной, индивидуальной

обособленности и разобщенности использует и современная богословская наука. Теологи высказывают мнение, что Флоренский обогатил богословие лучшими достижениями философии, привнеся в теологию диалектический метод. Сам же Флоренский, отмечая в диалектическом методе развитие «многих, сплетающихся друг с другом и переходящих друг в друга»²⁷ — тем, образующих «единое целое», в богословии отводил диалектике роль «пульса» к богообщению, считая её процессом мысли — «мысли в её движении».

Современников поражала не только глубина научных воззрений Флоренского, но и его благоговейное отношение к священству. Получение священства имело жизнеопределяющее значение: он считал это «даром благодати». По мнению С.Н. Булгакова, его исключительная научная одаренность являлась чем-то «второстепенным и несущественным», а самым главным в жизни, «духовным центром его личности ... было его священство»²⁸. Священство стало переломом в жизни Флоренского. Хотя к советской власти он относился «как к единственной реальной силе, могущей провести улучшение положения массы»²⁹, но за священство в то время заплатил своей жизнью. В письме родным из Соловецкого лагеря от 13 февраля 1937 г. Флоренский с горечью писал о Пушкине. «Свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонениями. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни»³⁰. Действию этого закона через 100 лет подвергся и автор высказанных слов.

Могут ли те, кто вступил в третье тысячелетие, изменить этот закон в русле Человечности, Братства, Справедливости — как мечтал о том Павел Александрович Флоренский?

Примечания

¹ *Священник Павел Флоренский*. Собр. соч. Статьи по искусству / Под ред. Н. Струве. Париж, 1985. Т. 1. С. 7.

² *Священник Павел Флоренский*. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Забвение. М., 1972. С. 413.

³ Там же. С.190.

- ⁴ Там же. С.123.
- ⁵ Цит. по: Андроник, игумен (А.С. Трубачев). Жизнь и судьба // Священник Павел Флоренский. Соч. в 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 8.
- ⁶ См.: Примеч.2. С.196 – 197.
- ⁷ Приветственная речь на юбилейном чествовании А.И. Введенского // Священник Павел Флоренский. Соч. в 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 191.
- ⁸ Разум и диалектика. Вступительное слово перед защитой на степень магистра книги «О духовной истине» (Москва, 1912 г.), сказанное 19-го мая 1914 г. // Там же. С. 142.
- ⁹ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. М., 2003. С. 33.
- ¹⁰ Переписка князя Евгения Николаевича Трубецкого и священника Павла Флоренского // Вопросы философии. М., 1989. № 12. С.3.
- ¹¹ Памятные даты. М., 1989. С. 58.
- ¹² Переписка П.А. Флоренского и В.А. Кожевникова // Вопросы философии. М., 1991. № 6. С. 120.
- ¹³ См.: Примеч. 5. Т. 1. С.13-14.
- ¹⁴ Новый мир. М., 1989. № 2. С. 194.
- ¹⁵ См.: Примеч. 11. С. 60.
- ¹⁶ См.: Примеч. 8. Разум и диалектика... // Там же. С. 142.
- ¹⁷ Флоренский П. Ближе к жизни мира // Советская культура. 1983, 3 ноября.
- ¹⁸ См.: Примеч. 9. С. 146.
- ¹⁹ Там же. С. 80.
- ²⁰ См.: Примеч. 8. С.134.
- ²¹ Священник Павел Флоренский. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики) // Соч.: В 4 т. М., 2000. Часть первая. Т. 3 (1). С. 427.
- ²² См.: Примеч. 8. Разум и диалектика... // Там же. С. 139.
- ²³ Там же. Т. 1. С.38.
- ²⁴ Лихачев Д.С. Павел Александрович Флоренский // Философия, история техника. Л., 1989. С. 3.
- ²⁵ Священник Павел Флоренский. Соч.: В 4 т. Т. 2. С. 547.
- ²⁶ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма в мифологии. М., 1930. С. 680.
- ²⁷ См.: Примеч. 8. Разум и диалектика... . С. 142.
- ²⁸ Булгаков Сергей, протоиерей. Священник о. Павел Флоренский // См.: Примеч. 1. С. 11.
- ²⁹ См.: Примеч. 5. С. 30.
- ³⁰ Из писем П.А. Флоренского семье об А.С. Пушкине и литературе // Вопросы литературы. 1988. № 1. С. 158.

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ**

Неизвестное прошлое

РАЗГРОМ ГЕНЕТИКИ

Ф.Х. КЕССИДИ

**Борьба двух направлений в советской биологии
послевоенного периода**

Помнится, мы, студенты философского факультета Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ) набора 1939 г., на одной из лекций академика Б.М. Завадского, читавшего курс дарвинизма, узнали о двух направлениях в советской биологии. Одно из них возглавлял Н.И. Вавилов (1887 – 1943), а другое – Т.Д. Лысенко (1898 – 1976). Мы узнали также, что немецкий ученый Вейсман, проводя опыты над мышами, доказал невозможность передачи по наследству приобретенных признаков. Б.М. Завадский напомнил и о том, что Т. Морган является одним из основоположников генетики, так же, как и австрийский монах Мендель.

В борьбе двух направлений в советской биологии Б.М. Завадский склонялся к позиции Н.И. Вавилова, но признавал ценность опытов Т.Д. Лысенко по яровизации, по превращению озимой пшеницы в яровую. Мало кто тогда предполагал, что названная борьба приобретет идеологический характер. Тем не менее летом 1940 г. поползли слухи об аресте всемирно известного ученого Николая Ивановича Вавилова (он погиб в 1943 г. в Саратовской тюрьме).

В послевоенный период эта борьба вспыхнула вновь. В моем архиве сохранилась (ныне мало кому известная) статья «Наши возражения академику Т.Д. Лысенко», опубликованная, если мне память не изменяет, осенью 1947 г. в «Литературной газете». (Статья сохранилась целиком, но

даты, к сожалению, стерты.) Она была подписана профессорами Московского государственного университета академиком И. Шмальгаузенем, А. Формозовым, Д. Сабининым, деканом биологического факультета С. Юдинцевым. Названные ученые указали на основной «постулат» концепции Т.Д. Лысенко, гласящий: «Никому еще не удалось и никогда не удастся ни самому видеть, ни другим показать в природе картину наиболее высокой конкуренции особей внутри вида», а также аналогичные категорические утверждения вроде: «Внутривидовой борьбы в природе нет, и нечего ее выдумывать».

Ежели это так, возразили названные авторы, то все дарвиновское учение о внутривидовой борьбе в растительном и животном мире переводится в разряд «точек зрения», не имеющих за собой ни ежедневно наблюдаемых фактов, ни обоснованной теории.

«Аргумент» Лысенко любопытен: «Зайца ест волк, но заяц зайца не ест, он ест траву...». Иначе говоря, Лысенко отвергает тот факт, что «поедание зайца волком — не конкуренция, а прямое истребление, т.е. отношение хищника и жертвы». Между тем, возразили авторы, нельзя оспорить «интенсивной конкуренции между зайцами из-за пищи, удобных убежищ и т.д.».

Не станем множить примеры, приводимые авторами в подтверждении существования внутривидовой борьбы, но подчеркнем идейно-политическую *квалификацию*, данную Лысенко своим оппонентам: «Внутривидовую конкуренцию еще и у нас признают некоторые биологи. Я отношу это к буржуазным пережиткам...». Лысенко «жестоко ошибается, — ответили авторы статьи, — считая, что признание внутривидовой борьбы относится только к отдельным ученым. Тысячи квалифицированных ученых... никогда не отказывались и не откажутся от этого важнейшего раздела великого учения Дарвина... Дарвинизм — передовое учение. Это признавали Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин». (Разумеется, в те времена ссылка на непререкаемые авторитеты считалась наиболее «весомым» аргументом. — *Ф.К.*) Но академик И.И. Шмальгаузен и его коллеги «жестоко ошибались», включив в число своих единомышленников товарища Сталина.

Однако все по порядку. Профессорско-преподавательский состав биофака МГУ им. М.В.Ломоносова развернул широкую кампанию против Лысенко. Они посещали даже наше общежитие (ул. Стромынка, 32), убеждая нас, студентов и аспирантов, в том, о чем нам было известно еще со средней школы, а именно: о наличии в природе внутривидовой борьбы, о «гороховых законах» Менделя, а также о невозможности наследования приобретенных признаков.

На первых порах полемика многим из нас казалась надуманной «причудой» ученых. Однако когда встал вопрос о согласовании одного из направлений с диалектическим материализмом (мировоззрением марксистско-ленинской партии, по определению Сталина), мы, что называется, «навострили уши».

Казалась бы, дарвиновское направление, признающее внутривидовую борьбу, вполне согласуется с «ядром» материалистической диалектики — законом о внутреннем единстве и борьбе противоположностей. Однако, говоря условно, во «внутривидовой борьбе» ученых неожиданную победу одержало направление, возглавляемое Лысенко. Его представители настаивали на идее «взаимопомощи» во внутренних отношениях растительного и животного мира. Эта победа в первую очередь предопределилась тем, что Сталин (негласно) принял сторону Лысенко, его «нового учения», названного «Мичуринской биологией» (по имени известного русского садовода И.В. Мичурина /1855 – 1935/). В связи с кампанией против «преклонения перед иностранщиной» И.В. Мичурин, не имея никакого отношения к концепции Т.Д. Лысенко, был, тем не менее, отнесен «к лику святых» от науки.

Судя по всему, З.Я. Белецкий, возглавлявший кафедру диалектического и исторического материализма МГУ, получил негласное указание «сверху» поддержать «новое учение» в биологии. Созванное Белецким заседание кафедры состоялось, насколько помню, в начале 1948 г. Для нас, аспирантов и преподавателей факультета, присутствовавших на нем, было довольно неожиданно, что Белецкий, окончивший медицинский факультет МГУ, принял сторону Лы-

сенко и его приверженцев, повторяющих идею Ламарка (1744 – 1829) о наследовании приобретенных признаков. Знаменателен и тот факт, что центральный орган ЦК ВКП(б) – газета «Правда», которая, как правило, не публиковала заседания Ученых советов высших учебных заведений, не говоря о заседании кафедр, поместила на своих страницах краткое сообщение о заседании кафедры диалектического и исторического материализма, одоблившей позицию Т.Д. Лысенко.

На эту заметку мало кто обратил внимание, за исключением самого Т.Д. Лысенко, для которого поддержка его позиции со стороны его ярых противников в МГУ была своеобразным сюрпризом. Спустя день после появления заметки в «Правде», Т.Д. Лысенко, возглавлявший ВАСХНИЛ (Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина), пригласил Белецкого в свою резиденцию и отправил за ним спецмашину.

Описанные перипетии в жизни МГУ, которые и в те годы были известны лишь узкому кругу специалистов, давно канули в Лету. О драматических же событиях сессии ВАСХНИЛ некоторые ученые напомнили в конце 80-х годов в связи с объявленными перестройкой и гласностью. Я имею в виду статью современника тех событий профессора В.[Я.] Александрова «Трудные годы советской биологии», опубликованную в журнале «Знание – сила» (1987, № 10).

Автор напоминает, что первоначально обстановка в борьбе двух направлений в биологии складывалась не в пользу Т.Д. Лысенко. Дело в том, что заведующий отделом науки ЦК ВКП(б) Юрий Андреевич Жданов (1919 – 2006), по образованию химик-органик, стал на сторону ученых, которые в своих многочисленных статьях разоблачали несостоятельность «изысканий» и порочность практической деятельности лысенковцев. Ю.А. Жданов решительно отверг тезис Лысенко о борьбе двух направлений в биологии – советской и буржуазной. Он справедливо заметил, что спор идет между научными школами внутри самой биологии, и ни одна из них не является буржуазной. Другими словами, Жданов оспорил «классовость» естествознания.

Чувствуя, что почва уходит из-под ног, Лысенко написал письмо Сталину и отцу Ю.А. Жданова (в то время зятя Сталина) – А.А. Жданову, члену Политбюро ЦК ВКП(б), второму лицу в иерархии власть имущих в стране.

Сессия ВАСХНИЛ

С «высочайшего соизволения» самого Сталина была назначена печально известная сессия ВАСХНИЛ. Она состоялась в августе 1948 г. Материалы сессии, точнее, ее итоги (победа «мичуринской биологии») стали широко рекламироваться СМИ. Научная общественность с неослабевающим вниманием следила, как могла, за выступлениями на сессии, которая началась с доклада Лысенко «О положении в биологической науке».

Основные идеи, выдвинутые докладчиком, сводились к следующему: учение Вейсмана ложно и реакционно. Верна лишь отстаиваемая им, Лысенко, «материалистическая теория живой природы», согласно которой приобретенные организмом в процессе жизнедеятельности признаки или свойства наследуются. Иначе говоря, воскрешалась давно отвергнутая наукой теория Ламарка: наследственность организма определяется усвоенными им условиями среды. Отсюда – так называемая вегетативная гибридизация, отвергающая хромосомную теорию Моргана и Менделя как «идеалистическое учение». (Оставалось загадкой: каким образом теория о хромосомах и генах в качестве материальных носителей наследственности является «идеалистической»?) В определенных условиях среды возможен скачкообразный переход из одного вида в другой: так, пшеница может породить рожь, овес, ячмень. Внутривидовой конкуренции нет, имеется лишь взаимопомощь. Тем самым отвергался дарвинизм, но это не смутило Лысенко и его приверженцев, которые называли свое «новое учение» развитием дарвинизма на базе «мичуринского учения».

С критикой доклада выступили Б.М. Завадовский, И.А. Рапопорт, С.И. Алиханян и некоторые другие. На всех них впоследствии был навешен ярлык сторонников «буржуазного», «расистского», «реакционного» учения Вейсмана – Менделя – Моргана. Когда же Лысенко сообщил, что

его доклад одобрен ЦК ВКП(б) (на деле лично Сталиным), «мичуринская биология» приобрела характер партийно-политической платформы, неприятие которой стало опасным. Профессор В. [Я.] Александров в статье, упомянутой выше, отмечает, что особенно трудным стало положение членов партии, так отрицание лысенковских догм оказалось несовместимым с пребыванием в рядах ВКП(б). Неудивительно поэтому, продолжает автор, что после заседания трое оппозиционеров – Жуковский, Алиханян, Поляков – выступили с покаянными заявлениями¹. Более того, в августе 1948 г. в газете «Правда» было помещено письмо Ю.А. Жданова Сталину, где тот каялся в том, что по своей «неопытности и незрелости» подверг критике Лысенко, обещал исправиться и стать твердым приверженцем «мичуринского учения». Ну, ежели сам зять Сталина покаялся, то об остальных антилысенковцах и говорить нечего.

Приглашенный осенью 1948 г. на философский факультет МГУ, Т.Д. Лысенко выступил с докладом, знакомя студентов, аспирантов и профессорско-преподавательский состав с «новым учением» – «мичуринской биологией». В принципе ничего нового в сравнении с сессией ВАСХНИЛ мы не услышали. Однако меня (и, надо полагать не только меня) озадачил суконный язык оратора, который к тому же внешне больше походил на рядового сельского агронома, чем на маститого ученого. Еще более нас поразил тот факт, что Лысенко, столь рьяно ратовавший за разделение биологии на «советскую» и «буржуазную», не был членом партии. Тем не менее с санкции Сталина он удостоился поста председателя ВАСХНИЛ.

Лысенко очень уверенно говорил о преобразовании (при определенных условиях, каких, не помню) озимой пшеницы в яровую, а также о возможности пшеницы породить рожь и даже овес и ячмень. Аудитория (в том числе и автор этих строк), некомпетентная в агрономии и агротехнике, отнеслась к заверениям президента ВАСХНИЛ одобрительно. Впрочем, возвращаясь в общежитие, мы (с Калацким и Кочетковым), будучи выходцами из крестьян, испытывали некоторую неловкость. Мы помнили случаи, когда наши отцы сеяли пшеницу или ячмень и если часть зе-

рен высыпалась кучкой, впоследствии стебли и колосья вырастали слабыми, неполноценными. «Взаимопомощь» при этом, разумеется, не наблюдалась.

И еще: мы соглашались с тем, что скачкообразный переход из одного вида в другой, возможный в растительном мире, нельзя переносить на высшие организмы, будь то птицы, коровы или овцы. Мы не решались поставить под сомнение опыты Лысенко и его школы, столь убедительно демонстрировавшие свои «достижения». Например, на нас (и не только на нас) производили большое впечатление снопы ветвистой пшеницы, фотографии которых печатались в газетах и журналах.

Спустя примерно полстолетия широкой общественности стало известно, что столь усиленно рекламируемая ветвистая пшеница, названная кахетинской, получена из Грузии. Хотя эта культура впечатляла своими крупными колосьями (в колосе насчитывалось до сотни зерен), вырастали они «при сильно разрозненных посевах. Эта известная еще в Древнем Египте пшеница имела низкий урожай, плохой иммунитет и давала муку с низким содержанием белка»².

Оргвыводы сессии ВАСХНИЛ были разгромными. Почти весь профессорско-преподавательский состав биологического факультета МГУ был заменен лысенковцами. Пострадали и аспиранты факультета. Им было предложено поменять темы диссертаций. Декан биофака С. Юдинцев был освобожден от занимаемой должности. Его место занял И. Презент, которого я и мои друзья называли «идеологическим оруженосцем» Лысенко.

По словам В. Александрова, «в построении лысенковской системы большую роль сыграл И.И. Презент. С 1934 года он состоял при Лысенко в качестве ведущего советника по созданию мичуринской биологии и по уничтожению ее врагов. Презент не имел биологического образования (он окончил в 1926 г. факультет общественных наук Ленинградского университета), но зато был изощренным демагогом, острословом; борясь с оппонентами, злобно издевался над ними, не гнушаясь никакими аморальными приемами»³.

Помню, меня и еще нескольких человек с философского факультета направили на какую-то конференцию МГУ. Здесь новоиспеченный декан биофака И. Презент высказал свое недовольство, почти негодование, в адрес редакции студенческой газеты МГУ, которая де не сообщила своим читателям о том, что он, Презент, был направлен на факультет по решению ЦК ВКП(б). Честолюбивый декан (сразу не приглянувшийся мне) одновременно читал лекции по дарвинизму (в духе «мичуринской биологии») аж в трех университетах: Московском, Ленинградском и Киевском. На должности декана биофака Презент продержался около двух лет.

Кратко о разгроме цитологии

Цитология — наука о строении, развитии и функциях животных и растительных клеток. Разгром цитологии (в сущности также гистологии и микробиологии) связан с «теорией» Ольги Борисовны Лепешинской о «происхождении клеток из живого вещества». О.Б. Лепешинская отвергла концепцию выдающегося немецкого патолога Вирхова, согласно которому клетка возникает из клетки же. «Теория» Лепешинской о возникновении клетки из бесструктурного живого вещества пришлось, так сказать, по душе Т.Д. Лысенко. Он написал предисловие к вышедшей в 1950 г. вторым изданием книге Лепешинской. Книга последней удостоилась Сталинской премии первой степени. Непризнание теории Лепешинской стало делом рискованным. По словам члена-корреспондента АН СССР Ю.И. Полянского, «отказ признать Лепешинскую был равносителен уходу с работы. И многие наши ученые были вынуждены «признать» «великое достижение» Ольги Борисовны. Я далек от мысли осуждать их за это, ибо обстановка была поистине устрашающей»⁴.

Как и следовало ожидать, монополия в науке, принудительное единомыслие, навязанное Сталинским режимом, привели к катастрофическим последствиям. Или, как вспоминает И.А. Рапопорт, «генетика и цитология исчезли из науки, из сельского хозяйства, из медицины, из высшей и средней школы. Целое поколение о них вовсе не знало, а

последующие не освободились от недоверия к науке о наследственности. Было потеряно много крупных специалистов. До сессии [ВАСХНИЛ. — Ф.К.] генетика нашей страны занимала видное место в мировой науке»⁵.

Причины победы неоламаркизма под именем «мичуринской биологии»

Поставленный вопрос требует самостоятельного исследования. К сожалению, он мало изучен советскими и постсоветскими биологами, историками науки и философами. Можно лишь сказать, что относительно победы неоламаркизма Лысенко, а также разгрома генетики и цитологии были высказаны разного рода предположения.

Вот некоторые из них. Из статьи Максима Орышака «Как Трофим Лысенко обманул Сталина», опубликованной в популярном еженедельнике «Аргументы и факты» (2001, № 49. С. 15) мы узнаем, что в 1948 г. Лысенко, почуяв, что судьба возглавляемых им «мичуринцев» висит на волоске, сделал сильнейший ход: «Сталину принесли новый сорт пшеницы, в которой можно было насчитать до ста зерен... Могучий тугой колос положили рядом с обычными колосками: блистательный эффект, не купиться на который было нельзя». К тому же Лысенко «обещал поднять урожайность в 4 — 5 раз, вывести за два года новые сорта пшеницы, новые породы скота с суперпроизводительностью».

Добавим, что на съезде ударников сельского хозяйства, проходившем в Москве в 1935 г., Лысенко удостоился похвалы Сталина. И не случайно. Дело в том, что Сталин, как и Лысенко, разделял идеи Ламарка⁶. Эта приверженность Сталина подтверждается его ответным письмом от 31 октября 1947 г. на докладную записку Лысенко. Помимо прочего, Сталин пишет: «Что касается теоретических установок, то я считаю, что мичуринская установка является *единственно* (курс. мой. — Ф.К.) научной установкой. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретенных свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину»⁷.

Ежели вейсманисты (сторонники классической генетики) не заслуживают внимания, то его не заслуживает и уче-

ный-генетик с мировым именем — Николай Иванович Вавилов, оспаривающий возможность наследований приобретенных организмом признаков. Только сегодня стало известно об аудиенции, данной Сталиным Н.И. Вавилову 20 ноября 1939 г. «Прием был назначен на десять часов вечера, но пустили его (Вавилова) в кабинет Сталина только в час ночи. Сталин ходил по кабинету с трубкой в руке. Вавилов поздоровался: «Здравствуйте, Иосиф Виссарионович!» Сталин на приветствие не ответил, сказал ему: «Ну что, гражданин Вавилов, и дальше будете заниматься цветочками-колосочками? А когда будете помогать поднимать урожайность? Вавилов начал объяснять ему, чем занимаются его институты, какие результаты должны быть получены в ближайшем будущем и в перспективе. Вавилов стоял, Сталин ходил, и было видно, что ему все безразлично. Когда Вавилов кончил, Сталин сказал одно: «Вы свободны». Но быть на свободе ему оставалось меньше десяти месяцев»⁸.

Итак, главная причина (или одна из главных причин) победы «мичуринской биологии» — это поддержка Сталиным Лысенко. Другая причина — это общественное мнение, которое придерживалось убеждения об изменении организмов с изменениями условий жизни. Изменение среды и воспитание — понятия, вполне доступные широкой общественности, чего нельзя сказать о таких «мудреных вещах», как хромосома, дрозофила или мутация. Или, как пишет член-корреспондент АН СССР Ю.И. Полянский, «нужно сказать, что «идеи» Лысенко, к сожалению, довольно глубоко проникли в массы советских людей. Ведь нет ничего проще, чем утверждать, что организмы «усваивают» условия жизни и меняются соответственно этим условиям и что подобным образом, меняя условия, можно в кратчайший срок изменить наследственную природу организма... Ведь все это гораздо проще, чем изучать генетику, цитологию и т.д.»⁹.

Добавим, что отставание советской экономики, и прежде всего сельского хозяйства, от развитых капиталистических стран требовало в кратчайший срок поднять урожайность зерновых культур, а также племенного животноводства. Как мы знаем, Лысенко обещал решить эту задачу за два-три года. Советские же генетики (пресловутые «вейс-

манисты-морганисты») такого обещания дать не могли, чем и объясняется их поражение, вынесение, так сказать, смертного приговора.

Вообще говоря, победа Лысенко и его приверженцев вполне закономерна. Дело в том, что советская идеология, рассматривая человека сугубо как продукт общественных отношений, с неизбежностью приходила к выводу, что изменившиеся социальные отношения и способы воспитания всецело изменяют природу человека. Отсюда следует, что создание новых условий жизни создаст нового человека¹⁰. Ежели за короткое время (в ближайшие 20 лет) Программа КПСС обещала воспитать нового человека, то создание новых сортов пшеницы необычайной урожайности представлялось делом беспорным.

В описываемый период имели место также дискуссии по физиологии и психологии (которая, на мой взгляд, была сведена к физиологии) по критике теории резонанса в химии. Велся схоластический спор об адекватном изображении (или выражении) формулы бензола и т.п. Попытка же устроить дискуссию по физике с целью опорочить выдающихся советских физиков, сорвалась.

Вдохновившись разгромом генетики, молодые так называемые марксисты-физики решили обвинить академиков в области физики (в частности Тамма) в махизме. Однако в защиту ученых встал президент АН СССР Сергей Иванович Вавилов (родной брат убиенного Николая Ивановича). Он предупредил Сталина, что невежественная критика квантовой и ядерной физики помешает созданию атомной бомбы. Понятно, что Сталин поддержал С.И.Вавилова. Как-никак, а атомная бомба – нечто более серьезное, чем яровизация. Тот факт, что академик С.И.Вавилов обращался к Сталину, был мало кому известен.

Поговаривали об эпизоде, происшедшем на физфаке МГУ. Так, знакомый аспирант-физик Юрий Горохов, которого мы любовно называли Сисего (от лат. «горох»), рассказал следующее. На приеме у Сталина ректор МГУ пожаловался, что успешному исследованию в области ядерной физики мешают новоявленные марксисты-физики, которые шельмуют крупных ученых, обвиняя их в неких идеологи-

ческих грехах. По слухам, Сталин предложил ректору издать приказ об отчислении «радетелей» марксизма-ленинизма из университета. Прослышав о рекомендации грозного «отца народов», последние срочно созвали партийное собрание, где покаяться в необоснованных обвинениях. Забавы ради я спросил у Сисего, не было ли на этом партсобрании самобичевания по типу шахсей-вахсей¹¹? Выяснив, что это значит, Горохов согласился, что именно нечто подобное и должно было иметь место. Кто-то из нас бросил: «Ребята, в нашей стране не соскучишься».

Из вышеизложенного может сложиться впечатление, что в современном общественном мнении неоламаркизм как разновидность просветительской традиции давно преодолен. И по сей день, следуя просветительской традиции, широкие слои общества полагают, что человек — это своего рода *tabula rasa*, что он лишен каких бы то ни было врожденных задатков или склонностей. Поэтому предполагается, что путем создания новых условий жизни и воспитания вполне возможно создать нового человека, более того, возможна массовая переделка природы людей. К примеру, вполне возможна массовая адаптация иммигрантов к новым социальным условиям, независимо от их генетических особенностей, психологии и менталитета, конфессиональной принадлежности и национального или расового происхождения.

Однако, если генетика — наука о законах наследственности и изменчивости организмов, то незачем приписывать ей, как это делали приверженцы «передовой мичуринской биологии», «классовость» или же навешивать на нее ярлыки «расизма» или «фашизма». Генетика объективно указывает на истинное положение вещей, независимо от того, нравится это кому-то или нет.

Примечания

¹ По словам Александрова, среди покаявшихся были недавние фронтовики, проявившие в боях стойкость и мужество, однако «храбрость на войне и в мирной жизни, видимо, качественно различны, и не всегда оба вида сочетаются в одном человеке. Кроме того, человек, в отличие от кошки, существо сугубо кооперативное. Он коллективно гораздо легче творит добро и зло. Коллективно совершенный проступок меньше отягощает совесть, как

бы разделяя ответственность между всеми участниками» (Александров В. Трудные годы советской биологии // Знание – сила. 1987. № 10. С. 77).

В целом соглашаясь с Александровым, хотелось бы добавить, что зловещая обстановка Страха, созданная сталинским режимом в мирное время, была сильнее страха на войне, где люди погибали смертью храбрых, а в сталинских застенках – с презренным клеймом «враг народа». Общеизвестно, что Сталин убивал противников его режима сначала морально, а затем физически.

²Медведев Ж. Лить воду на мельницу жербаков... [А.П. Жербаков – президент Академии наук Белорусской ССР, идейный противник Лысенко. – Ф.К.]. Лысенко и Сталин. К 50-летию печально известной сессии ВАСХНИЛ 1948 года // Литературная газета. 15 июля 1998 г. № 29 (5708). С. 3.

³Александров В. Цит. соч. С. 74.

⁴Судьбы генетики в нашем отечестве // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе / Сост. Ю.П. Сенокосов. М., 1989. С. 409.

⁵Там же. С. 418.

⁶Мы солидарны с Максимом Орышаком в том, что идеи Ламарка вполне соответствовали «постулатам советской пропаганды, заявлявшей о воспитании «нового человека», и о том, что данный процесс возможен в рамках одного-двух поколений».

⁷Вавилов Ю. Как приговорили генетику // Поиск. № 30 (470 – 480). 11 – 24 июля 1998 г. С. 12.

⁸Суровая драма народа. С. 411 – 412.

⁹Там же. С. 405.

¹⁰Если верить Ю. Арбатову (не путать с академиком Г.А. Арбатовым), то «опыт социализма» в СССР «доказал», что «массовая переделка «природы человека» – дело вполне осуществимое, если оно опирается не на благие пожелания, а на реальные возможности, создаваемые изменениями в обществ[енном] бытии, причем эта переделка может быть *серьезно ускорена* воспитат[ельной] работой, осуществляемой под руководством *передовых общественных сил*» (Арбатов Ю. Коммунизм // Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3. С. 19. Курсив мой. – Ф.К).

¹¹Самобичевание мусульман-шеитов.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации, отзывы

ТЕЛЕСНОСТЬ МЫСЛИ И МЫСЛИМОСТЬ ТЕЛА (о серии философских трудов «Тела мысли»)

А.Ю. ШЕЛКОВНИКОВ

Манифест проективности

В 2000 г. издательство «Алетейя» начало издавать серию философских трудов «Тела мысли»¹. В первой из книг – «Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков» – в предваряющем предисловие разделе «В поисках новой гуманитарной парадигмы (От редакционного совета)» о серии говорится как о продолжении прерванного в начале 1990-х издания «Санкт-Петербургских Чтений по философии культуры»², и как о дополнении и концептуальной альтернативе московской серии «Ad marginem», которая способствовала продвижению и закреплению постструктуралистской парадигмы в российской гуманитарной мысли.

Заявленная альтернативность весьма показательна. «Тела мысли» – серия-манифест, серия-проект (не в тривиальном понимании проективного знания). И, более того, это – серия, которая предельно ясно артикулирует структурно-функциональную роль феномена серийности в современной культуре. Следовательно, «Тела мысли» в очерченном контексте, может быть, весьма актуальный и благодарный предмет философско-культурологической рефлексии. Здесь принципиальным оказывается то, что границы гуманитарной методологии, философского направления и книжной серии совпадают.

Обычно манифест – это некое обоснование, предуведомление читателя о характере предлагаемого творчества. Манифесты символистов были довольно четко отграничены, скажем, от поэзии и трактатов. Акмеистов – также. Но уже

у футуристов манифестационным оказывается само творчество, хотя все равно мы можем сказать, где поэтический текст, а где манифест; можем отличить одно от другого. Но в случае с текстами «Тел мысли» мы не можем провести такой границы. Сами эти работы концептуально существуют постольку, поскольку перманентно манифестируют себя в качестве некоего принципиально нового проекта. Таково их социокультурное функционирование. В особенности, на мой взгляд, это относится к «Философии возможного» М.Н. Эпштейна и «Проективному философскому словарю».

Именно «проективность» является ключевым понятием новой гуманитарной парадигмы. Проективное знание понимается как творческое, креативно-дополнительное по отношению к дескриптивности, описательности.

Проект не есть нечто запланированное, встроенное в некий исследовательский алгоритм, а нечто внедряемое в плоть культуры самим актом провозглашения той или иной концептуальной возможности. В данном контексте содержание концепта неотличимо от акта манифестирования этого концепта. И концепт понимается не только как что-то рационально выстроенное, но и концептивно, «зачинательно-творчески». Отсюда и предлагаемый М.Н. Эпштейном термин «концептивизм», именующий новое общегуманитарное направление, пришедшее на смену постмодернизму. В таком манифестационном подходе к философствованию чувствуется влияние литературы, литературоведения и литературной критики. И, конечно, современный философский концептивизм генетически частично восходит к концептуализму в художественной литературе (и в философии — Б. Гройс, а также и сам М.Н. Эпштейн). Но не следует думать, что в этом случае мы имеем дело с экстраполяцией литературы («литературности») на философию. Сама рецепция концептуалистской эстетики философией есть случай философствования. Ведь и эстетическое противостояние метареализма и концептуализма в 1970 — 80-е гг. есть воссоздание на некотором уровне средневекового антагонизма реализма и номинализма.

Проективность манифестируется в задуманной и манифестируемой серии в своеобразно понимаемой историко-

философской преемственности. Отчасти это напоминает «Культуру и взрыв» Ю.М. Лотмана. Отчасти — остранение традиции в интерпретации русских формалистов (В. Шкловский и др.). В каком-то смысле изучение истории культуры и, в частности, философии, удобнее начинать с современности, чтобы яснее понимать, с какой точки зрения мы смотрим на историю и на самую историчность, которая может и игнорироваться, и деконструироваться, но может и агрессивно вторгаться в теоретические построения. В новой культурно-философской, гуманитарной парадигме, утверждаемой авторами «Тел мысли», преодолевается прежде всего постмодернизм, как бы ни был многозначен и неопределен этот термин. Конечно, для того, чтобы относительно адекватно воспринимать концептивизм (позитивный конструкционизм), постчеловеческую персонологию, семиодинамику, глубокую семиотику, необходимо учитывать структуру преодолеваемого препятствия, т.е. постструктуралистскую парадигму. Но проблема усложняется тем, что до сих пор популярна иллюзия современности постмодерна, тогда как он уже сравнительно давно отошел в область истории. Об этом свидетельствует огромное количество описаний постмодерна — словари, учебники, энциклопедии, комиксы и т. д. Количество дескрипций и классификаций постмодерна в современной литературе значительно превосходит количество самих постмодернистских текстов. Все это весьма красноречиво свидетельствует о «смерти постмодернизма» (всего комплекса, по И.П. Ильину, постструктурализма — деконструктивизма — постмодернизма)³, который, в свою очередь, основывался на многочисленных «смертях» (автора, читателя, субъекта, человека). Теперь уже, как мне кажется, неумолимая динамика (семиодинамика) культуры заставляет нас реконструировать для нас же самих ту современную, постпостмодернистскую точку зрения, пока для нас неясную (поэтому и нуждающуюся в реконструкции), с которой мы только и можем осмыслить постмодерн. А это нам в свою очередь необходимо, чтобы эпистемологически двигаться далее вглубь истории. Так вот, гуманитарная парадигма, манифестируемая и методологически оформляющаяся в книгах рассматриваемой серии, может быть, наиболее

явно, внятно и эвристично воссоздает современное видение философской проблематизации универсума (по М.К. Мамардашвили) и истории философствования.

Так, один из авторов и соредакторов серии – Г.Л. Тульчинский говорит об остранении традиции, но не останавливается на этом. Остранение, или деконструкция, не есть что-то самодовлеющее, а только первый этап саморазвития той или иной парадигмы. Вслед за «революционным разрушением» следует игра новыми концептами, обретшими силу в результате деконструкции (второй этап), а затем – формирование, конструирование принципиально новой парадигмальной системы. Как следует из аннотаций серии, такая смена парадигм в истории философствования прослеживается от Канта к Гегелю, от Ницше к Гуссерлю, а также от Деррида к концептивизму, постчеловеческой персонологии, т.е. непосредственно к «Телам мысли». И это, на мой взгляд, звучит очень убедительно.

Докантовский период философствования характеризуется как находящийся преимущественно в модальности действительности, актуальности. С Канта начинается эпоха критической философии, в которой на первый план выходит модальность необходимости, долженствования. Эта критическая эпоха заканчивается самой беспощадной критикой возможностей философствования – критикой логоцентризма у Ж. Деррида и других постструктуралистов. И вот когда возможности критической философии были исчерпаны, начался (начало текущего столетия) период нового философского конструирования, но только не актуалистского, а возможностного, направленного на потенциацию действительности. В этой атмосфере перманентного потенцирования и следует воспринимать философские тексты нового гуманитарного направления (в том числе и методологического), проективно внедряемого в культуру петербургской «Алтейей» в серии «Тела мысли».

От классической метафизики к неклассической

На страницах первой книги серии *«Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков»* нет четкого определения неклассической метафиз-

зики. Можно обратиться лишь к косвенным характеристикам. Так, по мысли Г.Л. Тульчинского, новую, неклассическую метафизику представляет собой персонология, включающая в себя философскую антропологию, культурологию и традиционную метафизику. А согласно М.С. Уварову, новая метафизика есть метафизика воображаемого, которое, в свою очередь, является разновидностью возможного в духе платоновско-аристотелевского «третьего человека», попперовского «третьего онтологического мира», «воображаемой» логики Н.А. Васильева, неевклидовых геометрий, «возможных миров» логической семантики или «воображаемых миров» В.В. Муравьева и П.Д. Успенского. «И кто установил критерии демаркации воображаемого и действительного — я уже не говорю о математике и логике — в культурологии и философии, для которых «пластичность», принципиальная возможность взаимоотличных и даже «безумных» (по Н. Бору) подходов является жизненно необходимой?»⁴.

Великое «может быть»

«*Философия возможного*» — именно так называется вторая книга серии, принадлежащая перу *М.Н. Эпштейна*. Если П.Д. Успенский считал, что все возможное действительно существует в других измерениях бытия (проблема измерений для П.Д. Успенского является центральной), то М.Н. Эпштейн полагает, что возможность ценна и существенна именно тем, что не реализуется, не актуализируется. Если следовать схеме, предлагаемой М. Н. Эпштейном, уточняемой и дополняемой Г.Л. Тульчинским, докантовский период философствования можно назвать онтологическим, или метафизическим, находящимся в модальности действительности, а период от Канта до Деррида (гносеологический, эпистемологический, критический) — находящимся в модальности необходимости, то современный период (начальная фаза) является возможным.

Книга М.Н. Эпштейна заслуживает отдельного рассмотрения. Она сопровождается прекрасным предисловием Г.Л. Тульчинского, которое высвечивает многие значимые мысленные интенции М.Н. Эпштейна. «Философия возможного» — это своеобразный трактат, в котором изла-

гается некая совершенно оригинальная система философии. Центральной категорией трактата является категория модальности, которая получает новое философское, логическое и методологическое осмысление. В приложениях система знания, развиваемая в книге, суммируется в таблице, тезисах и проекциях (областях знания, на которые проецируется философия возможного). Все-таки если говорить о концептуальном фундаменте «Тел мысли» и новой гуманитарной парадигме, пришедшей на смену постмодернизму, мне кажется, что «Философия возможного» как раз и играет роль такого теоретического и мировоззренческого основоположения.

В связи с возможностной философией вспоминается замечательный итальянский философ-экзистенциалист Н. Абаньяно с его «возможностью возможности», с мыслью о том, что возможность только тогда является верной своей внутренней интенции, если не исключает следующих возможностей и т.д. В любом случае, модальность как категория находится в зависимости от языка как возможности мышления. И сама классификация модальностей находится в такой же зависимости. Философия, если следовать М.Н. Эпштейну, есть не учение о бытии и/или мышлении, а потенцирование, овозможивание бытия/мышления. Причем все онтологические категории в этой системе философствования своеобразно возрождаются после своей символической «смерти» в постмодернистской эпистеме.

Все иные концепции возможного могут быть классифицированы в зависимости от того, чему приписывается возможное как модальность (и здесь М.Н. Эпштейн следует последовательно номиналистически настроенному американскому философу Н. Решеру, на которого ссылается). Модальностью чего является возможное — бытия, мышления или языка? В зависимости от решения этого вопроса выделяются четыре позиции — номинализм (модальности исключительно в языке), концептуализм (в уме), концептуальный реализм (в Божественном уме) и реализм (в бытии, независимо от языка и мышления). М.Н. Эпштейн, называя позицию Н. Решера последовательно номиналистической, все же замечает, что он «соскальзывает» в концеп-

туализм, ибо предельное объяснение связывается у последнего не с языком, а с языковыми возможностями, которые, в свою очередь, выводимы из мышления. Отсюда, по-видимому, следует, что чистый номинализм вообще невозможен.

М.Н. Эпштейн же сдвигает саму методологию рассмотрения этой проблемы в другую позицию. По М.Н. Эпштейну, важно не то, каким модусам принадлежит возможное — бытию, мышлению или языку, а как оно проявляется в этих сферах? Более того, именно возможность является, можно сказать, принципом существования бытия, языка и мышления. Бытию предшествует (не во временном, а в онтическом плане) возможность быть и т.д.

И вся книга М.Н. Эпштейна является разворачиванием, потенцированием возможности как методологической основы философского творчества. Хотя, конечно, вся эта цитадель возможного представляет собой текст интереснейшего филолога и мыслителя современности, отличающегося своими методологическими и стилистическими пристрастиями (интересами — категория интересного занимает особое место в концептивизме, ему посвящена отдельная статья в «Проективном философском словаре»), т.е. факт языка, обусловленный определенной парадигматикой (языковыми возможностями, которые необязательно сводить к особенностям мышления) и выраженный в определенной синтагматике (речевая реализация).

Книга *С.С. Гусева «Смысл возможного»*, если следовать названию, вполне вписывается в такую концептивистскую, возможностьную парадигму, но содержательно, методологически и стилистически представляет собой вполне самобытное, «неангажированное» явление. Проблема смысла, несмотря на «всеизученность» и «затасканность», получает глубокую и оригинальную разработку. В книге рассматриваются такие разные темы, как «тотемизм», «страх», «метафора», «смысл», но все они слагаются в единую линию, «итожась» в завершении в такой проблематике, как «Возможности человечества и человечество как возможность».

Проблема смысла связывается историко-генетически у С.С. Гусева, в частности, с тотемизмом, с различными формами первобытной символизации, а также с семиотическим

различением знаков первого и второго порядка. Обращаясь к этому кругу идей, видимо, стоит учитывать критику тотемизма как культурно-научного мифа у К. Леви-Строса в «Первобытном мышлении» и в других работах. Классификация знаков первого и второго порядков должна быть соотнесена с первичными моделями реальности и вторичными моделирующими структурами, как они описывались и объяснялись в контексте московско-тартуской семиотической школы, в частности, у Ю.М. Лотмана. Здесь уместнее, на мой взгляд, в качестве знаков второго порядка было бы рассматривать как раз сакрализованные предметы, становящиеся вторичными моделями, т.е. порождающими свой собственный язык, свою парадигматику, относительно автономно существующую. Сакральная сфера предметности, противопоставляемая утилитарной, являет собой как бы «вторую культуру», так же как обыденный уклад жизни оказывается «второй природой». Вторая, усложненная культура и становится смыслопорождающим устройством, условием функционирования смысла в системе человеческих отношений.

С.С. Гусев очень интересно сопоставляет термины *смысл* и *значение*, приводя различные точки зрения на их соотношение и выявляя свою собственную: «...значением слова являются именно образы, тогда как его смысл будет определяться связями с другими словами, с которыми оно соединяется в структуре конкретного текста»⁵. Отсюда возникает и такое выражение, как коннотационная семантика. Конечно, сведение значения к образу весьма уязвимо. Здесь следует учитывать и зыбкость и неопределенность самого понятия образа, и критику концепции образа Л.С. Выготского... К тому же, объяснение значения через соотношение с образом сдвигает проблему, но не приближает к ее решению. Образ ведь тоже — знак. В нем тоже можно выделить означающее и означаемое, а, следовательно, можно говорить о значении и смысле образа и т.д. В структуралистской традиции (Ф. де Соссюр — Р. Барт) значение, как правило, является синонимом означаемого, которым, в свою очередь, является не предмет, а понятие. Знак же Ф. де Соссюр понимал как двуединство означающего и означаемого. Смысл же, согласно Ю.С. Степанову, развивающему Г. Фре-

ге, следует отличать от значения как интенциональную семантику от экстенциональной соответственно. Если все же отличать значение от означаемого, то, может быть, следует рассматривать значение как сложную структуру отношений между означающим и означаемым (ибо однозначное соответствие здесь возможно только в случае искусственных, формализованных языков, тогда как в естественном языке, а также во «вторичных» языках – художественных, научных и т. д. – преобладают разветвленные, многообразные соотношенности формальных и содержательных моментов в знаке). С.С. Гусев замечает, что значение и смысл не могут осмысляться вне соотношения со структурой понятия, но если последнее, фактически, совпадает с означаемым (по Ф. де Соссюру, Р. Барту, на которого ориентируется автор, У. Эко), то возникает смешение терминов, что является нежелательным для всякой стройной теории.

Следует иметь в виду, что всякое значение обусловлено контекстом, в том числе и образы, о которых говорит С.С. Гусев. Мы не можем ничего сказать об образе, абстрагируясь от коннотаций. В таком случае теряет смысл само разграничение образа и смысла, так как специфика эйдоса задается и создается контекстуальными отношениями. Это прекрасно видно на примере художественного образа. Образ как таковой определяется не корреспонденциями с внетекстовой реальностью, а художественной структурой текста. В таком случае можно вообще абстрагироваться от значения и говорить только о смысле. Вообще, если смысл определять через контекстуальные связи, существующие в той или иной семиотической системе, это, фактически, приводит нас к структуралистским представлениям о смысле как структуре текста, что возвращает к гуманитарному мышлению начала 1960-х гг., не привнося ничего существенно нового. Сходные представления мы находим и у А.Ф. Лосева в размышлениях о природе символа. Здесь опять же смысл растворяется в семиотических отношениях, что стало общим местом в методологической линии формализм – структурализм – деконструктивизм. Думается, что в контексте новой гуманитарной парадигмы, глубокой семиотики, метафизики как персонологии, о которых говорит Г.Л. Тульчинский, более интересным и новым

было бы полагать смысл как нечто трансцендирующее знаковую природу текста и мышления.

Отдельно говорит С.С. Гусев о смысле символических структур как более высокоорганизованных построений, акцентируя внимание на их полисемантике. Вообще, как представляется, С.С. Гусев больше внимания уделяет разнопорядковости и многоуровневости смысловых образований, нежели общей теории смысла. И в этом чувствуется примат смысловых возможностей над «тоталитарностью» большой теории.

Персонологическая метафизика и глубокая семиотика

Пожалуй, самое разноплановое сочинение серии, стилистически и теоретически – *«Постчеловеческая персонология» Г.Л. Тульчинского*. При этом автор удивительным образом реализует единство методологии и общей позиции. В этом философском опыте говорится и о политике, и о менеджменте, приводятся личные воспоминания (то, что станет позднее материалом для «Историй по жизни»). Видно, что это – синхронно представленная динамика, динамика человеческого и философского (персонологически объединенных) опыта, некая обобщающая, суммирующая рефлексия, синтезирующая многочисленные абстрактные и схематические построения с экзистенциальным опытом души. Это – книга, открывающая действительно новые философские горизонты. Феномен постчеловечности осмысливается Г.Л. Тульчинским как духовное, не ограниченное и не сдерживаемое человеческим, сугубо антропологическим фактором. Человеческое детерминировано особенностями тела, видовыми характеристиками, но современная культура (спорт, медицина, искусства, технические достижения) настолько деформировала, деконструировала тело и наши представления о теле, что перестала определяться антропологическими атрибутами. Культура так или иначе трансцендирует биологические качества человека разумного, и для осмысления личности, персоны мы уже не можем ограничиваться «слишком человеческими» параметрами. Личности и осмыслению личности стало тесно в человеческих (видовых) рамках в современной гуманитарной парадигме. Личность оказывается за пределами виду homo sapiens бла-

годаря росту самосознания, становится по отношению к своей видовой идентификации в позицию пост-. Личностное самосознание, самовозрастание личности происходит, по мнению Г.Л. Тульчинского, по векторам свободы и ответственности, которые связаны друг с другом особым образом. В предисловии к *«Философии тела» М.Н. Эпштейна* и *«Телу свободы» Г.Л. Тульчинского* мы находим следующую фразу: «...культура — это алхимия, которая претворяет необходимость в ответственность, пользуясь философским камнем свободы»⁶. Эта мысль — во многом ключ ко всей направленности философского поиска, определяющего «Тела мысли», замысел нового гуманитарного проекта.

Ответственность здесь эквивалентна возможности, так как последняя, согласно эпштейновской истории философии, также приходит на смену периоду философии необходимости (от Канта до Деррида), свобода же, как может показаться, не является в этой формуле чем-либо самоценным, так же, как и философский камень является в первую очередь средством достижения цели. Хотя тут можно вспомнить об экзотерическом и эзотерическом понимании алхимии. Профанное восприятие алхимического знания целиком заинтересовано получением внешнего результата (материальные ценности), а для подлинной алхимии важен сам процесс внутреннего делания — имеется в виду пресуществление личности алхимика, идущее параллельно изготовлению философского камня. Так что, воспитывая в себе свободу, мы не просто можем стать ответственными (вменяемыми), но и перевоплотиться внутренне, обрести тело свободы. Причем дух, как представляется, может стать свободным, лишь освободившись от отождествления с конкретной телом. Тело же свободы, в отличие от биологического тела, видимо, представляет собой область распространения возможностей личности.

Существенно развивает персонологическую тему и последняя по времени книга серии — работа пермского философа *С.В. Комарова «Метафизика и феноменология субъективности»* — обстоятельнейший трактат по метафизике и феноменологии субъективности⁷. В итоге тонкого и глубокого анализа феномена субъективности, эволюции его ос-

мысления в философской классике и современной литературе, автор приходит к «расширенному» пониманию субъективности «мерцающего» субъекта.

Очень важным в постчеловеческой персонологии является постулирование такого направления гуманитарной мысли, как глубокая семиотика, альтернативная как американской семиотической, так и французской семиологической традициям. Ряд имен, представляющих эту традицию, таков: В. Гумбольдт, В. Вундт, А. Фосслер, В. Марти, М.М. Бахтин, Н.М. Бахтин, Г.Г. Шпет, П.А. Флоренский, Л.С. Выготский. Иногда в кругу этих имен упоминается А.Ф. Лосев. Вероятно, к этой же традиции имеют отношение С. Рубинштейн и А. Леонтьев.

Традиция глубокой семиотики, следуя мысли Г.Л. Тульчинского, сконцентрирована на метафизике текста, в отличие от французской семиологии, сосредоточенной на дискурсивных структурах, и пирсовской семиотике, во многом совпадающей с логикой. На первый план в глубокой семиотике выходит проблема осмысления, это — персонологическая семиотика. Г.Л. Тульчинский предлагает сделать метафизику четвертым, дополнительным измерением семиотики наряду с синтактикой, семантикой и прагматикой. Причем для метафизики основным объектом рассмотрения оказывается, в таком случае, система отношений *личность — текст*. Но здесь важно правильно, в соответствии со взглядами, представляемыми в новой гуманитарной парадигме, понимать личность (в контексте постчеловеческой персонологии). Возможным синонимом глубокой семиотики у Г.Л. Тульчинского оказывается семиодинамика, основным объектом которой является лиминальный (переходный) дискурс. Изучить семиотическую динамику перехода из одной парадигмы (системы, эпистемы, эпохи) в другую — вот что представляет интерес для этой дисциплины. Лиминальность всегда проявляет себя через остранение (которое сближается у Г.Л. Тульчинского с деконструкцией), т.е. семиодинамика — это в значительной степени семиозис остранения. Но остранение — это лишь первая фаза лиминальности, по Г.Л. Тульчинскому. За ней следует свободная игра остраненными смыслами (вторая фаза), а за последней —

новое конструирование (концептирование). В частности, концептивизм и постчеловеческая персонология явились результатами такого конструирования после первых двух фаз (деконструкции и игры) постструктурализма – деконструктивизма – постмодернизма.

Лингговитализм

Особо следует отметить специфическую креативность работ серии. Креативность здесь играет, пожалуй, решающую роль, так как именно она, дополняя исследовательский модус гуманитарного знания, составляет специфику современной парадигмы наук о духе. Если в структурализме господствовал аналитизм (не логический, как в неопозитивизме, а структурно-лингвистический), а в деконструктивизме – интертекстуальная игра с текстами – художественными, научными и философскими (игра, исключаящая творчество, ибо само творчество объявлялось невозможным, так как любой пишущий обречен на цитирование), то в новой неклассической метафизике (концептивизме, конструкционизме, постчеловеческой персонологии, потенциологии, философии возможного, глубокой семиотике) на первый план выходит некое самодостаточное умножение сущностей, потенцирование возможных миров, т.е., проще говоря, не сдерживаемое «методологической одержимостью» (по выражению М.Н. Эпштейна) философское (научное, художественное) творчество. Порождение новых смысловых возможностей, т.е. смыслопорождение, расширение гносеологического и методологического поля рассматриваются в данной исследовательской ауре как вполне автономные задачи, точнее, некие философские (научные, поэтические (от *поэтика*), в каком-то смысле даже мифопоэтические, мыслительские) творческие задания, вдохновляющие современных гуманитариев. Для рассматриваемого круга идей характерно неприятие методологической определенности (обусловленности, «заикленности», «одержимости»), редукционизма, детерминизма, классически, логоцентристки понимаемой интеграции (философии всеединства М.Н. Эпштейн противопоставляет философию всеразличия, некую пандифференциацию знания).

Выражение «лингвистический поворот» в философии XX века давно стало общеупотребительным. Правда, оно чаще ассоциируется с лингвоаналитической, позитивистской англосаксонской традицией и с онтологической герменевтикой, тогда как методологически вернее, на мой взгляд, было бы возводить данную тенденцию к структурной лингвистике и проекту семиологии Ф. де Соссюра. В.Л. Махлин, филолог и философ, исследователь творчества М.М. Бахтина, говорит об «общефилологическом повороте» философии XX века. Мне кажется, что наибольшую силу лингвистическая тенденция в философствовании набирает не в англосаксонской лингвофилософской традиции (от логического позитивизма до теории речевых актов и семантики возможных миров), где большее внимание уделяется логике, а не языку, а во французском структурализме середины прошлого столетия (К. Леви-Строс, ранний Р. Барт и др.). Но уже начиная с постструктуралистского этапа есть основания говорить о «литературоведческом повороте», так как и сам язык начинает пониматься через литературу (а не наоборот). Сам язык в его интертекстуальном измерении воспринимается как поэтический текст. В свете сказанного стоит заметить, что новая, концептивистская парадигма, пришедшая на смену постструктуралистской, в определенном смысле уходит от филологизации философии. После векового обусловливания дискурсивными практиками, своеобразного структурно-лингвистического редукционизма, философия вновь разворачивается к онтологии, к метафизической проблематике, хотя, конечно, филологическая линия остается довольно сильной, но изменяет свой модус. В этой связи можно говорить о «новом онтологическом повороте» философии XXI столетия.

Причем, «новая метафизика», по Г.Л. Тульчинскому, это – с одной стороны, семиотически осмысленная метафизика (отсюда глубокая семиотика), с другой – онтология как персонология (причем постчеловеческая персонология). Язык также понимается онтологически, но не в хайдеггеровском и не в гадамеровском смысле, а лингво-виталистски (по М.Н. Эпштейну). Лингвовиталистически ориентированный философ не пытается построить искусствен-

ный язык, не пытается анализировать язык обыденный (хотя размышления об этимологии, семантике и др. языковых аспектах присутствуют; правда, они имеют характер вполне самостоятельного теоретизирования (потенцирования – размышления о языковых возможностях, а также проецирования самих языковых возможностей), не обладая выраженной прагматической направленностью, которой отличается аналитическая философия), но занимается вполне свободным (и ответственным) философским языкотворчеством. Создаются новые философские концепты, формируется новый философский язык, моделируются возможные миры философствования, прочерчиваются новые векторы мысли. Все это есть не что иное, как создание новых смысловых возможностей.

Лингвовиталистская методология – это своеобразный синтез подходов Ницше и Витгенштейна; это – языковой синтез, противопоставленный языковому анализу. Творческий потенциал философствования (в смысле языкового синтеза) обнаруживается у Ницше, о нем говорят Ж. Делез и Ф. Гваттари, а у авторов «Тел мысли» он возводится в методологический принцип, который выражается, в частности, в таком философско-языкотворческом опыте, как «Проективный философский словарь». Новые концепты М.Н. Эпштейна, Г.Л. Тульчинского, Ю.М. Романенко и др. – своего рода «семенные логосы», потенцирующие возможный языковой мир философии.

Во всем этом чувствуется некий футуристический импульс, некий языковой утопизм (любая разновидность футуризма и, шире, авангарда, есть языковая утопия); но, с другой стороны, М.Н. Эпштейн говорит о протофилософском языке, который есть не авангард, а арьергард философствования и культуротворчества. Авангард авторитарно утверждает свое эстетическое господство, он весьма откровенно стремится к власти, тогда как протокультура мыслит себя в качестве эмбриональной стадии отдаленного будущего.

Гипертекст «Тел мысли»

Многие концепты и концепции, развиваемые в «Философии возможного» М.Н. Эпштейна и «Постчеловеческой

персонологии» Г.Л. Тульчинского, продолжают систематизироваться и уточняться в «*Проективном философском словаре*». Помимо этих двух авторов, словарные статьи представлены также Г.М. Бревде, Д.Ю. Голынко, С.Е. Евстратовым, Г.Л. Ляховицкой, А. Молдавером, Ю.М. Романенко, В.В. Савчуком, С.Л. Фокиным, О.А. Чулковым. Словарь представляет собой гипертекст, внедряющий в плоть культуры новые концепты самим актом заявления, манифестации. Основной пафос словаря – творческий, эвристический. Важно, что концептирование (зачинание новых смыслов) в данном случае совпадает с фактом систематизации новых терминов. Проективный словарь – это еще и протословарь, предполагающий дальнейшее логосное самовозрастание терминов.

Гипертекстуальны и другие книги серии.

Монография Ю.М. Романенко «*Бытие и естество*» – диссертационное исследование с приложением, знакомящим нас с процедурой защиты докторской диссертации. Основопологающим для Ю. М. Романенко является разведение бытия и естества как основных философских терминов (и онтологии и метафизики соответственно). Естество у Ю.М. Романенко синонимично природе (фюсис), но для автора очень важен лингвистический аспект языка философии, в том числе и этимология термина. Поэтому автор настаивает именно на «естестве», отличая его от бытия. Естество оказывается как бы бытийной авторефлексией, пресуществляющей единое в двоицу (в арифмологическом контексте). Это – новый, очень интересный и глубокий взгляд на вещи, вместе с тем возрождающий досократическую, арифмологическую, физиологическую традицию философствования. Сам Ю.М. Романенко в связи с этим говорит об энергийно-арифмологическом методе философского исследования. Меня лично в этом контексте волнует вопрос философско-семиотического характера: знак как двоица неотличим от естества с метафизической точки зрения? Ведь именно в знаке, с некоторой точки зрения, бытие осознает себя как двоицу (разделение на сущность и явление, форму и содержание, энергию и материю, означающее и означаемое). Значит ли это, что перед лицом бытия (единого) теряет смысл различение природы и культуры, естественного и искусственного?

Книга **В.А. Карпунина** «*Воля к бытию*» носит философско-апологетический характер. Это – апология и онтологического аргумента, и религиозного мировоззрения в системе философского знания, и философии о. П. Флоренского (перед лицом самого же о. П. Флоренского)... Хотя есть и осуждения – скажем, творчества М. Булгакова. В общем, это – очень аксиологическая, иногда даже литературно-критическая философия. Чувствуется публицистический опыт автора. Как заметил Г.Л. Тульчинский, В.А. Карпунин – живой философ. Это – живая философия не в ницшеанском смысле, а, скорее, в смысле символистского жизнестроительства, понятого и через мистическую персонологию Д. Андреева (В.А. Карпунин на страницах своей книги очень высоко оценивает «Розу мира»). Что же такое онтологический импульс? «Онтологический импульс – это созидательная, антиэнтропийная, организующая сила нашего духа и воплощение свободы его самоопределения»⁸. Можно задаться вопросом, какова природа импульса, организовавшего новое направление мысли, выразившееся в «Телах мысли», – дискурсивная или онтологическая? Видимо, сама школа мысли все же осознает себя изначально как онтологическую интенцию.

Своеобразной кульминацией серии является книга, написанная двумя авторами – **М.Н. Эпштейном** («*Философия тела*») и **Г.Л. Тульчинским** («*Тело свободы*»). Редколлегия серии и авторы книги сами говорят о ключевом характере этого философского опыта о теле для рассматриваемого издательского проекта. В предисловии распределение авторов и тем характеризуется следующим образом: «Первая книга (М.Н. Эпштейна. – *А.Ш.*) – это любовное «прощай», обращенное к телу как к самому хрупкому и драгоценному сосуду человечности, все более переливающейся в емкости виртуальной памяти, во вселенную знаков, чисел, программ и алгоритмов. Вторая книга (Г.Л. Тульчинского. – *А.Ш.*) – это тревожное «здравствуй», обращенное к неведомым рубежам новой человечности, созидающей свои новые тела из еще более хрупких материй свободы и ответственности»⁹.

Из замысла серии и из понимания роли данной книги в «Телах мысли» (и из самого названия серии) следует, что

новая философия — это прежде всего философское осмысление тела. Потому что персонологический опыт немислим без философской артикуляции осознания тела, отношения к телу. Постмодернизм, несмотря на свой телоцентризм, не был философией тела. Западная философия начиналась с натурфилософии, т.е. с философии тел, и вот в начале XXI столетия тело осознается как важнейшая философская категория. Напомним также, что одна из древнейших философских систем в истории человечества — йога — также является, по существу, философией тела. Но только если йога имеет дело с телом как выражением естества (причем, и в интерпретации Ю.М. Романенко), то для современных авторов тело — это тело, увиденное через призму социальных, культурных и дискурсивных практик и видоизмененное этими практиками. Характерной особенностью двух книг является обостренный интерес к хаптике — к так называемой осязательной философии.

Прежде всего, это — очень увлекательное чтение. Я позволю себе процитировать одну магистрантку-филолога, которая, по-моему, очень тонко заметила, что эту «сдвоенную» работу отличает «прелесть определений». Впрочем, это можно отнести ко всей серии.

Произведение М.Н. Эпштейна состоит из вполне самостоятельных разделов: «Хаптика», «Практика», «Эрос», «Эротикон Ивана Соловьева» (приложение), «Груминг. Самоочищение». «Хаптика» имеет целиком проективный характер, т.е. представляет собой творческое моделирование новой гуманитарной дисциплины, где основой познания выступает хапос, осязательная чувственность. «Практика» есть художественный и искусствоведческий опыт, манифестирование новой хаптической эстетики. «Эрос» есть личный опыт вчувствования в, так скажем, эротосферу, эротокосм (где, кстати, утрачивается граница между микрокосмом и макрокосмом). «Эротикон...» является своеобразным иностилистическим дополнением к предыдущему сегменту. И, наконец, последняя часть впечатляет с философско-антропологической точки зрения: М.Н. Эпштейн предлагает гипотезу происхождения культуры из природы через «практику самоочищения и взаимной чистки у животных —

груминг. С биологической (этологической) точки зрения эта гипотеза уязвима. Дело в том, что груминг представляет собой не столько осязательную коммуникацию, генетически предшествующую вербальной, сколько механизм избавления от более сильных тактильных ощущений — зуда, вызываемого паразитами и т. д. Тем не менее, роль гигиенических практик у животных и человека в самоорганизации и культурных коммуникациях велика и должна быть подвергнута специальной философской и научной рефлексии».

Мне кажется, что «Философия тела» М.Н. Эпштейна важна и как интереснейший индивидуальный философский опыт, и как начало некоей большой философской традиции. «Тело свободы» Г.Л. Тульчинского является развитием идей глубокой семиотики. Методологические и гносеологические возможности метафизико-семиотической персонологии Г.Л. Тульчинского перекликаются (в авторских построениях и интенциях) с моделями сознания Тейяра де Шардена, В.В. Налимова, трансперсональной психологии и некоторыми другими. Важно отметить, что эти интереснейшие теоретические построения имеют не только умозрительный характер, но, во-первых, разнообразят возможности философски осмысленного диалога с собственным телом или телом другого (философская рефлексия по поводу тела), и, во-вторых, создают некий общественный аттрактор развития — к новой рациональности как «разумной целостности и гармонии мира, когда технология оказывается мерой вмняемой ответственности»¹⁰.

В предисловии к труду М.Н. Эпштейна и Г.Л. Тульчинского говорится о взаимопереходящем круговороте тела и мысли, биосферы и ноосферы как о некоем принципе бытия и, вместе с тем, главной теме книги. Такова же и основная гнозисная направленность всей серии «Тела мысли». И, действительно, это философское сочинение двух авторов наиболее приближается к общему замыслу нового философского проекта и всей развиваемой гуманитарной парадигмы. Поэтому начать знакомство с серией можно именно с этой книги.

И, наконец, «Истории по жизни» Г.Л. Тульчинского, которые сам автор характеризует как «опыт персонологической систематизации». «Истории по жизни» — это некий но-

вый жанр философской словесности, близкий эссе, но, в отличие от последнего, принципиально событийный. Книга обладает и несомненной художественной, стилистической ценностью. Но почему это все же философская литература? Вероятно, потому, что все «истории», так или иначе, являются осмыслениями-иллюстрациями философских универсалий, а также в силу того, что лаконичные сюжеты, представленные в этом сочинении, в значительной степени являются историями идей и тесно связаны с судьбами интеллектуальной жизни философского сообщества.

Опыт перехода из вчера в завтра

Книги серии не остались незамеченными. Некоторые из них были номинированы и получили премии ряда конкурсов, книжных салонов и выставок. Не вдаваясь в довольно обширную и в целом доброжелательную критику, стоит отметить тонкое наблюдение М. Виролайнен в рецензии на «Проективный философский словарь»¹¹, заметившей, что его авторы неспроста находят аргументы в пользу взрыва базовых ценностей Дело в том, что они на деле демонстрируют возможность перехода через ту пропасть, которая открывается там, где происходит обрыв преемственности.

Принадлежа к «родительскому» культурному поколению, еще не состарившиеся авторы не отвергают, а решаются принять наследие «детей», поколения, которое сравнительно недавно вступило в пору зрелости. Поэтому «конец истории» их не смущает: для них чувство конца — одна из обычных составляющих переходного (лиминального) состояния культуры. Подобная интерпретация современной культуры, по-видимому, почти недоступна тем, кто принадлежит ей одной и для кого зыбкий момент перехода порождает дискомфорт и стресс. Это характерно как для носителей старых традиций, так и для достигших «деконструктивистского дна». Гораздо проще тому, в чей духовный опыт входит и «вчерашняя», и «сегодняшняя» культура. Для них позиция «навигатора», «странника» по возможным мирам естественна персонологически.

Поэтому им, лично знакомым с развитым социализмом, перестройкой, начинающим отечественным и «зре-

лым» зарубежным капитализмом легче открывается перспектива в иное, отличное от настоящего, «завтра». Уже знакомое с переходом от «вчера» к «сегодня», это поколение само «сегодня» рассматривает как трансфер. Поэтому авторы серии могут с легкостью объявлять, что приставка «пост-», имевшая принципиальное мировоззренческое значение в интеллектуальных движениях 70 — 90-х годов (постмодернизм, постструктурализм, постколониализм, посткоммунизм), в начале XXI века уступит свое место префиксоиду «прото-». «Конец реальности», о котором так много говорили, оказывается только началом виртуальной эры. Дело не ограничивается «оптимистизмом». Осознание своего настоящего, себя самого как лиминальной фазы, предваряющей неизведанное будущее, требует готовности к утрате, мужества и смирения. Тем самым удивительно расширяется сфера творческих возможностей. Вот только некоторые из них: приход внимания к единичному и конкретному на смену прежнему типу рационального мышления, склонного к обобщениям и абстракциям; метафизика «предельно малых, логически узких, конкретных понятий и внепонятийных единичностей, элементарных мыслимоостей»; «глубокая семиотика», включающая личность как источник и средство смыслообразования и т.д. Авторы серии пытаются нащупать тропинки, выводящие из фазы отрицания. Нельзя сказать, что на этих путях они предлагают нечто новое и неслыханное. Скорее они придают центростремительное движение тем направлениям мысли, которые до сих пор существовали на периферии культурного поля.

Авторы словаря и всей серии приветствуют начавшееся перерождение мира и человека. Такие утраты европейской культуры последних двух столетий, как отказ от субъектно-объектных отношений, от дуальных оппозиций и связи означаемого и означающего, интерпретируются ими как условие новых обретений. А исчерпание человека как отдельного вида ими трактуется как распространение человеческого за его биологический предел. Это позволяет им оптимистически глядеть на происходящие перемены — духовные и технические.

Главное, авторы предпочитают рассматривать конец как начало, собирают накопленное предшественниками и стремятся, преобразовав, упаковать его так, чтобы переправить на другой берег будущей, новой, *другой* истории. Речь идет о реальных конструктивных усилиях вступить во взаимодействие с тем «завтра», которое решительно отвергнет инерцию сегодняшней культуры.

Хотелось бы, чтобы все сказанное здесь воспринималось не столько как критико-аналитический опыт, сколько как приглашение к чтению и перечитыванию, а также, естественно, осмыслению подлинно новаторских, глубоко онтологических и жизненных философских текстов «Тел мысли». Так или иначе, но как отдельные книги, так и вся серия изданий в целом стали существенным событием. Отечественная философия традиционно развивалась эхологически, «в ответ», как рецепция новейших концепций европейской философии. Серия же «*Тела мысли*», пожалуй, впервые представляет результаты отечественной философской мысли, равноправно вступающие со своей собственной тематикой в современную мировую философскую культуру.

Примечания

¹ В редакционный совет серии входят: *Т. В. Артемьева* (Институт человека РАН, СПб.), *И.П. Смирнов* (Univ. Konstanz, BRD), *Э.А. Тропп* (СПб., Научный Центр РАН), *Г.Л. Тульчинский* (СПб Университет культуры и искусств), *М.Н. Эпштейн* (Emory Univ., USA).

Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков. СПб., 2000; *Эпштейн М.Н.* Философия возможного. СПб., 2001; *Гусев С.С.* Смысл возможного. Коннотационная семантика. СПб., 2002; *Тульчинский Г.Л.* Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб., 2002; *Романенко Ю. М.* Бытие и естество: Онтология и метафизика как типы философского знания. СПб., 2003; *Проективный философский словарь: Новые термины и понятия.* СПб., 2003; *Карпунин В.А.* Воля к бытию: Онтологический импульс. СПб., 2004; *Эпштейн М.Н.* Философия тела. *Тульчинский Г.Л.* Тело свободы. СПб., 2006; *Комаров С. В.* Метафизика и феноменология субъективности: Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб., 2007; *Тульчинский Г.Л.* Истории по жизни: Опыт персонологической систематизации. СПб., 2007.

- Монография Ю.М. Романенко формально не относится к «Телам мысли» (на ней отсутствует логотип серии, не присутствует и в библиографическом описании), но концептуально и по замыслу в полной мере соответствует возможностному миру, проекту проективности, можно даже сказать, эгрегору серии. По всей видимости, такое формальное выпадение из проекта связано с тем, что книга жанрово связана с защищенной докторской диссертацией автора. Со скорбью отметим, что один из авторов серии «Тела мысли», В.А. Карпунин, безвременно ушел из жизни. Его книга вышла посмертно.
- ² Всего вышло три тома чтений: «Разум. Духовность. Традиция», «Российский духовный опыт» и «Метафизика Петербурга».
- ³ *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
- ⁴ *Уваров М.С.* Возможна ли культурология как «чистая» наука? // Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков. СПб., 2000. С. 92.
- ⁵ *Гусев С. С.* Смысл возможного. Коннотационная семантика. С. 189.
- ⁶ *Эпштейн М.Н.* Философия тела. *Тульчинский Г.Л.* Тело свободы. С. 7.
- ⁷ *Комаров С.В.* Метафизика и феноменология субъективности. Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания.
- ⁸ *Карпунин В. А.* Воля к бытию. Онтологический импульс. С. 156.
- ⁹ *Эпштейн М.Н.* Философия тела. *Тульчинский Г.Л.* Тело свободы. С. 7.
- ¹⁰ Там же. С. 391.
- ¹¹ *Виролайнен М.* Протоязык XXI века // Новый мир. 2004, № 2.

**Обзоры, объявления,
сообщения**

**ФИЛОСОФИЯ – ДЕТЯМ:
Диалог культур и культура диалога**

*Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова,
Институт философии РАН,
Центральный ордена Дружбы Народов Дом работников искусств,
Межрегиональная детская общественная организация
«Философия – Детям»*

С 4-го по 7-е июня 2008 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова состоялась Третья международная конференция «Философия – Детям: Диалог культур и культура диалога» под эгидой комиссии Российской Федерации по делам Юнеско. В рамках конференции также проходила Олимпиада молодых философов в возрасте от 8 до 18 лет.

Пленарное заседание конференции началось с награждения победителей конкурса философских эссе 2006 г., а участники Международной Олимпиады по философии для школьников получили возможность вне конкурса поступить на философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

На пленарном заседании обсуждались проблемы системы образования в России и, прежде всего, школьного образования. Так, в частности, говорилось о необходимости научить детей работать с получаемой информацией, осмыслять услышанное. Вместе с тем было отмечено, что на сегодня доброжелательно и с интересом к разработкам и апробациям философских и психологических методик относятся не столько в школах, сколько в дошкольных учреждениях.

Работали следующие секции:

Секция 1. *Детское философствование в контексте диалога культур.* Руководители: д. филос. н., проф. Л.А. Беляева (Екатеринбург), д. филос. н., проф. Л.Т. Ретюнских (Москва), к. филос. н., проф. Б.А. Эренграсс (Москва).

Секция 2. *Нравственность и диалог культур в курсах философии для детей.* Руководители: д. филос. н., проф. Е.В. Золотухина (Ростов-на-Дону), д. филос. н., проф. С.И. Левикова (Москва).

Секция 3. *Логика для детей как способ воспитания культуры диалога.* Руководитель: д. филос. н., проф. И.Н. Грифцова (Москва).

Секция 4. «Философия – детям» и психологические основания диалога культур. Руководители: д. п. н., проф. *Л.Б. Шнейдер* (Москва), д. п. н., проф. *Н.Е. Веракса* (Москва).

Секция 5. «Философия – детям» и образовательные стратегии XXI века. **Подсекция 1.** Руководитель: к. филос. н., доц. *Е.А. Овсяницкая* (Москва). **Подсекция 2.** Руководители: д. пед. н., проф. *М.Н. Дудина* (Екатеринбург), к. пед. н., проф. *В.П. Одинцова* (Москва).

Секция 6. «Философия для детей» и культурная интеграция: международный опыт. Руководитель: д. филос. н., проф. *Н.С. Юлина*.

На секциях философы, психологи, экологи, педагоги, культурологи делились мнениями, опытом и наработками по применению метода философского диалога в своих развивающих методиках.

В рамках конференции проходили мастер-классы и круглый стол.

Мастер-класс «Философский диалог» провел *Оскар Брефиниер* (директор Института практической философии, Париж), по мнению которого философия – это строительство мысли, это работа с вопрошанием и установками (успокоение, симпатия, аутентичность, удивление и конфронтация). Им был проведен также семинар по практической философии. *Георгий Синченко* (Омск) в своем мастер-классе «*Викторина по логике для студентов и старших школьников*» продемонстрировал как вполне успешно могут решать логические задачи и взрослые, и дети. Интерес вызвал также мастер-класс *Л.Т. Ретюнских* «Урок философии для младших школьников».

На круглом столе по концепции современного учебника по философии для детей и подростков его участниками были высказаны пожелания к такому будущему учебнику: он должен быть образен, вариативен, вызывать чувство удивления и парадокса. Такими свойствами обладают сказки, так что, вполне вероятно, именно такую форму – форму философской сказки может обрести новая книга по философии для детей.

Все участники секций, мастер-классов, круглых столов продемонстрировали исключительный интерес к заявленной теме, еще раз подтвердили необходимость поиска новых подходов для совершенствования системы образования, прежде всего, на основе философских и психологических методик.

П.А. ЖУРАВЕЛЬ

Наши авторы

Антонян Юрий Миранович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, проректор Института гуманитарного образования.

Журавель Павел Александрович – журналист.

Кессиди Феохарий Харлампиевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Академии Афин, действительный член Академии гуманитарных исследований.

Кургузкина Елена Борисовна – доктор юридических наук, начальник отдела Всероссийского научно-исследовательского института МВД РФ.

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

Северикова Нина Михайловна – кандидат философских наук, кафедра истории русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Турбовской Яков Семенович – доктор педагогических наук, профессор, заведующий лабораторией «Философия образования» ИТИП РАО, председатель Совета директоров школ России, президент Академии творческой педагогики.

Шелковников Андрей Юрьевич – кандидат филологических наук, доктор философских наук, доцент кафедры философии факультета социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета.

Эминов Владимир Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, заведующий кафедрой криминологии, психологии и уголовно-исполнительного права Московской государственной юридической Академии.

CONTENTS

MODERNITY: TOPICAL ISSUES

Dominant ■

- KH.E. MARINOSYAN* Antipodes of Culture 5

Philosophy of Criminality ■

- Y.S. TURBOVSKOY* Criminality: Essential Lessons of the Past 12
- V.M. ROZIN* Criminality Problems on the Background of Law and Sociality Crisis 36
- Y.M. ANTONYAN* Human Nature and Crime 58
- E.B. KURGUZKINA* Crime: What Does It Mean? 77
- V.E. EMINOV* The Reasons of Crime: Criminological Analysis 94

RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT: HISTORY AND MODERNITY

From the History of Russian Philosophy ■

- N.M. SEVERIKOVA* P.A. Florensky's hypostases of Spiritual Life 109

PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT

The Unknown Past ■

- Ph.Kh. KESSIDI* Abolishment of Genetics 122
(Greece)

SCIENTIFIC LIFE

Reviews, Annotations, and Feedback ■

- A.Y. SHELKOVNIKOV* Corporeity of Thought and Thinking of Body 134

Surveys, Announcements, and Other Information ■

- P.A. ZHURAVEL* Philosophy for Children 157

- On Our Authors 159